

приташа і снідрюмав
всїм оубагошя. и дїлн

...и когыі не снма аше. адроу
 ...не дадо чнй. и тітн : +

...са. млю емлю ство. наши внаді
 ...ннїа своє шташа. нї вєдлюще

•
МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1976

•

Д.С.ЛИХАЧЕВ

— 3. § —
“ СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ ”
— 3. § —

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ОЧЕРК

- Л65 Лихачев Д. С.
«Слово о полку Игореве». Ист.-лит. очерк. М.,
«Просвещение», 1976.
175 с. с ил.

Книга адресована учителю средней школы. В ней охарактеризованы историческая основа древнерусского памятника, его содержание и композиция, жанр, проблема автора, рассмотрены идеи, образы, связь «Слова» с народной поэзией и с литературным процессом нового времени. Книга — аннотированная библиография.

Л $\frac{60501-640}{103(03)-76}$ 104—76

8Р1

ГЛАВА 1 ОТКРЫТИЕ

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», ЕГО ИЗДАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

На пороге XIX в., в 1800 г., вышло первое издание «Слова о полку Игореве» — лучшего из произведений древней русской литературы, произведения, проникнутого самой нежной и самой сильной любовью к родине, овеянного теплотой лирического чувства и скрепленного пафосом гражданского чувства. Значение этого «благоуханного цветка» (В. Г. Белинский) русской литературы безмерно велико еще оттого, что он стоит в начале того сложного развития литературы, которое впоследствии, с XIV в., привело к образованию трех братских народов: русского, украинского и белорусского. «Слово» как бы отмечено печатью тех самых качеств, которые с течением веков определили собой лучшие стороны литературы этих народов. На заре древнерусской литературы оно свидетельствует уже о творческих способностях братских народов, о самобытности истоков их культур и служит как бы символом их единства.

Рукописный список «Слова» был найден в начале 90-х годов XVIII в. известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным.

Текст «Слова» находился в сборнике древнерусских произведений светского

содержания. Кроме «Слова», сборник заключал в себе «Хронограф», летопись, называвшуюся «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Русская», «Сказание об Индийском царстве», повесть об Акире Премудром и «Дегениево деяние».

А. И. Мусин-Пушкин приобрел сборник через своего комиссионера в числе других рукописей у бывшего архимандрита упраздненного в 1788 г. Спасо-Ярославского монастыря Ионя.

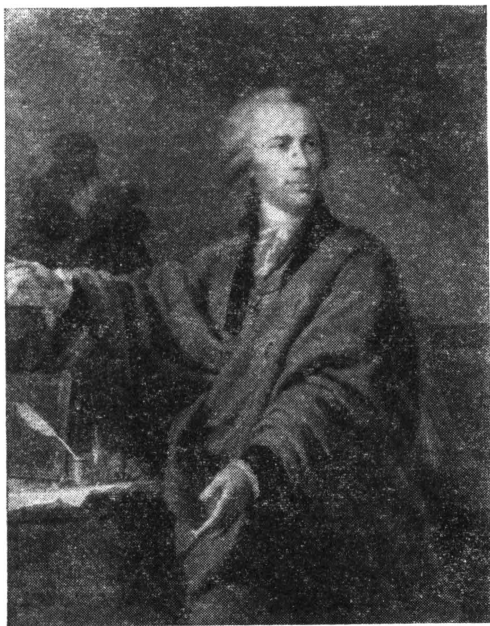
Первое, очень краткое сообщение о «Слове» было сделано известным поэтом того времени Херасковым в 1797 г. во втором издании его поэмы «Владимир»¹. Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Н. М. Карамзин в октябрьской книжке за 1797 г. журнала «Spectateur du Nord», издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге.

С рукописи «Слова» сняты были копии, одна из них², предназначавшаяся для Екатерины II, до нас дошла. В 1800 г. «Слово» было издано Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве со своими учеными друзьями: А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантышем-Каменским и историком Н. М. Карамзиным — тремя лучшими знатоками древнерусских ру-

¹ Херасков М. М. Творения, ч. II, 1797, с. 300—301.

² Первые издана П. П. Пекарским в приложении к т. 5 «Записок Академии наук» (1864). Более точно издана П. К. Симоном в

XIII т. «Древностей Московского археологического общества» (1890). Фотографии см. также в издании: «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова». Под ред. Н. В. Водовозова. М., 1954.

А. И. Мусин Пушкин
Художник Ж. Б. Лампи. 1794 г. Эрмитаж.

копией того времени¹. В 1812 г. сборник, включавший «Слово о полку Игореве», сгорел в московском пожаре в доме Мусина-Пушкина на Разгуляе. В доме Мусина-Пушкина погибли и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая пергаментная Троицкая летопись самого начала XV в., которой широко пользовался Карамзин при создании «Истории Государства российского».

Сгорела и большая часть экземпляров первого издания «Слова».

Нас не должно удивлять, что «Слово о полку Игореве» дошло до нас в единственном списке. В единственном списке сохранилось и «Поучение Владимира Мономаха» начала XII в., и «Повесть о Горе Злочастии» XVII в. В единственном списке долгое время было нам известно и «Слово о гибели Русской земли» XIII в.; только недавно была найдена еще одна рукопись этого замечательного произведения².

В 1813 г., уже после того как рукопись «Слова» вместе со всем богатым собранием древностей А. И. Мусина-Пушкина погибла в московском пожаре 1812 г., известный археограф К. Ф. Калайдович писал А. И. Мусину-Пушкину: «Я желал бы знать о всех подробностях несравненной песни Игоревой. На чем, как и когда она написана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано? Также и о первых ее переводах, о коих я слышал от А. Ф. Малиновского».

Ответ А. И. Мусина-Пушкина на это обращение К. Ф. Калайдовича является и до сих пор наиболее важным документом для истории открытия и издания «Слова», но, к сожалению, далеко не полным и не ясным. Вот что писал в 1824 г. К. Ф. Калайдович по этому поводу: «Что касается до вопросов: на чем, как и когда писана Песнь Игорева? где найдена? и кто был участником в переводе и издании оной? — послушаем са-

¹ Воспроизведения мусин-пушкинского издания 1800 г. (фотомеханически): в издании А. С. Суворина (1904), М. и С. Сабашниковых (1920), в кн.: «Слово о полку Игореве» (серия «Литературные памятники». М.—Л., 1950), в издании «Слова о полку Игореве» (серия «Библиотека поэта». Л., 1952) и в украинском издании «Слова о полку Игореве» (Державне Видавництво художньої літератури, Київ, 1952). Описание сохранившихся экземпляров первого издания «Слова о полку

Игореве» и всех материалов, связанных с первым изданием, а также полную публикацию всех этих текстов см. в кн.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

² Малышев В. И. «Житие Александра Невского» (по рукописи середины XVI в. Гребеншиковской старообрядческой общины в Риге). — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — «ТОДРЛ»), т. V. М.—Л., 1947.

мого графа, который на сие отвечал мне декабря 31, 1813 года, следующее: на чем и когда писана? — Писана на лощеной бумаге, в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века. — Где найдена? — До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель Словесности: по уничтожению штата, остался в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием *хронограф*, в конце найдено Слово о полку Игореве. — О прежних переводах и кто был участником в издании? — Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением оныя Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было разобрано, но я не был переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки подобной кн. Щербатову, который, разбирая грамоту Новгородцев к Ярославу, напечатал в оной между прочего (что надеюсь вам известно): «по что отъял еси поле, заячь и Миловцы?»¹. По переезде же моем в Москву, увидел я у А. Ф. Ма-

М. М. Херасков.
Гравюра Н. Соколова с оригинала Ф. Кюнсля.

линовского, к удивлению моему, перевод мой очень в неисправной переписке и, по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Бантыша-Каменского, решился обще с ними сверить предложение с подлинником и, исправя с общего совета, что следовало, отдал в печать»².

Не удовлетворенный неясным характером этого письма, К. Ф. Калайдович вновь обращался к А. И. Мусину-Пушкину с просьбой точнее определить характер письма рукописи и назвать лиц, видевших рукопись «Слова», но не получил ответа: к этому времени уже возникли подозрения скептиков, начались разговоры о подделке рукописи, и А. И. Мусин-Пушкин, не понимавший научного

¹ Надо было: «заячьими ловцы» (Д. Л.).

² Калайдович К. Ф. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей гр. А. Ив. Му-

сина-Пушкина. — «Записки и труды Общества истории и древностей при Московском университете», ч. II, 1824.

значения вопросов К. Ф. Калайдовича, увидел в них, очевидно, все то же недоверчивое отношение к нему лично и, может быть, задетый этим, предпочел молчать по существу.

До сих пор многое остается неясным. Прежде всего неясно время открытия «Слова». Очевидно, что покупка «Слова» состоялась не ранее 1788 г., так как в письме А. И. Мусина-Пушкина ясно говорится о том, что покупка была сделана у Иоиля после упразднения ярославского Спасо-Преображенского монастыря, которое и произошло в 1788 г. Вряд ли она была совершена до назначения А. И. Мусина-Пушкина на оберпрокурорский пост в 1791 г., до того как он вообще стал заниматься собиранием рукописей.

Однако рукопись «Слова» была приобретена не позднее 1792 г., так как существовало мнение, основанное, впрочем, на предании, что исторические и филологические примечания (к изданию Мусина-Пушкина) писал известный тогдашний критик Болтин, умерший 6 октября 1792 г. То, что рукопись «Слова» была приобретена не позднее 1792 г., доказывает и косвенное указание на знакомство со «Словом» в статье П. А. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве дум российских» в февральском номере журнала «Зритель» за 1792 г.¹

Сличение екатерининской копии и издания 1800 г. наглядно показывает, как много не понимали первоначально в «Слове» из-за естественной для конца XVIII в. неосведомленности в истории русского языка или отсутствия палеографических знаний. То, что сейчас кажется нам простым и ясным в «Слове», не было «узнано» его первыми издателями, нагромоздившими на текст «Слова», и без того испорченный переписчиками,

свои собственные ошибки прочтения, свидетельствующие вместе с тем и о добросовестности издателей как археографов: они предпочитали оставлять текст «темным», чем произвольно его «просветлять».

Явное непонимание текста «Слова» заметно во многих местах первого издания, где неправильно разделены или слиты слова текста (в подлиннике, по свидетельству А. И. Мусина-Пушкина, слова были писаны в сплошную строку).

Так, например, в первом издании «Слова» напечатано раздельно «къ мети», «по скочи», «затвори въ Дунаю», «сице и рати», «мужа имъ ся», «по морию, по сулию» вместо «къ мети», «поскочи», «затворивъ Дунаю», «сицеи рати», «мужаймъся», «поморию, посулию». Непонятные им слова первые издатели «Слова» писали иногда с прописных букв, предполагая, что это собственные имена.

Так получилось в интерпретации издателей: «Шеломьянем» — село в Переяславской области (с. 10 первого издания); «Кошей» — якобы собственное имя половца (с. 22); «Урим» (вм. «у Рим») — якобы один из воевод или соратников Игоря (с. 27); «Чага», отождествленная с Кончаком (с. 28), и др. Наконец, первые издатели «Слова» оставили вовсе без перевода такое ясное для нас место, как: «великому Хръсови вльком путь прерыскаше» (с. 36).

Не только в деталях, но и в самом общем его содержании «Слово» не было понято ни его издателями, ни их современниками. Литературная среда конца XVIII — начала XIX в. стремилась обнаружить в «Слове» по преимуществу соответствия своим собственным предромантическим вкусам. В «Слове» искали

¹ Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». — «ТОДРЛ», т. V. М.—Л., 1947, с. 135—136. См. также

указанную выше книгу Л. А. Дмитриева «История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

оссианизм¹, сведения о древних народных «бардах» и т. п.² Вместе с тем нравственно-патриотическое содержание «Слова» оставалось совершенно нераскрытым. «Словом» гордились как произведением, свидетельствующим о существовании своеобразной поэтической культуры на Руси в XII в. Восторженное отношение вызывало упоминание в «Слове» Бояна, в котором современники видели прежде всего певца типа шотландских бардов; привлекали внимание отзвуки язычества в «Слове» и приметы существования на Руси собственного Олимпа богов. Однако патриотические призывы автора «Слова», его теплое чувство родины не находили еще отзвуков; не были поняты и все типично русские особенности формы «Слова» — ее соответствие русской народной поэзии, летописи, произведениям древней русской литературы.

Во многом не поняли «Слово» его ближайшие издатели Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский — скрупулезные, педантично честные и аккуратные архивисты³.

Вскоре после первого издания были открыты веские подтверждения подлинности «Слова о полку Игореве». К. Ф. Калайдович открыл в псковском пергаментном Апостоле 1307 г. приписку, оказавшуюся переделкой одного места в «Слове о полку Игореве»⁴.

Н. М. Карамзин.
Гравюра К. Лоришон с оригинала
К. В. Лапиша.

А. С. Пушкин, занимавшийся переводом «Слова», но не успевший закончить своей работы, верно почувствовал связи «Слова» с устной народной поэзией. Вслед за Пушкиным эти народноосновы «Слова» были тщательно изучены М. А. Максимовичем.

¹ Сочинения легендарного воина и певца кельтов Оссиана, жившего, по преданиям, в III в. н. э. в Ирландии, были якобы открыты, а на самом деле сочинены Дж. Макферсоном в середине XVIII в. Их особенности — меланхолический характер, мечтательность, лиризм — были в большой моде в конце XVIII и начале XIX в.

² Елеонский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. И. Г. Клубуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947.

³ Соловьев А. В. Екатерининский список и первое издание «Слова». — В кн.: Соловьев А. и Якобсон Р. «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954.

⁴ «Сего же лета бысть бой на Русьск земли Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князех сеяшется и роста усобицами, гыняше жизнь наша в князех, коры и веци скорятишася человеком». Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Тогда, при Олѣхъ Гоу славличи, съяшется и растяшеть усобица погибашеть жизнь Дажьдбожа внука; въ кжжхъ крамолахъ вѣци человекѣмъ скратишася».

Слово о полку Игореве
Игоря сына Святислава
внука Ольгова.

Копия с рукописи «Слова»,
сделанная для Екатерины II.

Независимо ни бысть братіе, нѣматъ
старыми словесы трюхнѣвъ повѣстѣмъ
о полку Игоревѣ, Игоря Святиславича
Нѣматирѣсать племни по близинамъ
сего времени, а не по замышленію бо-
люю. Тѣмъ бо оушій, аще нѣмъ ло-
таше пѣснь творити, то расте-
кашется мислѣ по древу, стрѣмъ
выполъ по землѣ, шивомъ оурашъ
пѣръ облакъ. Пѣмаше бо рѣтъ
первѣмъ времени лѣбѣвъ. Тогда
пѣшаше 10^{мъ} сополовъ на стадо
лѣбѣвъ. Который дѣтеаше та
предъ пѣснь поше, старомъ Яро-
славъ, храбрѣмъ Мстиславъ, иже
зарѣмъ Рѣсѣю предъ племни Косовъ-
славичи, красномъ Вологодѣ Святъ-
славичи. Болю се братіе не 10^{мъ}
соловъ, на стадо лѣбѣвъ пѣшаше,
не спѣхъ вѣща прѣсты на дѣтѣхъ
стрѣмъ вѣмъдѣше, оушѣ самъ

Постепенно «Слово» оказалось окру-
жено широкой исторической перспекти-
вой. Получили верное истолкование по-
литические идеи «Слова», его смысл.
Объяснились многие явления языка
«Слова», казавшиеся непонятными в
конце XVIII — начале XIX в.

«Слово» изучалось литературоведа-
ми, поэтами, лингвистами и историка-
ми¹.

«Слово» переводили В. Жуковский,
А. Майков, Л. Мей и многие другие рус-
ские поэты.

Не было ни одного крупного русского
ученого-филолога, который не писал бы
о «Слове».

«Слово» стало фактом русской на-
уки и русской литературы XIX—XX вв.:
интерес к «Слову» стимулировал занятия
русской литературой XI—XIII вв., ис-
торией русского языка и палеографией.

Поэтические элементы «Слова» от-
разились в русской поэзии и в русской
прозе на протяжении полутора ста
лет².

Всего в исследовательской литерату-
ре насчитывается более 700 работ о
«Слове». Оно было переведено на боль-
шинство западноевропейских языков
(французский, английский, немецкий,
голландский, датский, венгерский, ита-
льянский) и на все славянские (чешский,
болгарский, словенский, сербский). До-
рогие, великолепно исполненные и тща-
тельно комментированные издания «Сло-
ва», вышедшие в странах народной де-
мократии, говорят о напряженном к не-
му интересе.

В Советском Союзе изучение «Сло-
ва» было особенно плодотворным для
усвоения его идейного содержания и

¹ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Сост. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. Сост. О. В. Давыдова, Е. Д. Поплавская, И. С. Романченко. Под ред. и со вступ. статьей С. К. Шамбинаго. М.,

1940; Л. А. Дмитриев. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований, 1938—1954. М.—Л., 1955.

² Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии.— «Учен. зап. ЛГУ». Серия «Филологические науки». Л., 1948, вып. 13.

исторической основы (работы акад. Б. Д. Грекова¹, М. Д. Приселкова² и др.). Был тщательно изучен язык «Слова» (в работах акад. С. П. Обнорского³, Л. А. Булаховского⁴, Н. М. Дылевского⁵, В. Л. Виноградовой⁶,

А. Н. Котляренко⁷). Составляется полный словарь «Слова»⁸. Было тщательно исследовано соотношение «Слова» и «Задонщины»⁹, внимательно изучена историческая обстановка создания «Слова»¹⁰.

---

¹ Акад. Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время.— «Историк-марксист», 1938, кн. 4.

² Приселков М. Д. «Слово о полку Игореве» как исторический источник.— «Историк-марксист», 1938, кн. 6.

³ Акад. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

⁴ Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка.— В сб.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

⁵ Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным.— В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962.

⁶ Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии.— Там же.

⁷ Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л., 1966.

⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. М.—Л., 1965, вып. 1; Л., 1967, вып. 2; 1969, вып. 3; 1973, вып. 4.

⁹ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л., 1966.

¹⁰ Акад. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Он же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

ГЛАВА 2 ФЕОДАЛЬНАЯ

РАЗДРОБЛЕННОСТЬ РУСИ

XII века

«Слово о полку Игореве» с гениальной силой и проникновенностью отразило главное бедствие своего времени — отсутствие политического единства Руси, вражду князей между собой и, как следствие, слабость ее обороны от все усилившегося нажима кочевых южных и восточных соседей Руси.

Причиной разъединения Руси были развивающиеся феодальные отношения. Образуется множество феодальных «полугосударств»-княжеств, враждовавших между собой, оспаривавших друг у друга владения. Единое в X — начале XI в., древнерусское государство в XII в. распадется окончательно.

Этот распад древнерусского государства был вызван новыми экономическими и политическими условиями, создававшимися в связи с ростом производительных сил в местных феодальных центрах: феодальное дробление закономерно вызывалось развитием изолированных и замкнутых хозяйств — княжеских, боярских или церковных. Каждое из этих хозяйств было вполне самостоятельным комплексом угодий, группировавшихся вокруг двора феодала. Экономические связи между отдельными хозяйствами были слишком слабы. Поэтому рост этих отдельных хозяйств усиливал разделение, вел к экономическому, а затем и политическому дроблению Руси, начавшемуся уже в первой половине XI в., при Ярославе Мудром.

Первой обособилась Полоцкая земля, оставшаяся во владении Изяслава — сына Владимира Святославича от его

первой жены, полоцкой княжны Рогнеды. Впоследствии это повело к нескончаемым междоусобным войнам между полоцкими князьями и остальными русскими князьями — потомками Ярослава Мудрого. Всеслав Полоцкий всю жизнь воевал с сыновьями Ярослава, и эта вражда всеславичей и ярославичей продолжалась и во второй половине XII в., спустя столетие, вызвав в «Слове» гневную обличительную тираду: «Ярослави вси внуце и Всеслави (т. е. потомки Ярослава и потомки Всеслава)! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени (обе стороны признайте себя побежденными). Уже бо выскочите изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганяя за землю Рускую, на жизнь Всеславию».

Смерть Ярослава Мудрого вызвала дальнейшее разделение Русской земли. По завещанию Ярослава его старший сын Изяслав получил Киев, следующий, Святослав, — Чернигов, Всеволод — Переяславль, Игорь — Владимир Волынский, Вячеслав — Смоленск. В конце XI в. Черниговское княжество окончательно закрепляется за сыном Святослава Ярославича — Олегом и его потомством.

Это обособление Черниговской земли и закрепление ее за потомством Олега Святославича явилось таким же трагичным, как и закрепление Полоцкой земли за потомством Всеслава. Олег Святославич всю жизнь враждовал с Владимиром Мономахом, а впоследствии раздоры потомства Олега — ольговичей — и потом-

ства Мономаха — мономаховичей — наполняют своим шумом весь XII и первую половину XIII в. Автор «Слова о полку Игореве» прозвал этого Олега Святославича Олегом Гориславичем, правильно указав в нем одного из тех князей, от которых «съянется и растящеть усобицами» Русская земля.

Обособление отдельных земель как наследственных княжеских владений было признано при Владимире Мономахе, на Любечском съезде князей в 1097 г.: «Каждо да держит отчину свою» (пусть каждый владеет землею отца).

Решение Любечского съезда, признавшего разделение Русской земли, не привело, тем не менее, хотя бы к временному соглашению князей и тотчас было нарушено. Один из князей — Василько Теребовльский — был вероломно схвачен двумя другими и ослеплен. Начались княжеские раздоры. Призывая к единению, народ киевский обратился к Владимиру Мономаху со словами: «Молимся, княже, тебе и братома твоима, не можете погубити Русьские земли. Аще бо возьмете рать межю собою, погании (язычники — половцы) имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрѣствомъ, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую». Призыв народа к единению был на устах у каждого поколения русских людей, в каждом княжестве, в каждом городе.

Галичина, Рязань, Смоленск, Владимир Волынский, Владимир Залесский, Ростов, Новгород — все эти областные центры решительно стремятся к политической самостоятельности, уходят из орбиты влияния слабого киевского «золотого стола», замыкаются в своих эгоистических местных интересах, вступают в борьбу друг с другом, князья про малое говорят «се великое» и погружаются в бесконечных братоубийственных войнах. Отходят в прошлое времена полити-

«Слово о полку Игореве».
Первая страница текста издания 1800 г.

ческого единства и внешнего могущества Руси.

Междоусобная борьба князей была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью. Кыпчаки, а по-русски половцы, народ тюркского происхождения, заняли степи между Волгой и Днепром еще в середине XI в. Они представляли собой такую мощную военную силу, что не раз грозили самому существованию Византийской империи. Последняя в борьбе против половцев не раз обращалась за помощью к русским князьям.

Русским князьям иногда удавалось одержать крупные победы над половцами, однако внезапные набеги половцев разоряли мирное население русских сел и городов. Половцы уничтожали сельское хозяйство, грабили города, избивали и угоняли в рабство жителей. Быстрая степная конница не знала естественных преград на чрезвычайно растя-

А. Ф. Малиновский.
Гравюра А. Фролова с оригинала Ф. Попова.

нутых южных и юго-восточных границах Руси — открытых, доступных, трудно оберегаемых. Бескрайнее «дикое поле», «страна незнаема» в приливах и отливах степных кочевников готова была поглотить многочисленные очаги русской культуры. Волны степных набегов разбивались о стойкое сопротивление отдельных княжеств. Часть половцев оседала на пограничных землях и под именем «ковуев» и «своих поганных» (т. е. своих язычников) постепенно попадала под мирное влияние русской культуры. Но раздоры русских княжеств были удобны для новых вторжений. Князья призывали половцев себе в помощь, расшатывая тем самым веками славившееся здание русской независимости.

Так эпоха феодальной раздробленности, естественная в историческом развитии всех народов, неожиданно приоб-

рела острыми, трагический характер из-за страшной половцевой опасности.

Вся беспокойная и тревожная деятельность русских князей была отражением противоречий своей эпохи. Было бы наивным представлять себе, что феодальные распри русских князей были обусловлены только их личной неуживчивостью, их ограниченностью. Среди русских князей — героев «Слова о полку Игореве» — мы знаем многих, отличавшихся выдающимися способностями и образованием, умевших порой подняться и до осознания общерусских интересов в целом, но в силу исторических причин редко удерживавшихся подолгу на этой общерусской точке зрения.

Одна из самых характерных фигур эпохи — Рюрик Ростиславич — «буй Рюрик» из «Слова о полку Игореве». Это был беспокойный и деятельный, по своему блестящий князь XII в. Предприимчивый и смелый, гостеприимный и запальчивый, «мудролюбивый» и непостоянный, Рюрик провел всю свою жизнь в походах на половцев и в феодальных распрах, сражался и за Русь, и за свои личные интересы. Семь раз добивался он киевского «золотого стола» и дважды добровольно его уступал своим побежденным соперникам. Несколько раз Рюрик являлся инициатором походов соединенных сил русских князей против половцев, но в 1203 г. подверг Киев вместе с половцами такому страшному разгрому, который по последствиям уступал только его опустошению ордами Батыя. Он был одним из образованнейших людей своего времени и обладал закаленной в боях дружиной. По его инициативе был составлен летописный свод 1200 г., сохранивший в своем составе Киевскую летопись XII в. — одну из лучших по своим литературным достоинствам, по языку, богатую событиями, полную деталей княжеского и дружинного быта — звона оружия, чести и славы Руси. Летопись эта читается ныне в

Ипатьевской летописи за годы 1118—1200. До страсти преданный искусству, Рюрик, по выражению летописи, имел «любовь несытну о зданьих». Его зодчим и личным другом был знаменитый «художник» Петр Милонег. В 1205 г. Рюрик был насильно пострижен в монахи Романом Мстиславичем Волынским. В том же 1205 г. Рюрик сбросил с себя монашескую рясу и в последний раз стал киевским князем. В 1210 г. он, по-видимому, добровольно уступил киевский стол Всеволоду Черному, а умер в 1215 г. на княжении в Чернигове.

Не менее интересен и другой князь, к которому обращается автор «Слова» с призывом «прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти», — Всеволод Юрьевич Суздальский, по позднейшему прозвищу «Большое гнездо». Это был незаурядный политический деятель своего времени, один из самых сильных князей Руси XII—XIII вв. По словам летописца, Всеволод «много мужествовав и дерзость имев на бранех показав»; «сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изыде слух его (прошел слух о нем)». Всеволод вел неустанную борьбу с боярством за укрепление княжеской власти. Его боялись и слушались прочие русские князья: князья-соседи и князья далекой южной Руси. Он первым из владимирских князей принял титул «великого князя» и стремился утвердить за Владимиром Залесским значение центра Руси. Обстроил Владимир замечательными зданиями, «не искав мастеров от немец». При нем был построен во Владимире княжеский дворец с придворным Дмитриевским собором, знаменитым своими каменными скульптурными украшениями, и расширен Успенский собор.

Любопытен и другой князь, к которому также обращался автор «Слова», — тесть Игоря, Ярослав Осмомысл. Он был князем богатого Галичского княжества и вел постоянную борьбу с местным, очень сильным галичским боярством.

Его княжение казалось могущественным для всех соседних стран, однако он не раз принужден был смиряться перед собственным боярством. Его любовницу Настасью бояре сожгли на костре. Его любимого сына от Настасьи бояре после смерти Ярослава выгнали из Галича. Этот князь «один худою своею головою ходя, удержал всю Галичскую землю». Он принимал у себя византийского императора Андроника Комнина, который по возвращении велел в построенном им дворце написать сцены из своей прошлой жизни и, между прочим, различные эпизоды охоты на зубров («туров») во время пребывания у Ярослава. Летописец так характеризует Ярослава Осмомысла: «бе же князь мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях и славен полкы».

Но, может быть, самой любопытной фигурой на горизонте Руси конца XII в. был Роман Волинский — «буй Роман» «Слова о полку Игореве». Это был отважный и неутомимый князь, хозяин и устроитель своих владений. Упорной борьбой он добивается соединения наследственного Владимиро-Волинского княжества с богатым соседним Галичским княжеством. Он пренебрегает Киевом, обращая, в конце концов, Киев в окраинный форпост своих сильных галицко-волинских владений. Твердой рукой сдерживает он распад юго-западной Руси и направляет главные удары против могучего галичского боярства. «Не передавши пчел, меду не есть», — говорил он о боярах и уничтожал одних из них в открытой борьбе, других — хитростью, не стесняясь прибегать к обману. Он наводил ужас на окрестные народы: половцев, литву, ятвягов и поляков. Его именем, говорилось в народе, половцы пугали своих детей. Летопись пишет о нем, что он устремлялся на «поганных», как лев, сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, проходил через землю их, как орел, храбр же был, как

Н. Н. Бантыш-Каменский.
Художник Н. Арцунов. 1811 г. Эрмитаж.

тур. Только один Владимир Мономах мог сравниться с ним в победах над половцами. Первый же поход Романа на половцев, по словам византийского историка Никиты Хониата, заставил их спешно покинуть пределы Византии, где они угрожали самому Константинополю. Завоевая окрестные земли, он переустранивал их хозяйственную жизнь. Он заставил побежденных литовцев расчищать леса под пашни, корчевать лес и заниматься земледелием. Литовцы много лет спустя говорили о нем: «Роман, Роман, худым живешь, Литвою орешь». Имя Романа было хорошо известно во всех европейских странах. Его послов видели в Константинополе. Его богатые пожертвования попали даже в саксонский монастырь св. Петра в Эрфурте, где находился крупный центр международной торговли. Он приютил у себя византийского императора Алексея III Ангела после изгнания его крестоносцами из Константинополя. Западноевро-

пейские источники постоянно называют его «королем Руси». Русские летописи называют его «самодержцем всея Руси» и «царем». Папа Иннокентий III предлагал ему королевскую корону при условии признания его власти, но Роман отверг его предложение. Он погиб при походе в Польшу 19 июля 1205 г. Польские средневековые историки приписывали ему намерение завоевать Люблинские земли. О его смерти так записано во французской хронике XIII в.: «Король Руси, по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию... по воле божьей убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле». Польский хронист XV в. Длугош говорит, что Лешко и Конрад в благодарность за победу над Романом посвятили алтарь в краковском соборе святым Гервазию и Протасию, в день памяти которых был убит Роман. Таково было впечатление от смерти этого неукротимого и могущественного князя.

Менее ясно выступает по летописи главный положительный герой «Слова» — князь Святослав Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода Святославичей. Святослав Всеволодович провел бурную жизнь. В 1141 г. он получил в княжение Туров. Затем до 1146 г. княжил во Владимире Волынском. Вскоре затем в Северной земле несколько лет деятельно поддерживал Святослава Ольговича — отца Игоря Святославича в его борьбе с мономаховичами. Тогда, по видимому, и установилось у Святослава нежное отеческое отношение к Игорю. После смерти Изяслава Мстиславича Святослав получил в княжение от Ростислава Мстиславича Туров и Пинск. С 1158 по 1164 г. Святослав княжил в Новгороде Северском, откуда перешел на княжение в Чернигов. В 1174 г. он осаждал Киев. Во время смут во Владимире Суздальском после смерти Андрея Боголюбского Святослав поддерживал

его брата Всеволода Юрьевича и Михалку. С 1180 г. Святослав надолго утвердился в Киеве, но владел только Киевом. Остальные города киевского княжества были подчинены Рюрику Ростиславичу. Совместно с Рюриком Святослав организовал несколько объединенных походов русских князей на половцев, из которых особенно удачным был тот самый поход 1184 г., в котором не успел принять участие Игорь Святославич (см. стр. 43). Возрастающему влиянию Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского Святослав пытался оказать сопротивление, но безуспешно. Умер Святослав в 1194 г. Данные исследования выстроенного Святославом в Чернигове Благовещенского собора позволяют говорить о своеобразной школе зодчества Святослава Всеволодовича, воскресившей архитектурные традиции единой Руси XI в.

Итак, во времена создания «Слова о полку Игореве» на Руси не было недостатка ни в энергичных и способных князьях, ни в самых попытках восстановить единство Руси.

Беда Русской земли заключалась в том, что деятельность этих князей не была согласована, князья по-разному понимали свои задачи, стремясь в первую очередь к укреплению своего княжества; вместе с тем на каждого из князей, стремившихся к единству Руси, при-

ходило до десятка князей, забывавших все и вся ради достижения эгоистических целей, головой пробивавших дорогу к киевскому «золотому столу». Необходим был отрезвляющий голос, чтобы вернуть лучших из русских князей к сознанию патриотического долга и согласовать их усилия.

На страже интересов всей Русской земли издавна стоял трудовой русский народ, неоднократно выступавший как инициатор обороны Руси. Когда в 1016 г. Ярослав, разбитый Святополком и Болеславом, прибежал в Новгород и собирался отправиться дальше за море, новгородцы иссекли лабьи Ярослава, собрали войско и сказали: «Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь». В 1068 г. Изяслав Ярославич был разбит половцами и прибежал в Киев; киевляне созвали вече на торговище и послали сказать князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними».

Если бы летописцы XII в. больше уделяли внимания простым людям Руси, они наполнили бы листы своих летописей многочисленными фактами аналогичных обращений горожан и крестьян к своим князьям с тем же призывом «постеречи земли Русьскыя».

Как мы увидим в дальнейшем, выразителем идей объединения родной земли явился автор «Слова о полку Игореве».

ГЛАВА 3 КУЛЬТУРА РУСИ XII ВЕКА, ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» — не одинокий памятник русской культуры XII в. Как гениальное произведение оно органически выросло из своего времени, времени высокого уровня русской культуры XII в., было тесно связано с эпохой, как цветок — с почвой, с окружающим его светом, воздухом, растениями.

Рядом со «Словом о полку Игореве» поднимались его спутники — прекрасные создания русского зодчества конца XII в. — во Владимире, в Чернигове, в Новгороде, в Старой Ладогe, в Пскове. Рядом с автором «Слова» работали превосходные русские ремесленники, художники. «Слово о полку Игореве» родилось в обстановке повышенного интереса к художественному слову, в обстановке оживленной деятельности разнообразных местных литературных школ, в обстановке развития многих литературных жанров.

Две черты особенно ярко характеризуют культуру конца XI — начала XIII в. сравнительно с предшествующей культурой Руси X — первой половины XI в.: это обилие и своеобразие местных культур, отражение в русской культуре феодального дробления, и интенсивный рост народных основ русской культуры. Экономическая раздробленность Руси и связанное с нею политическое разъединение вели к замкнутости отдельных культурных миров. Однако размежевание Русской земли границами отдельных феодальных полугосударств-княжеств, обособленность их культур не могли

создать сами по себе качественных различий. Качественные различия отдельных областных культур, отличия в самом характере их возникали в связи с тем, что в каждом из феодальных полугосударств создавались свои собственные условия для развития культуры. Каждое из самостоятельных полугосударств отличается своей расстановкой классовых сил. Огромное значение приобретает вопрос, чьим интересам служит культура — князьям, боярству, купечеству, духовенству и т. д.

Между тем проникновение народных, местных черт в культуру верхов феодального общества сглаживает все эти областные различия. Творчество народных мастеров в Рязани и во Владимире, в Галиче и в Новгороде было в основе своей общим, очень сходным. Устное народное творчество, народные исторические и лирические песни были повсюду теми же. Русский язык, несмотря на диалектные различия, был понятен повсюду. И это в первую очередь обуславливало рост единства русской культуры.

Во все усложняющемся культурном развитии Руси растут областные различия, но растет и самобытная единая основа русской культуры.

Влияние деревянной народной архитектуры на каменную, влияние деревянной резьбы на скульптурные украшения храмов во Владимире и в Галиче, проникновение в живопись народных вкусов, проникновение в литературу устных форм русской речи — все это хотя и проявлялось в различных областях Руси по-

разному и поэтому внешне, казалось, усиливало областные различия, на самом же деле в конечном счете вело к росту элементов единства.

В результате тенденции единства возобладали над тенденциями дробления. Кем бы ни были заказчики, подлинными творцами культуры были непосредственные исполнители заказов: русские ремесленники, каменщики, строители и т. д., т. е. трудовое русское население. Именно от них, от исполнителей, шли технические изобретения, всякого рода новшества, все прогрессивное, самобытное и подлинно народное. Вкусы же заказчиков диктовались по преимуществу традициями и трафаретом, стремлением затмить пышностью соседей или подражать византийскому двору.

Вместе с тем и самое народное начало, которое вносится русскими мастерами в их искусство, не остается неподвижным — оно также развивается, растет, крепнет под влиянием роста производительных сил страны. Совершенствуется не только техника ремесла, но и грамотность широких масс населения. Письма, документы, написанные на бересте, начинают распространяться особенно широко¹. Надписи встречаются на многих бытовых предметах — на шиферных пряслицах², гончарных изделиях и т. д. Растет фольклор, растет общественная активность горожан и крестьянства. Тем самым создаются благоприятные условия для развития самобытности культуры Руси. Развитие этих самобытных черт в конце концов приведет к образованию национальных культур — одного из необходимых элементов складывающихся наций.

Меньше, чем в других областях, местные черты сказались в культуре Киева XII в. Киев в XII в. оставался центром

Русской земли — если и не реально, то, во всяком случае, идеально: его продолжали считать центром Русской земли даже и тогда, когда он фактически им перестал быть. Вместе с тем князья черниговские и смоленские, галицкие и владимирские приходят сюда, на киевский «золотой стол», со своими военными дружинами и дружинами строителей, со своим двором и летописцами. Князья то строят в Киеве свои здания, то жестоко его опустошают, перевозя из него в свои княжества предметы искусства и книги. Киев как бы находился в центре того нивелирующего движения, отчасти сглаживавшего областные различия, которое создавало непрерывное перемещение русских князей из одной области в другую.

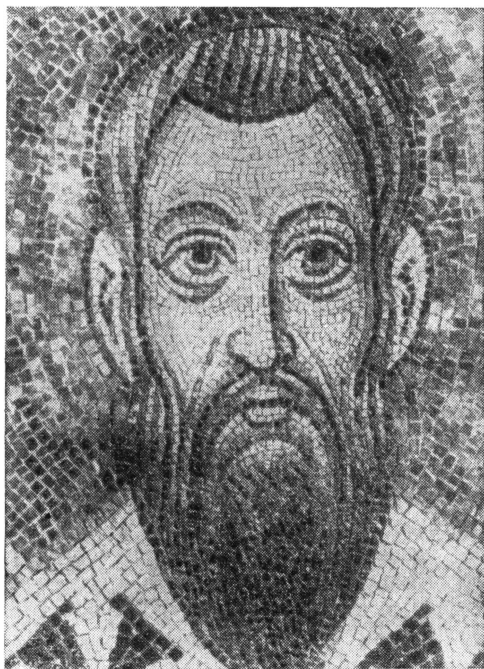
Упадок политического значения Киева сказался прежде всего в архитектуре. В XII в. в Киеве и вокруг Киева строятся церкви значительно меньших размеров, чем во времена Ярослава, его сыновей и внуков.

Архитектурные формы этих церквей упрощены, богатое внутреннее убранство мозаиками исчезает, заменяясь более дешевыми фресками. Из многочисленных церквей этого времени известно немного: церковь Успения на Подоле в Киеве (1131—1132 гг.), церковь Кирилловского монастыря в Киеве (1140 г.) и некоторые другие, знакомые по фундаментам в раскопках археологов. Живопись Киева изучена еще слабее. В плохой сохранности дошли до нас фрагменты прекрасных фресок Кирилловского монастыря.

Зато значительно богаче представлено ремесло Киева. Раскопки археологов показали яркую картину разрушения Киева ордами татаро-монголов и выявили в нем ремесленные мастерские, кото-

¹ См.: Янин В. А. Я послал тебе бересту. М., 1965.

² Грузик в виде кольца, надеваемый на веретено для веса и равномерности вращения при прядении.

рые уточнили наши представления о ремесленном производстве того времени¹.

В XI—XII вв. в Киеве развивается производство тончайших эмалей, требовавшее от русских мастеров исключительного искусства и художественного чутья.

По замечанию исследователя ремесла Древней Руси акад. Б. А. Рыбакова: «Как в эмальерном деле, так и в смежных с ним киевские мастера были выше своих западноевропейских современников (на Западе, например, не была еще известна техника пастилажа — накладки рельефного эмалевого рисунка на керамику, хорошо разработанная киевскими мастерами)»². Не имели себе равных русские мастера и в технике

зерни и скани³, в изготовлении тончайших литейных форм.

Как в Киеве, так и в других центрах русского ремесла, число которых непрерывно растет, количество ремесленных специальностей значительно увеличивается, достигая в некоторых городах шестидесяти. Совершенствуется техника ремесел. Увеличение массовости продукции разрушает первоначальную замкнутость ремесел. Пряслицы из розового шифера, изготовлявшиеся под Киевом в Овруче, распространяются по всей Русской земле — вплоть до далекой Ладоги. Часть русской ремесленной продукции вывозится в Западную Европу, например замки, известные в Чехии и в других странах как «русские замки».

¹ См.: Каргер М. К. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958; т. 2. М.—Л., 1961.

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 396.

³ Скани — то же, что филигрань (ювелирное изделие из тончайшей металлической нити). Зернь — ювелирное изделие с применением мелких припаянных дробинки.

Василий Великий.
Деталь мозаики Софийского собора в Киеве.
XI в.

Богоматерь.
Деталь мозаики Софийского собора в Киеве.
XI в.

Пантелеймон.
Деталь фрески Софийского собора в Киеве.
XI в.

Развитие ремесла связано с развитием в нем самобытных, народных начал.

«В художественном отношении мир образов, созданных русскими мастерами, — пишет Б. А. Рыбаков, — представляет интереснейшую и своеобразную страницу в истории общеевропейского ремесленного искусства. В камне, в эмали, на серебре и кости русские мастера воплотили причудливую смесь христианских и архаичных языческих образов, сочетав все это с местными русскими мотивами и сюжетами»¹.

Еще отчетливее представляем мы литературу Киева этого периода, и в частности его летописание. В составе Ипатьевской летописи в пределах до 1200 г. дошел до нас Киевский летописный свод, созданный в Выдубицком подгороднем монастыре в честь киевского

князя Рюрика Ростиславича («буй Рюрика»). Он открывался «Повестью временных лет», составленной еще в начале XII в., продолжался соединенными в одно целое летописными записями, сделанными в Киеве (в Печерском и Выдубицком монастырях), в Чернигове и в Переяславе Южном, и заключался похвальным словом выдубицкого игумена Моисея в честь киевского князя Рюрика Ростиславича.

В Киевском летописном своде 1200 г. отразились многочисленные новые формы исторических произведений, впервые возникшие на русской почве именно в период феодальной раздробленности. В свод включены личные, семейные и родовые княжеские летописи.

В этих летописях отмечены главным образом события семейной и личной жизни князей: рождение детей, браки.

¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 521.

Музыкант.
Деталь фрески
Софийского
собора в Киеве.
XI в.

смерти, монашеские постриги, перемены княжения тем или иным князем и изредка походы.

Насколько предшествующее общерусское летописание XI в. было обширно по теме и по исполнению, настолько это княжеское летописание оказалось узким по содержанию и несложным по выполнению.

Однако в летописании княжеском — личном и семейном имеется положительная сторона: это интенсивность исторического самосознания, сознания исторической ценности личной деятельности. Нас поражает сейчас распространенность этой заботы об историческом отображении собственной деятельности. Такие княжеские летописи, как Игоря Святославича, или его отца Святослава Ольговича, или родовая летопись Ростиславичей смоленских, значительно

обогатили своим составом Киевскую летопись XII в.

Значительно обогатила Киевский свод и другая, новая форма исторического повествования, также возникшая в XII в., — жизнеописания князей. Одно из таких жизнеописаний — рассказ боярина Петра Борисовича¹ о киевском князе Изяславе Мстиславиче (под 1146—1154 гг. в Ипатьевской летописи) — составляет наиболее яркие страницы Киевского свода 1200 г. Он носит светский характер и с замечательной отчетливостью отражает княжеский быт XII в.

Наконец, в составе Киевского свода 1200 г. отразилась еще одна новая литературная форма исторического повествования, возникшая в связи с феодальными усобицами того времени: это обличительные повести о княжеских преступлениях. Эти повести предназначались

¹ См. о нем: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 234—241; Рыба-

ков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 277—306.

одной из враждующих сторон для того, чтобы служить своего рода обвинительными актами против другой. Они были типичны для периода наиболее острых феодальных усобиц. Это были своеобразные документы злодеяний, но документы, составленные в живой манере, с точно переданными речами действующих лиц, изящно написанные, насыщенные бытовыми подробностями, дышащие азартом княжеских усобиц, наполненные драматическими деталями. Составлялись эти повести обычно непосредственными участниками событий или их свидетелями, чтобы обвинить нарушителей мира и феодальных прав.

Одна из таких повестей включена в Киевский свод под 1175 г. — это повесть Кузьмища Киянина об убийстве Андрея Боголюбского. С поразительной силой психологического наблюдения рассказывает Кузьмище о том страхе, который испытывали убийцы перед тем, как ворваться в ложницу (спальню) князя. Испуганные, они возвращаются назад, спускаются в медушу (погреб для вин), подкрепляют силы вином и только после этого совершают убийство. Кузьмище повествует о бешеном сопротивлении князя. Князя хотели обманом заставить отворить дверь в спальню. Но князь догадался об обмане. Убийцы выломали дверь, и двое из них навалились на князя. В темноте князь подмял под себя одного из убийц, другой, предполагая, что повален князь Андрей, ранил своего товарища. Убийцы секли князя саблями и мечами и кололи копьями. Решив, что князь убит, они «трепещущи отъидоша». Затем одному из них показалось, что князь сошел с сеной. Они вернулись, зажгли свечи и нашли князя по кровавому следу. Тут только они завершили убийство. Другая повесть того же типа —

рассказ боярина Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимирки Галицкого (сохранилась неполностью под 1152 г.). Этот рассказ не менее ярок.

Благодаря столь разнообразному материалу Киевская летопись представляет собой одну из самых богатых летописей Древней Руси — и как исторический источник, и как литературное произведение, и как памятник русского литературного языка. Она носит в основном, как было сказано, светский характер и отражает рост самобытных черт русской литературы этого периода. Летопись осуждает князей — «наводчиков» половцев и нарушителей «крестного целования». Призыв «постережи земли Русьския», «блюсти Русской земли», «за землю Русскую страдати» звучит в Киевской летописи в течение всего XII в.¹

Киевская литература в значительной степени создавалась не киевлянами. К их числу принадлежит знаменитый проповедник Климент Смолятич, литературная деятельность которого относится к 1140—1150 гг. Летопись так характеризует Климента: «бысть книжник и философ так, яко же в Руской земли не башеть». Из всех многочисленных произведений Климента сохранилось лишь единственное, обращенное к пресвитеру Фоме. В нем заключается мысль о допустимости символического толкования священного писания и связанных с этой манерой ораторских приемов проповеди. Послание это показывает наличие в XII в. споров о предпочтительности тех или иных литературных приемов и свидетельствует о существовании в это время различных литературных школ и рафинированной писательской культуры. Как видно из послания Климента, смоленский князь и пресвитер Фома обвинили Климента в излишнем пристрастии

¹ О Киевской летописи см.: Лихачев Д. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 173 и сл. (здесь же о летописании других областей, о ко-

торых будет идти речь в дальнейшем); Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы.—«ТОДРА», т. XII. М.—Л., 1949.

к Омиру (Гомеру), Аристотелю и Платону¹ и ставили ему в пример некоего Григория, который совсем просто вел свои беседы, не прибегая к авторитетам и иносказаниям.

На грани киевской литературы и литературы владими́ро-суздальской стоит замечательный памятник житийной литературы XII в. — Киево-Печерский патерик. Патерик этот представляет собрание рассказов об отдельных событиях, связанных с основанием Киево-Печерского монастыря, и об отдельных его деятелях. Рассказы эти полны бытовых подробностей, рисующих жизнь монастыря. В них отразились различные ремесла, которыми занимались печерские монахи, монастырская торговля (солью, хлебом) и монастырская политика. Чудеса происходят то в келье иконописца, то в пекарне, то у гробовщика. Один из монахов заставляет бесов ворочать жернова и молоть пшеницу, другой — таскать в гору с берега Днепра бревна; пришедшие наутро возчики возводят на монаха крамолу, требуя платы денег по уговору (неустойку), подкупают судью, который берет их сторону, заставляя монаха платить возчикам: «Да помогут ти беси платити, иже тебе служат». Переплетающаяся с бытом фантастика придает рассказам занимательность и сюжетное разнообразие. В патерике упоминаются исторические события и исторические лица, сказывается и летописный стиль. В годы феодальной раздробленности патерик живо напоминал своим читателям об историческом прошлом родины, о Киеве XI в., способствуя тем самым сохранению идеи единства Русской земли².

Рассказами патерика увлекался впоследствии Пушкин, отмечавший в них «прелесть простоты и вымысла» (письмо к Плетневу от 12—14 апреля 1831 г.).

Только условно можно говорить о замкнутости культуры и другого древнего культурного центра Руси — Чернигова.

Черниговское зодчество XII — начала XIII в. представлено выдающимся памятником — собором Пятницкого монастыря (по-видимому, построенного «буй Рюриком» в начале XIII в.). Этот собор, разрушенный немецко-фашистскими захватчиками, обладал резко выраженными особенностями, обусловленными связью его с русской народной деревянной архитектурой. Ступенчатая конструкция сводов и общая пирамидальная композиция позволяют рассматривать Пятницкий храм как один из первых памятников того ярусно-повышенного типа, который в XV в. приведет к такой вершине русского средневекового зодчества, как храм Вознесения в Коломенском. Пятницкий храм — памятник вполне своеобразного и самостоятельного стиля.

Чернигов издавна был важным центром ремесла. Ремесло продолжает развиваться здесь и в XII и в начале XIII в. Замечательный памятник черниговского прикладного искусства — серебряная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича (умер в 1151 г.) с чеканной надписью по краям — живым свидетельством широкого гостеприимства этого «доброго и кроткого», по словам страстной к нему летописи, князя: «А се чара кня[зя] Володимирова Давы-

¹ О Клименте Смолятиче см.: Никольский Н. К. О литературных трудах Клиента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1902.

² Издание Киево-Печерского патерика: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. — Перевод см. в кн.: М. Викторова. Киево-Печерский патерик по древним рукописям в переложении на современный русский

язык. Киев, 1870; Новейшее издание в кн.: «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков». Сост., пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева, М., 1957; «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. (Библиотека всемирной литературы).

дов[и]ча, кто из нее пь[еть], тому на здоровье, а хвала бога своего и осподаря великого кня[зя]».

Литература Чернигова, по-видимому, была весьма своеобразной. В Чернигове несомненно велась летопись. Один из черниговских князей — Никола Святоша был авторитетным писателем своего времени. Однако от всей богатой литературы Чернигова сохранилось только одно произведение — «Слово о князех», написанное около 1175 г. Оно представляет собой по форме церковное «похвальное слово» на память перенесения мощей Бориса и Глеба. Однако ближайшим поводом для его создания послужило, по-видимому, столкновение между черниговским князем Святославом Всеволодовичем и новгород-северским князем Олегом Святославичем. «Слово о князех» призывает русских князей прекратить усобицы, перестать призывать половцев на Русскую землю: «Мы же и до слова не можем стерпеть, а за малу обиду вражду смертоносную въздвижем и помощь приемлюще от злых человек на свою братию»; «постыдитесь враждующе на свою братию или на друзи единоверных»¹.

В культуре Новгорода резко своеобразными чертами отразился его социальный строй. Установление в Новгороде во второй четверти XII в. «республиканской» политической государственной организации, во главе которой стала боярская верхушка, использовавшая в своих целях народное движение, привело к значительной демократизации новгородской культуры, помимо воли самого боярства.

Заметно иные, более демократические формы приобретает живопись и в особенности архитектура. Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. вырабатывает новый тип четырехстолпного, квадратного в плане, укороченного

Дмитрий Солунский.
Деталь мозаики Михайловского Златоверхого
монастыря в Киеве. 1111 — 1113 гг.

храма, более упрощенного и уменьшенного в размерах, чем обширные княжеские соборы предшествующей поры.

В отличие от новгородских церквей княжеской постройки XI — начала XIII в., с резким делением молящихся на привилегированных, избран-

¹ «Жития Бориса и Глеба». Подгот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, с. 128 и 131.

ных и остальную массу, новые церкви не разъединяют молящихся и в этом смысле становятся демократичнее, обыденнее. В предшествующую пору князья строили церкви с великолепными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали богослужение только княжеская семья и приближенные, тогда как внизу помещалась остальная масса молящихся (например, Георгиевский собор в Юрьеве монастыре 1119 г.). Новые, возводимые со второй половины XII в. церкви боярско-купеческой постройки имеют скромные деревянные хоры служебного значения, а все молящиеся вместе стоят внизу. Храмы эти не многокупольные, как раньше, а однокупольные. Композиция фасадов проще.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается большим числом церквей этого типа — небольших, скромных, но встречавшихся на каждом шагу среди домов жителей. Церкви эти возводят то уличане (жители улицы), то архиепископ, купцы, бояре. Церкви объединяют вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители свое имущество во время пожаров, в них собираются братчины¹, около них устраиваются совместные пиры и т. д.

Новый характер построек настолько прививается, что в этом типе строят и сами князья в своей загородной резиденции на Рюриковом Городище. К новому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спас Нередица, варварски разрушенная фашистскими захватчиками. Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора на Рюриковом Городище и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в нее был изображен отец Александра Нев-

ского, новгородский князь Ярослав Всеволодович в русских княжеских одеждах. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески, и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти отца в 1246 г.

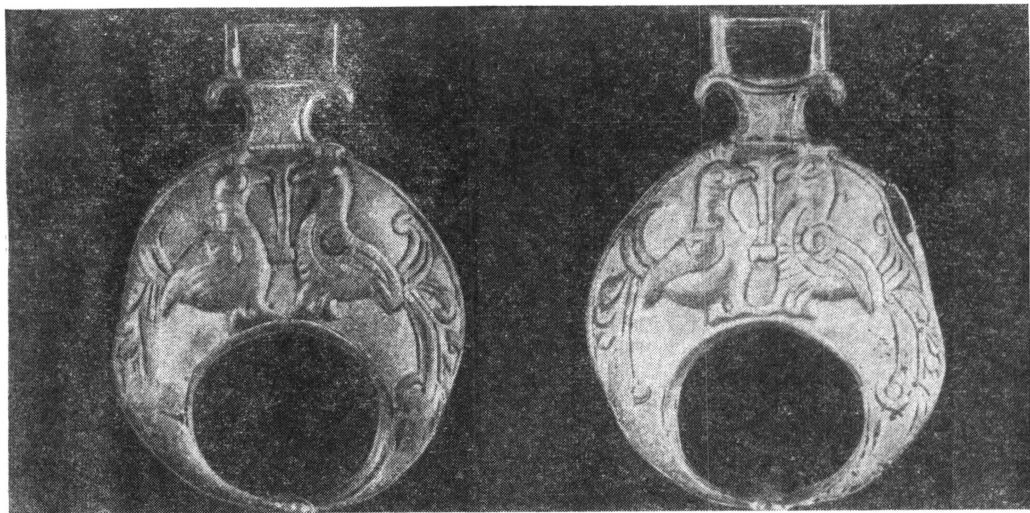
По сохранности своих фресок Нередица занимала совершенно исключительное место в ряду других церквей средневековья. Замечательной особенностью Нередицы была исчерпывающая полнота всей системы росписи. Изображения покрывали ее стены сплошь — в том числе и те ее нижние части, которые обычно в византийских храмах облицовывали мрамором. Под мрамор расписан в Нередице лишь самый нижний пояс.

В традиционную схему росписей церквей новгородские мастера внесли много своего. Так, например, на западной стене среди изображений мучений грешников в аду представлен богач, сидящий в огне, а перед ним сатана с сосудом в руке. Богач, показывая себе на язык, взывает к Аврааму, который изображен напротив с душой бедного Лазаря на лоне. «Отче Аврааме, — говорит богач, — помилуй мя и посли (пошли) Лазаря, да омочить палец свой в воде и устудить (остудит) ми язык: изъимаю бо (ибо изнемогаю) в пламени семь», на что сатана подносит ему сосуд с огнем и говорит: «Друже богатый, испей горящего пламени». В Византии эта композиция не известна.

В средневековое идеалистическое искусство живописи мастера Нередицы сумели внести элемент реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. Особенно сильно изображение Лазаря, воскрешенного из мертвых Христом: его изборож-

¹ Братчина — пиршество, устраиваемое за общий счет; здесь: организация пирующих,

т. е. собиравшихся вместе для пира (братчина от слова *брашно* — еда, пища).

Серебряные подвески. XII в.

денное морщинами лицо с опущенными веками — лицо «выходца с того света». В композицию Крещения внесены натуралистические детали: среди группы ожидающих крещения один скидывает через голову рубашку и запутался в ней, другой плывет в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

Новые особенности живописи XII — начала XIII в. отразились и в новгородских иконах этой поры. В них проникают черты народного искусства. Прежние аристократически идеализированные образы святых приобретают более славянские черты и более бытовой облик. В них меньше прежней строгости трактовки лиц. Особенностью новгородской живописи этой поры является пристрастие к ярким и чистым краскам — к киновари, красно-коричневой, синей, зеленой и желтой.

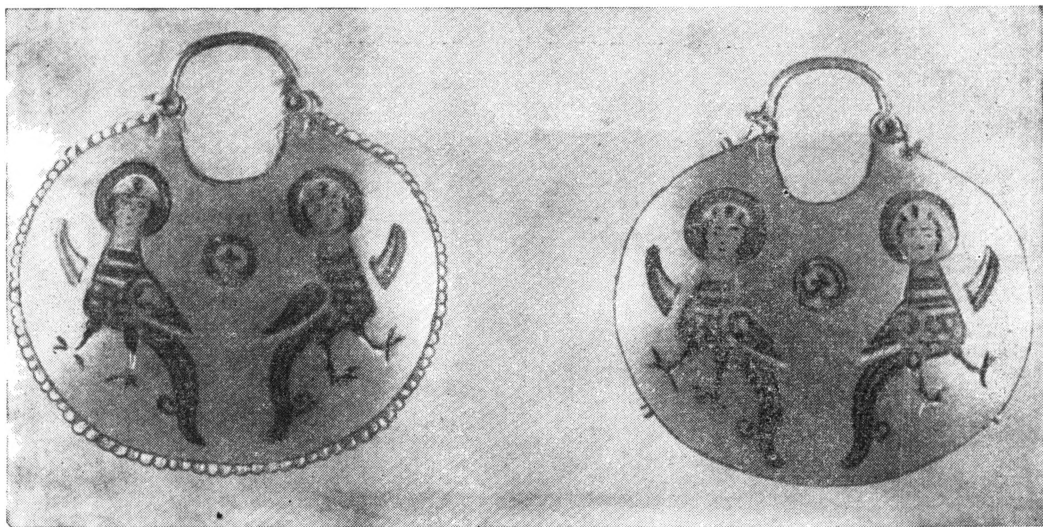
Широкое развитие ремесла в Новгороде XII — XIII вв. ярко характеризует известный сион¹ или «иерусалим», хранящийся в ризнице новгородского Софийского собора. По замечанию Б. А. Рыбакова, «художественные достоинства чеканной работы ставят этот сион в ряд первоклассных произведений русского средневекового искусства»².

В той же ризнице хранятся не менее известные два схожих между собой серебряных кратора³. Один из них, как об этом свидетельствуют надписи, сделан Братилой, а другой — Костой. Первый из них изготовлен, как это установлено Б. А. Рыбаковым, в конце XI — начале XII в., а второй в конце XII — начале XIII в. Оба кратора выполнены тончайшей чеканкой, свидетельствующей о высоком развитии ювелирного ремесла в Новгороде.

¹ Сион — сосуд сложной формы (обычно в форме церкви, возвышающейся на столбиках, опирающихся на блюдо).

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 294.

³ Кратир — кубок для смешивания вина с водой.

Золотые подвески с эмалью. XII в.

Установление нового политического порядка в Новгороде сказалось не только на изменении общего характера новгородского искусства, но и в письменности. Резко меняется летописание, которое отныне приобретает черты простоты, лаконизма, интереса к быту и известного демократизма стиля и языка, ставших обычными в новгородском летописании вплоть до XV в.

Новгородская летопись XII в. (она сохранилась в составе так называемого Синодального списка) уделяет все большее внимание местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям и т. д. Летописец интересуется прежде всего теми происшествиями, которые отражаются на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды. Он отмечает всякое повышение цен на хлеб, описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы, не забывая отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий, и сопровождает восклицаниями ужаса всякое об-

щественное несчастье: голод, пожары, наводнения.

Язык новгородских летописей сравнительно близок к разговорному, в нем редки церковнославянизмы и книжные обороты. Иногда в новгородской летописи сказываются обороты деловой речи, иногда пробивается местное произношение, иногда — народные, просторечные выражения.

Но новгородское летописание велось не только при дворе новгородского архиепископа. В позднейших летописях, путем их сопоставления и анализа, можно выделить летопись, которую в течение двухсот лет вели в уличанской церкви Якова в Неревском конце. Ее настоятель поп Герман Воята придал ей поразительно необычный для средневековой письменности характер домашности и простоты.

Круг интересов Германа Вояты не широк. Это внутренние события городской жизни — постройки церквей, великого моста через Волхов, уличные события не слишком большого значения:

Золотая цепь с эмалью. XII в.

«а в 23 того месяца (апреля) пополоши-
 шися людье: сълагаша бо, яко Святополк
 у города с пльсковичи (т. е. с псковича-
 ми); и высушася весь город к Силь-
 нищю, и не бы ничтоже» (1136 г.). Гер-
 ман Воята отмечает в своих записях до-
 роговизну, состояние погоды: «Стояста
 2 недели полне, яко искря жгуце, тепле
 вельми, переже жатвы; потом найде
 дъжчь, яко не видехом ясна дни ни до
 зимы; и много бы уиме жит и сена не
 уделаша; а вода бы больше третьего лета
 на ту осень; а на зиму не бысть снега
 велика, ни ясна дни, и до марта» (под
 1145 г.). «На ту же осень зело страшно
 бысть: гром и мълния, град же яко
 яблъков боле, месяца ноября в 7 день,
 в час 5 нощи» (1157 г.). Не мудрствуя
 лукаво, Воята записывает в свою лето-
 пись сообщение об утонувших в Волхове
 попах, рассказывает о состоянии хлебов,
 о покосах сена, об унесенных разливом
 Волхова дровах, о слышанном им зимой
 громе, очевидно во время занятий в ар-
 хиепископской ханцелярии («в истьбе
 седающе»), и, наконец, о собственном по-

ставлении в попы (под 1144 г.). Все это
 изложено Воятой довольно последова-
 тельным, крепким просторечием, часто от
 первого лица. Воята, как видно, огра-
 ничен в своих интересах, но по-своему
 талантлив, не боится отступать от
 средневековых трафаретов книжности,
 вкладывая в записи личные интересы
 и вкус к быту. Непосредственная заинте-
 ресованность в описываемых событи-
 ях, облик живого человека остро ощуца-
 ется в ненарочитой простоватости его
 записей.

В литературе Новгорода XII в. был
 широко представлен и жанр описания
 путешествий. Начиная с XI и кончая
 XV в., в Константинополь направлялись
 многочисленные паломнические группы.
 До нас дошло несколько описаний Царь-
 града и путеводителей, из которых пер-
 вое принадлежит знатному новгородцу
 Добрыне Ядрейковичу, бывшему впо-
 следствии новгородским епископом под
 именем Антония. Добрыня путешество-
 вал в Царьград, очевидно, для приглаше-
 ния в Новгород византийских мастеров

около 1200 г. и оставил «Сказание мест святых в Царьграде».

Наряду с религиозными достопримечательностями Добрыня интересуется в Константинополе живописными зданиями и произведениями искусства. Как русский, Добрыня с гордостью отметил в Константинополе почитание русских святых Бориса и Глеба, упомянул о каком-то блюде княгини Ольги в храме Софии, назвал находившихся с ним одновременно в Константинополе русских¹.

Богатое устное творчество Новгорода XII—XIII вв. дошло до нас отчасти (с позднейшими изменениями) в былинах о Садко (Сатко Сытинич как строитель огромной церкви Бориса и Глеба в новгородском Детинце упоминается в новгородской летописи под 1167 г.), о Василии Буслаевиче, об Иване Гостинном сыне и о Хотене Блудовиче. В этих былинах отразился своеобразный быт торгового города, его классовые бои на Великом новгородском мосту, ушкунничество², семейно-бытовые отношения богатого новгородского купечества и боярства. Образ Садко, поэта и музыканта, с помощью чудесных сил ставшего «богатым гостем» и вступившего в состязание с целым Новгородом, а также образ бесшабашного Васьки Буслаева, не верящего «ни в сон, ни в чох», принадлежат к числу самых ярких образов русского народного творчества³.

В отличие от суровой «демократической» архитектуры Новгорода с ее приземистыми пропорциями и простотой, зодчество Владимира носило парадный и торжественный характер, было утончен-

ным и аристократичным. Это было искусство изысканных пропорций, изящных линий — искусство по преимуществу княжеское.

Торжественные арки городских ворот — Золотых, Серебряных, Медных, широкие проезды, мощенные камнем площади, на которые были обращены богато украшенные скульптурой, золоченой медью и фресками фасады белокаменных княжеских построек, обширные и светлые помещения храмов — предназначались для многолюдных церемоний. Сверкающие мозаичные и крытые листовой медью полы, золотые купола, богатые ткани, развешиваемые по сторонам храмов, дорога утварь — все должно было поразить зрителя и внушить уважение к власти князя.

Блестящее золото и сияющая белизна белокаменных стен составляли излюбленное сочетание красок владимирских зодчих. Золоченой медью были окованы полотнища массивных створ Золотых ворот — главных в городе. Золотом были покрыты главы уже первого владимирского Успенского собора, построенного Андреем Боголюбским. Колонки его архитектурного пояса были также вызолочены. Листьями позолоченной меди были окованы порталы и простенки окон главы. Вызолоченные флюгера возвышались над полуцилиндрическими посводными кровлями. Блеск золота в сочетании с белизною стен и цветными пятнами наружных фресок производил ошеломляющее впечатление.

Кропотливые разыскания советских археологов позволили восстановить об-

¹ «Книга паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиеп. Новгородского в 1200 г.». Под ред. Х. М. Лопарева. — Православный палестинский сборник, вып. 51. СПб., 1899.

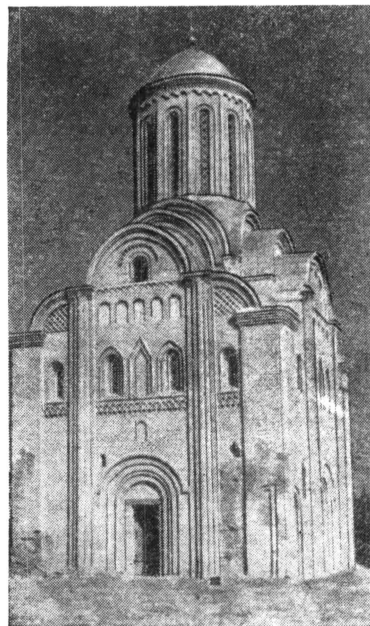
² Ушкунниками назывались удалые молодцы, отправлявшиеся в дальние путешествия

на ушкуях (лодках) и часто грабившие проезжих купцов и местное население. Типичный ушкунник — былинный герой Васька Буслаев.

³ Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, с. 229—235.

Софийский собор в Новгороде. XI в.

Пятницкая церковь в Чернигове.
Конiecь XII — начало XIII в.
Реставрация П. Д. Барановского.

лик загородной княжеской цитадели Андрея Боголюбского — его замка в Боголюбове¹. Замок этот, недалеко от устья Нерли, был окружен высокой стеной с прекрасными белокаменными башнями.

В центре замка, на краю берегового обрыва, возвышался видный изда- лека дворец Боголюбского. Восточный фасад дворца выходил к спуску на речную пристань. Западный был обращен на дворцовую площадь, вымощенную плитами белого камня и пересеченную тесанными из камня водосточными желобами. На дворцовую площадь выходил также окованный тонкими листами золоченой меди западный портал собора. Здесь же на трехступенном круглом пьедестале стояла большая белока-

менная чаша, из которой путники могли утолять жажду. Чашу окружало восемь изящных, легких, утончавшихся кверху колонн, несших восьмигранную, вероятно золоченую шатровую кровлю.

Палаты Андрея и собор соединялись белокаменными переходами. Галереи этих переходов имели цветные майоликовые поля и были расписаны фресками. Их фасады были украшены орнаментами, металлопластикой, резным камнем и, по-видимому, скульптурой: при раскопках северного перехода была найдена голова статуи зверя (собаки или дракона), помещавшейся, очевидно, в нише фасада.

Дворцовый собор Рождества Богородицы был центральным зданием ан-

¹ Воронин Н. Н. Памятники владимиросудальского зодчества XI—XII вв. М.—Л., 1945.

Святая Елена.
Деталь фрески Софийского собора в Новгороде.
XIII в.

самбля. Это был небольшой храм с одной вызолоченной главой, с полуцилиндрическими покрытиями прямо по сводам. Его фасады членились на три доли сложными пилястрами и были опоясаны на середине высоты аркатурно-колончатым поясом. Стены были украшены резными камнями.

Внутри собор отличался исключительным своеобразием. Вместо обычных в русских храмах крестчатых столбов, поддерживающих купол, здесь высились расписанные под мрамор колонны с аттическими базами и огромными вызолоченными лиственными капителями. Строители вымостили цветными майоликовыми плитками хоры и высоко подняли их над головами молящихся. Искуснейшие художники расписали стены собора

яркими фресками. Пол был вымощен толстыми, запаянными оловом медными плитами, казавшимися современникам золотыми. За сквозной белокаменной алтарной преградой поднимала свой шатровый верх алтарная сень¹ с резными изображениями евангельских персонажей.

Еще большим великолепием отличался выстроенный тем же Андреем Боголюбским владимирский Успенский собор (1158—1161 гг.). Путем точного расчета пропорций владимирским зодчим удалось создать впечатление большой легкости сводов и высоты храма. Тонкие столбы легко вздымали своды собора. Через двенадцатиоконный купол обильно струился свет. Зодчие наполнили собор скульптурными деталями, подчеркнувшими ритмичность членения стен. Сами стены были покрыты фресками, искусно подчиненными архитектурным формам собора. Строители вымостили пол разноцветными майоликовыми плитами. Богослужебные сосуды и вся утварь храма были украшены драгоценными камнями и жемчугом. Наружные фасады Успенского собора разделялись сложными пилястрами с пышными капителями. Изящный фриз из стройных колонок тянулся вдоль стен, по-видимому украшенных резными камнями. Между позолоченными колонками этого фриза помещались фресковые изображения святых. Вызолоченные флюгера, вызолоченные птицы, вызолоченные кубки, украшения из золоченой прорезной меди завершали кровлю. Не случайно летописец не находил слов для описания сверкающего великолепия наружного «узорожья» собора, которое было «изумечтано всею хитростью», доступной человеку.

Выстроенная тем же Андреем Боголюбским в 1165 г. церковь Покрова на реке Нерли принадлежит к одним из лучших произведений русской архитек-

¹ Алтарная сень — декоративный шатер на четырех столбиках над алтарным престолом.

Собор Георгия Юрьева монастыря в Новгороде.
Начало XII в.

Церковь Спаса на Нередице в Новгороде.
1198 г.

туры. Ее пропорции отличаются гармоничностью и стройностью. Внутри церковь была богато расписана фресками, а снаружи украшена каменной резьбой, декоративной скульптурой. На стенах церкви Покрова можно увидеть изображение библейского царя Давида, играющего на струнном инструменте — «псалтири», женские маски, львов, голубей, грифонов¹, терзающих ягненка, барсов.

После пожара 1185 г. Всеволод Большое Гнездо произвел в Успенском соборе во Владимире сложные технические работы, значительно расширившие храм.

Всеволод с трех сторон обстроил храм просторными галереями. Стены храма, окруженные этими обстройками, были прорезаны широкими арочными

пролетами и соединены арочными же перемычками с новыми наружными стенами галерей. Над галереями строители поставили четыре новые световые главы.

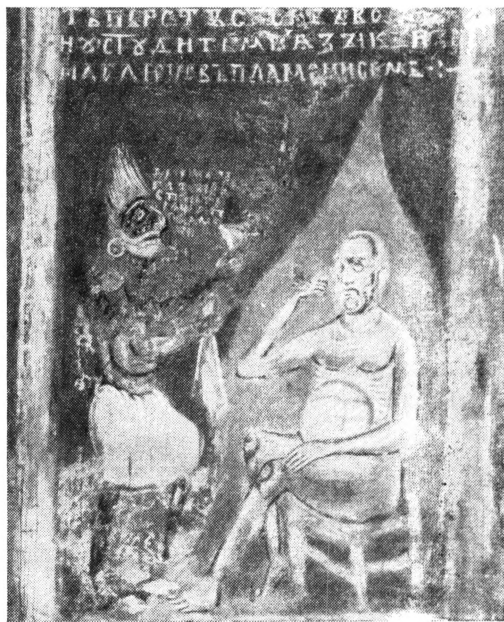
Собор из одноглавого стал пятиглавым. Полы из майоликовых плит были сменены на полы из фигурной майоликовой мозаики. Собор был заново расписан и заново украшен драгоценной утварью.

К 1193—1194 гг. относится постройка во Владимире Дмитриевского собора. На стене Дмитриевского собора можно было увидеть псалмопевца царя Давида, Александра Македонского, летящего на грифонах, и др. На обращенном к городу северном фасаде собора скульптор изобразил самого строителя собора и одного из героев «Слова о полку Игореве».

¹ Грифон — фантастическое крылатое животное с туловищем льва и головой орла.

Ярослав Всеволодович — отец Александра Невского. Деталь фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде. XIII в.

Притча о богатом и бедном Лазаре. Деталь фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде. XII в.

ве» — Всеволода Большое Гнездо с наследником среди коленопреклоненных подданных¹.

Все великолепное наружное убранство владимирских храмов было выполнено по княжеской инициативе простыми владимирскими каменосечцами². Эти владимирские каменосечцы внесли в свои изделия широкую струю народного искусства.

Памятники владимирского зодчества хранят в себе драгоценные остатки и владимирской живописи XII в. Во владимирском Успенском соборе сохранились фрагменты росписей, сделанных при

Андрее Боголюбском и при Всеволоде Большое Гнездо.

По-видимому, к 1194—1197 гг. принадлежат росписи Дмитриевского собора во Владимире. Живопись Владимира сохраняет тот же княжеский характер, что и архитектура. В ней сильны связи с живописью Киева XII в., но вместе с тем сказывается стремление к пышности, парадности.

Исключительный интерес представляет икона, изображающая Дмитрия Солунского — святого князя Всеволода Большое Гнездо (теперь находится в Третьяковской галерее). Есть основание

¹ Воронин Н. Н. Скульптурный портрет Всеволода III. — «Кр. сообщ. и докл. ИИМК», XXIX, 1954, с. 137—139.

² Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Г. Юрьев-Польский. М.,

1964; Он же. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964; Он же. Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово (XII в.). М., 1969.

думать, что перед нами портретное изображение самого Всеволода¹. Дмитрий сидит на престоле и вынимает из ножен меч. На его голове — византийский кесарский венец. Его лицо властно и энергично.

Значительных успехов во Владимиро-Суздальской Руси в XII—XIII вв. достигло ремесло. Образцом кузнечного ремесла Владимиро-Суздальской Руси в сочетании с ювелирным может служить известный шлем Ярослава Всеволодовича, найденный в начале прошлого столетия на поле Липецкой битвы 1212 г., где Ярослав потерпел поражение. В отличие от шлемов предшествующей поры, он весь выкован из одного металлического куска, что делало его более легким и более прочным одновременно. Сверху шлем был набит серебром и выложен серебряными накладками исключительно изящной отделки, со сложным орнаментом и изображением архангела Михаила, с надписью вокруг этого изобра-

жения: «Въликѣи архистратиже ги Михаиле помози рабу своему Феодору» (Федор — христианское имя Ярослава).

То же сочетание кузнечного дела с ювелирным представляют собой декоративные топорики. Один из них, с изображением буквы «А», возможно, принадлежал Андрею Боголюбскому или кому-нибудь из его дружины. Это легкий стальной топорик со звоном в обухе. Он покрыт листовым серебром с гравировкой, позолотой и чернью.

Широко известны и врата из суздальского Рождественского собора, созданные в особой сложной технике золотого письма по меди. Техникой этой, изобретенной русскими мастерами, удавалось создать тонкий линейный рисунок золотом на фоне, покрытом черным лаком.

Владимирское летописание XII—XIII вв. сохранилось до нашего времени в составе Лаврентьевской летописи и, в пределах до 1206 г., в составе Радзивилловской летописи.

В 1175 г. по воле Андрея Боголюбского начал составляться первый владимирский летописный свод, положивший в свое основание Владимирские летописные записи XII в. и летопись Переяславля Русского (Южного), во главе которой находилась «Повесть временных лет». Этот летописный свод составлялся в главной святыне Владимирского княжества — владимирском Успенском соборе. Смерть Андрея Боголюбского прервала выполнение этого свода. Он был закончен в 1177 г. при Всеволоде Большое Гнездо. При Всеволоде же составляется новый свод в 1193 г. После смерти Всеволода своды владимирского летописания составляются в течение всего XIII в. Они отличаются строго проводимой идеей главенства Владимира в Русской земле. Летописец часто пользуется цитатами из священного писания, прибегает к нравоучениям, дидактике, моральным сентенциям, иногда не в меру многогоречив и риторичен. Свою книжную начитанность летописец постоянно использует для прославления, пропаганды и освящения церковным авторитетом власти князя: «князь бо не туне (не зря) мечь носить — в месть злодею, а в похвалу добро творящим»; «судя суд истинен и нелицемерен, не обвиняя лице сильных своих бояр, обидящих меньших и работающих сироты и насилье творящим» и т. д. Он деятельный сторонник княжеской власти.

Суровое морализирование, восхваление твердой, а главное, «правый суд судящей» власти, способной подавить бояр, «обидящих меньших», — это не случайные особенности Владимиро-Суздаль-

¹ Антонова В. И. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII ве-

ка из г. Дмитрова. — Кр. сообщ. и докл. ИИМК», XII, 1951.

Георгий Победоносец. Икона из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде. XII в.

ской княжьей летописи, идеологически обосновывавшей реальные притязания владимирских князей.

Под 1206 г. — временем отъезда сына владимирского князя Всеволода, Константина, в Великий Новгород — летописец обильно приводит выдержки из священного писания, чтобы подкрепить ими авторитет княжеской власти. Летописец

как бы напутствует Константина перед отъездом его в город, издавна стремившийся освободиться от власти князя: «Власти мирьские от бога вчинены суть», «богу слуга есть, мстя злодеям» и т. д. Вручая Константину крест и меч, Всеволод говорит ему: «се (крест) ти буди охранник и помощник, а меч прещение и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных».

Официальный, торжественный характер Владимирского летописания сказался и в том, что Владимирская летопись впервые в истории русского летописания была богато иллюстрирована многочисленными миниатюрами. Копии этих миниатюр дошли до нас в рукописи так называемой Радзивилловской летописи.

Едва ли не самым характерным явлением владимирской литературы служит известное «Моление» Даниила Заточника. «Моление» представляет собой обращение, мольбу некоего Даниила к князю с просьбой взять его к себе на службу. Даниил восхваляет книжное образование, различными историческими и бытовыми примерами доказывает необходимость для князей мудрых советников, а затем всячески стремится показать свою начитанность и хитроумие.

Основная часть «Моления» состоит из ряда своеобразных, ритмично организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением вначале: «княже мой, господине». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе (западной и русской) афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе этого книжного материала Даниил выказывает себя широкообразованным писателем, живущим в утонченной литературной среде и не боящимся остаться непонятым.

Если иногда и трудно угадать в упоминаемых в «Молении» реалиях конкретные явления русской жизни, то общая

тенденция и идеологическая направленность этого произведения вполне конкретны: они типично владимирские. Восхваляя Ярослава Всеволодовича (сына Всеволода Большое Гнездо — отца Александра Невского), Даниил ясно заявляет себя сторонником сильной княжеской власти, противником бояр. Многочисленными афоризмами Даниил стремится обосновать неограниченность власти князя, подчеркнуть ее значение и вечный характер: «женам глава муж, а мужам князь, а князем бог», «гусли строятся персты, а град нашъ твоею (князя) державою». «Лучше бы ми вода пити в дому твоем, — обращается Даниил к Ярославу, — нежели мед пити в боярстем дворе»; «конь тучен, яко враг сапает на господина своего, тако боярин богат и силен смыслит на князя зло» и т. д.¹

Памятники материальной культуры богатой Галицко-Волынской земли дошли до нас очень скупо. Однако и то, что сохранилось, свидетельствует о пышном расцвете галицко-волынской архитектуры, живописи, прикладного искусства, о связях галицко-волынской культуры с культурой других областей Руси и о ее народных корнях. Остатки почти 30 каменных построек конца XII—XIII в. вскрыты археологами в Галиче. Во Владимире Волынском сохранился Успенский собор, выстроенный в 1160 г. князем Мстиславом Изяславичем.

Летопись дает нам представление о существовании в Галиче в середине XII в. целой группы дворцовых построек, близких по типу к замку Андрея Боголюбского: здесь были дворец, лестница с сенями, дворцовый храм и переходы к нему из дворца. Галицкие

Дмитрий Солунский. Икона из Дмитриевского собора во Владимире. Вторая половина XII — начало XIII в.

церкви были украшены белокаменной резьбой, сходной с народным искусством белокаменной резьбы Владимира Залесского.

¹ Издание «Моления» см.: Зарубин Н. Н. «Слово Даниила Заточника» по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. Популярное издание в кн.: Изборник

(сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. (Библиотека Всемирной литературы).

Георгий. Икона Успенского собора
Московского Кремля. XI—начало XIII в.

О богатстве внешнего убранства галицко-волинских храмов дает представление описание церкви Ивана в Холме, помещенное в Ипатьевской летописи под 1259 г. В этой церкви, «красной и лепой», своды опирались на капители в виде человеческих голов, изваянных «от некоего хитреца», в окна были вставлены витражи, верх церкви был украшен «звездами златыми на лазуре». Пол церкви был «слит от меди и от олова чиста, ярко блестяся яко зеркалу». Две двери были «украшены камением галичным белым и зеленым холмьским, тесаным, изрытым некимь хитрецемь Авдьеьм».

Скульптурные украшения снаружи церкви были выкрашены всеми цветами и золотом. Наружные фрески были так хороши, «якоже всим зрящим дивитися

бе». Иконы в этой церкви были «диву подобны». Посредине города Холма стояла высокая «вежа» (башня) — снизу на высоту 15 сажень каменная, вверху же деревянная и убеленная «яко сыр» (творог), так что светилась она «на все стороны». Описывает летописец и другие церкви в Холме, а также каменный столп вблизи города: «...а на немь орел камен изваян, высота же камени (каменной части столпа) десяти локот, с головами же (орел, очевидно, был двуглавый) и с подножьями 12 локот»¹.

О развитии книжного дела свидетельствуют роскошные рукописи, написанные в Галицко-Волинской земле в XII—XIII вв. и сохранившиеся до наших дней в составе рукописных собраний. Ипатьевская летопись под 1288 г. пишет, что волинский князь Владимир Василькович рбздал по завещанию многочисленные книги. Среди них были книги, списанные им собственноручно, было евангелие, писанное золотом, с переплетом, окованным серебром с жемчугом, и украшенное иконой с финифтью; другое евангелие было «чудно видением» — оковано золотом, украшено драгоценными камнями, жемчугом, финифтью и т. д.

Богатая когда-то литература Галицко-Волинской земли представлена только летописанием, сохранившимся в составе Ипатьевской летописи начиная с 1200 г. Галицко-волинское летописание складывалось по преимуществу из отдельных княжеских биографий и не имело первоначально хронологической канвы. Это было цельное повествование. Оно имело ярко выраженную княжескую идеологию, было полно восхвалений князей и ненависти к боярству.

Особенно характерна в этом отношении центральная часть Галицкой летописи — жизнеописание Даниила Романовича Галицкого. Подробно приводит автор воинские речи Даниила, полные высокого

¹ Локоть — мера длины от локтя до конца среднего пальца.

представления о чести воина и чести родины, многие из которых представляют собой прекрасные образцы ораторского искусства. Автор следит за ратными подвигами Даниила, описывает его личное участие в боевых схватках. Не раз обнажает меч Даниил, не раз ломает свое копье, не раз оказывается на волосок от смерти.

В тоне резкого раздражения говорит автор о врагах Даниила — боярах. Одного из них, Жирослава, он называет «льстивым», он «лукавый льстец», его язык «лжею питаешься». У льстивого боярина Семьюнка лицо было красное, как у лисицы. Боярин Доброслав, когда ехал на коне, то в гордости не смотрел на землю. Малодушные изменники бояре, которые вынуждены были в конце концов сдать Даниилу, выходят к нему со слезами на глазах, с ослабленными лицами. Желчи, гнева, сатирических красок хватило бы у автора на изображение боярских крамол эпохи Грозного.

Автор жизнеописания Даниила ставил себе задачи прославления Даниила, пропаганды его власти и необходимости борьбы с боярством.

В отличие от Владимиро-Суздальского летописания, стиль летописания Галицко-волинского целиком светский, дружинный. В нем явственно слышны отзвуки дружинной поэзии, не раз заставлявшие исследователей сближать отдельные места Галицко-волинского летописания со «Словом о полку Игореве»¹.

Культуру многих феодальных полугосударств Руси XII—XIII вв. мы знаем очень слабо. Так, например, мы никак не представляли бы себе культурную жизнь Турово-Пинского княжества, если бы не было известно по одному древнему сказанию, что там родился и провел жизнь один из лучших ораторов Древней Руси — знаменитый Кирилл Туровский. Кириллу, которого впоследствии называли «русским Златоустом», с течением времени было приписано чрезвычайно много произведений, что значительно затрудняет определение его литературного наследства. Однако и то, что несомненно может быть присвоено Кириллу, рисует его плодотворным и деятельным писателем.

Блестящая форма составляет отличительную черту произведений Кирилла Туровского. Кирилл в широкой степени прибегает к утонченным ораторским приемам: к аллегориям, противопоставлениям, сравнениям, уподоблениям, вопросоответной форме изложения, оживляет проповедь введением пространных диалогов и монологов, стремится к ритмичности и плавности речи. Благодаря своим исключительным внешним достоинствам произведения Кирилла переписывались древнерусскими книжниками рядом с сочинениями знаменитых византийских ораторов и богословов — «отцов церкви». Кирилл — образованный проповедник. Проповеди показывают глубокое знакомство его с византийской литературой и греческим языком. Своим образованием Кирилл пользуется очень широко, иногда даже до излишества².

¹ О Галицко-волинском летописании см.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — «Истор. зап.», № 12. М.—Л., 1941; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950.

² О Кирилле Туровском см.: Сухомлинов М. И. О сочинениях Кирилла Туровского. — «Исслед. по древнерус. лит-ре». СПб.,

1908; Памятники древнерусской церковноучительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева, т. I. СПб., 1894, с. 87—198; Еремин И. П. Литература Древней Руси. Л., 1966; Он же. Литературное наследие Кирилла Туровского. — «ТОДРА», XII (1956), XV (1958), XVIII (1962).

Итак, «Слово о полку Игореве» возникло в сложной культурной обстановке. Оно не было одиноким памятником, при всей его исключительности.

Русская культура накануне монголо-татарского нашествия отмечена энергичным поступательным движением. Культурные центры становились более многочисленными. Культура Руси развивалась и крепла, проникалась народными началами и углубляла свою самобытность.

Одновременно росла социальная дифференциация внутри культуры. Рез-

ко выделялась прогрессивная часть культуры Руси, отмеченная идейной борьбой за единство Руси и связью с творчеством трудового народа. Размежеванию единой русской культуры границами феодальных полугосударств противостоит рост тех ее объединяющих основ, которые впоследствии составили фундамент национальных культур трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Эти объединительные тенденции исходили прежде всего от самого трудового народа — подлинного создателя материальных и духовных ценностей¹.

---

¹ О культуре домонгольской Руси см.: История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1948; т. II, М.—Л., 1951.

ГЛАВА 4 ПОХОД ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО

«Слово о полку Игореве» в основном посвящено походу князя Игоря Святославича Новгород-Северского, предпринятому им в 1185 г. против половцев.

Игорь Святославич родился в 1151 г., он был вторым сыном Святослава Ольговича Черниговского и внуком знаменитого своими усобицами с Владимиром Мономахом Олега Святославича, иронически прозванного автором «Слова о полку Игореве» «Гориславичем». Отец Игоря Святослав Ольгович был одно время (с 1136 по 1138 г.) князем Новгорода Великого и здесь женился на новгородке — будущей матери Игоря Святославича.

Ко времени похода Игоря Святославича 1185 г. у него было уже трое сыновей: Владимир, Олег и Святослав. Летопись отмечает, что старший сын Владимир родился в 1172 г. Однако дата эта вызывает сомнение: в 1185 г., когда Владимир принимал деятельное участие в походе Игоря, ему вряд ли было только 13 лет. В 1187 г. он вернулся из плена с женой — дочерью хана Кончака «и с дитятем».

Все эти три сына были у Игоря от его первой жены.

Ярославна — дочь могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла — была второй женой Игоря. Он женился на ней за год до похода — в 1184 г.

Святослав Всеволодович Киевский приходился Игорю двоюродным братом. Игоря Святослав называл «сыном» — как старший на лестнице феодального подчинения.

Ко времени похода 1185 г. у Игоря был только один брат — Всеволод Святославич «Буй Тур», князь курский и трубчевский. Он был моложе Игоря девятью годами (родился в 1160 г.); во время похода на половцев ему было 25 лет.

Обстоятельства похода сложились следующим образом. С 70-х годов XII в. половцы усиливают свой нажим на южные и юго-восточные окраины Русской земли. Страх, нагнанный на половцев глубокими степными походами Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого, прошел. Половцы тревожат Русь непрерывными набегами; начинается, по выражению летописца, «рать без перерыва».

Натиск половцев разбивается об ответные походы русских, однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Этот хан Кончак пытается отомстить киевским князьям за поражение своего деда Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г., и своего отца хана Отрока, изгнанного Мономахом из Половецкой земли в «Обезы» (в Абхазию). Половецкие войска объединяются и получают оружие для осады городов. В их армии появляется и «греческий огонь», которым стрелял какой-то «басурманин», и огромные, передвигающиеся «на возу высоким» луки-самострелы, тетиву которых едва натягивало более 50 человек.

Разрозненные русские княжества лицом к лицу столкнулись с сильным и, главное, единым войском кочевников.

Архангел Гавриил. Деталь иконы «Благовещение Устюжское» из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде. 1119 — начало XIII в.

Под влиянием половецкой опасности (как впоследствии под влиянием опасности монголо-татарской) зреют идеи необходимости единения, находящие отчасти выражение и в реальной политической жизни, несмотря на почти полную утрату единства экономических интересов, поддерживавших когда-то — в XI в. — объединительную политику Киева. Носителями идеи объединения были прежде всего демократические слои русского населения. Однако идеи эти находят теперь деятельную поддержку и в среде князей.

Действительно, в 80-х годах XII в. делается попытка примирения Ольговичей и Мономаховичей.

Сами Ольговичи на время рвут со своей традиционной политикой союза со степью; порывает с ней и герой «Слова о полку Игореве» — Ольгович Игорь Святославич Новгород-Северский.

Вначале Игорь — типичный Ольгович в своей политической деятельности. Он выступает и против половцев (как в 1174 г.), и в союзе с половцами. Он принимает деятельное участие в феодальных усобицах и, казалось, мало заботится о защите Русской земли от ее исконных врагов. Еще в 1180 г. половцы энергично помогают Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе со своими союзниками-половцами, Игорь Святославич едва спасся в лодке вместе со своим будущим злейшим врагом, а пока что союзником, ханом Кончаком, успев уплыть от преследования киевского князя на Городец к Чернигову. Любопытно, что поражение Игоря Святославича и всех Ольговичей киевский летописец рассматривает как поражение половцев: «И тако поможеть бог Руси и возвратишася во свояси, и приемше от бога на поганыя победу» (Ипатьевская летопись под 1180 г.).

Рюрик Ростиславич был незаурядный политик; это деятельный и умный князь, оказывавший покровительство летописанию и искусствам. Одержав победу над Ольговичами, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. По-видимому, он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великом княжении киевском главу Ольговичей — Святослава Всеволодовича, а себе взял остальные города Киевской области. Благодаря этому он держал Святослава в подчинении, а через Святослава мог оказывать влияние и на всех остальных Ольговичей, находившихся в вассальной зависимости от Святослава. Вместе с тем Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем догадываться: по-видимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. Во всяком случае, в ближайшие годы Рюрику и

Святославу удается широко организовать союзные отношения русских князей в отпор усилившемуся нажиму степи.

Политика главы ольговичей Святослава сказалась и на политике Игоря Святославича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своими прежними союзниками. Он становится их яростным противником. Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений. Перед нами политические декларации, облеченные в свойственные тому времени религиозные формы. На поле битвы, когда его уже пленили и связали половцы, Игорь вспоминает всю свою прежнюю деятельность. «Помянух аз грехы своя перед господем богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадох хрестьян, но взях на щит (т. е. приступом) город Глебов у Переславля; тогда бо не мало зло подьяша безвиннии хрестьяни, отлучаеми отцу от рождений (т. е. детей) своих, и дщери от матерей своих, и подруга от подруги своея, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшею, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святей огнем от жизни сея искушение приемши... и та вся сотворив аз, рече Игорь» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Вторично кается Игорь, находясь в плену у своего бывшего союзника — хана Кончака.

Несмотря на то что политика ольговичей претерпела резкие изменения еще с самого начала 80-х годов, Игорю Святославичу не сразу пришлось участвовать в походе против своего бывшего союзника Кончака. В 1183 г. объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Было взято 700 пленников, захвачены военные машины, отбиты русские пленные, попал в плен хан Кобяк Карлыевич. В этом походе Игорь не участвовал. Он ходил са-

Архангел Гавриил. «Ангел Златые власы»
Начало XII — начало XIII в

мостоятельно и разбил половецкого хана Обовла Костуковича. В 1184 г. Святослав с русскими князьями вновь разбивает половцев. Захвачен был в плен «басурманин», стрелявший «живым огнем». Половцы были уstraшены, и опасность, казалось бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич не мог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подоспеть вовремя. Когда Игорь, несмотря ни на что, хотел все же идти на соединение со Святославом Всеволодовичем, дружина сказала ему: «Княже! потьскы (по-птичьи) не можем перелетети; се приехал к тебе муж от Святослава в четверг, а сам идти в неделю (в воскресенье) ис Киева, то како можеш, постигнути?»

По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу; ему не уда-

лось участвовать в победе, ему не удалось доказать своей преданности союзу русских князей против половцев. Вот почему в следующем, 1185 г., очертя голову, «не сдержав юности», бросается он в поход против половцев.

Окрыленный предшествующими победами Святослава, Игорь ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу («Гориславичу»); он решается дойти до берегов Черного моря, уже почти сто лет закрытого для Руси половцами. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. В этой сложной подоплеке — черты особого трагизма несчастного похода Игоря Святославича, трагизма, привлекавшего к нему внимание и автора «Слова», и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести — самые обширные и, может быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

И вместе с тем поход Игоря Святославича ярко показал невозможность действовать против половцев в одиночку. Только объединенные походы русских князей могли иметь успех. Поход Игоря Святославича именно поэтому встретил осуждение и у Святослава Всеволодовича Киевского, и у летописцев. В Киевской летописи это осуждение выражено более мягко, во Владимир-Суздальской — более резко. Поход Игоря свел на нет результаты предшествующего победоносного похода объединенных русских сил под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского.

На примере несчастного похода Игоря Святославича автору «Слова» было очень удобно показать последствия от-

сутствия единения между русскими князьями, призвать их к согласованному отпору врагам Руси.

Поход Игоря Святославича 1185 г. рассказан в двух летописях. Более обширный рассказ сохранился в Ипатьевской летописи (он составлен южным летописцем), другой — более сжатый — в Лаврентьевской (он составлен во Владимире Суздальском). Но и тот и другой не изначальны: в обоих есть некоторые небольшие общие части, восходящие к не дошедшему до нас летописанию пограничного со степью Переяславля Русского. Поход Игоря Святославича из-за своих несчастных последствий привлек к себе всеобщее внимание. Вот как на основании рассказов летописей можно себе представить поход Игоря.

Не уведомив своего феодалного главы Святослава Всеволодовича, 23 апреля 1185 г., во вторник, Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его Владимир Путивльский, племянник — князь Святослав Ольгович Рыльский, вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев (осевших в пределах русских княжеств кочевников), выступили в далекий степной поход на половцев без участия и согласия киевского князя Святослава. Откормленные за зиму тучные кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Донца 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. Он сказал боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Они все посмотрели, опустили головы и сказали: «Княже! се есть не на добро знамение се». Игорь сказал на это: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не вест, а знамению творец бог и

всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видити». Сказав так, Игорь переправился через Донец. У Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше к реке Сальнице.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа, которых послали вперед ловить «языка», донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали либо идти быстрее, либо возвратиться, «яко не наше есть веремя», т. е. не время для похода. Но Игорь сказал: «оже ны будеть не бившися возворотитися, ты сором ны будеть пушей смерти, но како ны бог дасть». Согласившись на этом, русские не стали на ночлег, а ехали всю ночь. На следующий день в обеденное время (в Древней Руси оно было ранним) русские встретили половецкие полки. Половцы отправили назад свои вежи (кочевые жилища на телегах), а сами, собравшись «от мала и до велика», выстроились на той же стороне реки Сяурлия.

Войска Игоря построились в шесть полков. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое ободряющее слово: «Братья, сего мы искали, а потягнемь». Посредине стал полк Игоря, по правую руку от него — Буй Тура Всеволода, по левую — полк игорева племянника Святослава Рыльского. Впереди стал полк сына Игоря — Владимира и полк черниговских ковуев под предводительством Ольстина Олексича. Отборные стрелки, выведенные из всех полков, вышли на самый перед. Половцы выстроили своих стрельцов. Дав залп из луков («пустивше по стреле»), половцы бежали. Бежали и те половецкие полки, которые стояли вдалеке от реки. Передовые полки черниговских ковуев и Владимира Игоревича погнались за половцами. Игорь же и Всеволод шли медленно, сохраняя боевой порядок сво-

их полков. Половцы пробежали через свои вежи. Русские овладели их вежами и захватили большой полон (пленных). Часть войска гналась за половцами дальше и ночью вернулась с голодом.

Когда все собрались, Игорь стал говорить, чтобы поехать в ночь, но Святослав Рыльский сказал дядям своим: «Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут. Аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати». Решили ночевать на месте.

Не сочувствующая ольговичам Лаврентьевская летопись говорит, что войска ольговичей стояли на половецких вежах три дня, «веселась», и передает похвальбу, якобы ими произнесенную: «Братья наша ходили с Святославом великим князем, и билися с ними, зря на Переяславль (т. е. недалеко от Переяславля), а они (половцы) сами к ним пришли, а в землю их (половецкую) не смели на них ити. А мы в земле их есмы, и самех избили, а жены их полонены, и дети у нас, а ноне поидем по них за Дон и до конца избьем их. Оже ны будеть ту победа, идем по них к луку моря (до Азовского лукоморья), где же не ходили ни деди наши. А возьмем до конца свою славу и честь». Ипатьевская летопись рассказывает события, случившиеся после первой победы, иначе. Не через три дня, а на следующий же день после первой победы над половцами, с рассветом, неожиданно половецкие полки «ак борове» (подобно лесу) стали наступать на русских.

«Слово о полку Игореве» дважды упоминает, что в этой битве на русских дул противный южный ветер, создававший преимущество для половецких лучников. По наблюдениям метеорологов, эти южные ветры типичны для этой части степи весной и летом.

Вскоре небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю». Русские князья не знали, кому куда выезжать: так много

было врагов. Игорь ободрил всех, сказав: «Се ведающе собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Етебича, и Терьтробича». Князья решили драться до последнего. Речь Игоря перед битвой напоминает речи Мономаха своею заботой о «черных людях»: «оже погибнемъ, утечемъ сами, а черные люди оставим, то от бога ны будетъ грех, сих выдавше. Поидем, но или умремъ, или живи будемъ на едином месте». Чтобы пробиваться к Дону, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе.

Трое суток день и ночь медленно пробивалось небольшое русское войско к Дону. В бою Игорь был ранен в правую руку, и была большая печаль в полку его. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою. Первыми изнемогли от жажды кони. Много было раненых и мертвых в русских полках. Бились крепко до самого вечера, бились вторую ночь; на рассвете утром в воскресенье черниговские ковуи дрогнули. Игорь поскакал к ковуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими признанным, но не мог их задержать. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами.

Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод во главе своего войска, и просил смерти у бога, чтобы не видеть его гибели. Как говорит летописец, Игорь после рассказывал, что вспомнил он тогда грехи свои перед богом, кровопролития, сделанные им в Русской земле, когда взял приступом город Глебов, отцов, разлучаемых с детьми, братьев, дочерей, оторванных от матерей, подруг, раненых мужчин и оскверняемых женщин. «Где ныне возлюбленный мой брат (Всеволод)? — говорил Игорь. — Где ныне брата моего сын? Где

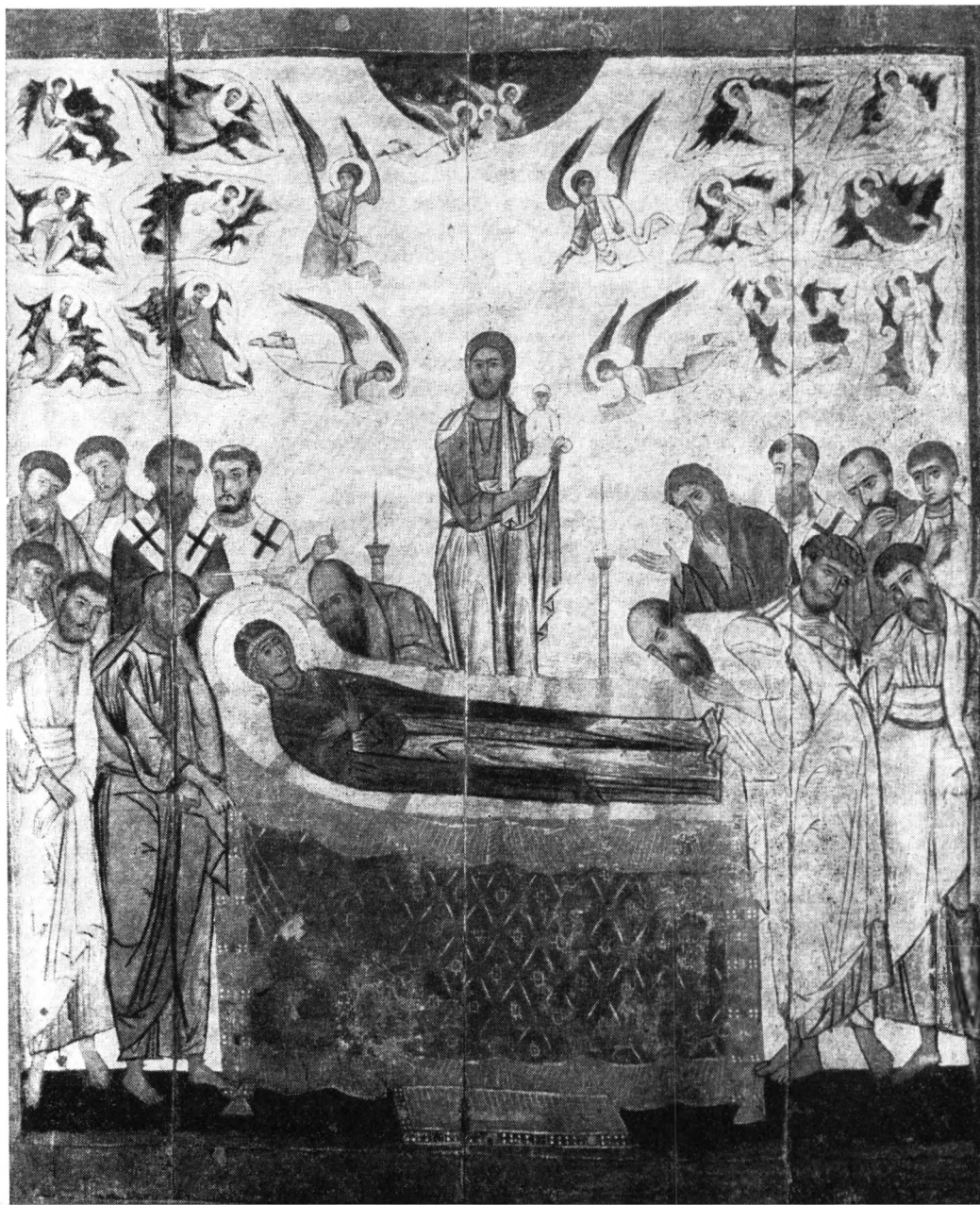
чадо рожения моего? Где бояре думающие, где мужи храбростующие, где ряд польчный? Где кони и оружья многоценная? Не отто всего ли того обнажихся, и связня преда мя господь в руки безаконным темь? (т. е. половцам)». Всеволод, несмотря на мужественное сопротивление, также был взят в плен. Пленных князей разобрали по рукам половецкие ханы. За Игоря поручился сват его Кончак. Из всего русского войска спаслось только 15 человек, а ковуев и того меньше. Прочие же потонули в море¹.

В то время Святослав Всеволодович Киевский шел в Корачев и собирал воинов в верхних землях, намереваясь вместе с ростиславичами идти на половцев к Дону на все лето. На обратном пути у Новгорода Северского Святослав услышал, что двоюродные братья его пошли, утаясь от него, на половцев — и не любо ему стало это. Когда Святослав подходил уже в ладьях к Чернигову, прибежал Беловолод Просович и поведал ему о поражении Игоря. Святослав, услышав это, глубоко вздохнув, утер слезы и сказал: «О любя моя братья и сынове и мужи земле Руское! Дал ми бог притомити поганья, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будет о всем. Да како жаль ми бяшетъ на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую больше (так теперь еще больше жалею) по Игорю брате моемъ». Это и есть «злато слово со слезами смѣшено» князя Святослава. «Слово о полку Игореве» передает его несколько иначе, но самый смысл его и тон скорбного упрека в летописи и в «Слове» одинаковы.

В этом «злате слове» Святослава точно определены последствия поражения Игоря. Святослав «притомил поганых» в своем походе 1184 г., но Игорь, «не сдержав юности», свел на нет результаты

¹ «Морем» в летописи могло быть названо и озеро, большое пространство воды.

Успение. Икона из церкви Рождества Богородицы Десятинного монастыря в Новгороде.
Конек XII — начало XIII в.

победы — «отворил ворота» половцам на Русскую землю. Скорбь и лютая туга (беда) распространились по всей Русской земле. «И не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, — говорит летописец, — но мнозе тогда отрекахутся душ своих жалующе по князих своих (досаду на своих князей)».

«Поганые» половцы, победив Игоря с братиею, «взяша гордость велику» и собрав весь свой народ, ринулись на Русскую землю. И была между ними распря: Кончак хотел идти на Киев отомстить за Боняка и деда своего Шарукана, потерпевших там поражение в 1106 г., а Гзак предлагал пойти на Семь, «где ся остале жены и дети: готов нам полон собран; емлем же города без опаса». И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю Южному, осадил город и бился здесь весь день.

В Переяславле был тогда князем Владимир Глебович. Был он «дерз и крепок к рати», выехал из города и бросился на половцев, но дружины выехать за ним дерзнуло немного. Князь крепко бился с врагами, был окружен и ранен тремя копьями. Тогда прочие подоспели из города и отбили князя. Владимир из города послал сказать к Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду Ростиславичам: «Се половцы у мене, а помозите ми». Святослав послал к Давыду, который стоял у Треполя со своими смолянками. Смоленяне стали вечем и сказали: «Мы пошли до Киева; да же бы была рать, бились быхом (мы пошли к Киеву; если бы встретили врага, то и бились бы); нам ли иное рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемогли». На эту распрю намекает «Слово о полку Игореве»: «сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, но розно ся имѣ хоботы (полотнища стягов) пашуть (развеваются)».

Святослав с Рюриком отправились по Днепру против половцев, а Давыд со своими смолянками возвратился обрат-

но. Услышав о приближении войска Святослава и Рюрика, половцы отступили от Переяславля и на обратном пути осадили Римов. Во время осады Римова рухнула часть стены (две городни) с людьми. Часть осажденных вышла на вылазку биться с половцами и избежала плена. Всех остальных половцы взяли в плен либо избили. Между тем хан Гзак опустошил землю вокруг Путивля, сжег много сел и острог вокруг Путивля, но самого Путивля, который был хорошо укреплен деревянными стенами на высоких земляных валах, взять не смог. В этом Путивле, как мы знаем из «Слова», спасалась в отсутствие Игоря его жена — юная Ярославна.

В плену Игорь пользовался относительной свободой и почетом. К нему приставили двадцать сторожей, которые не мешали ему ездить, куда он захочет, и слушались его, когда он куда-либо их посылал. Игорь ездил на ястребиную охоту со своими слугами и даже вызвал к себе из Руси священника для отправления церковной службы.

Половец Лавр, судя по имени крещеный, предложил Игорю бежать. Игорь отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плену, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяславля половцы намерены перебить всех русских пленников.

Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебираться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Помолясь и взяв с собой крест и икону, Игорь поднял полу половецкой вежи и вышел. Он перебрался через реку, сел там на коня и тайно проехал через половецкие вежи. Одинадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони.

Приехав в Новгород Северский, Игорь вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

В 1187 г. вернулся из плена сын Игоря — Владимир. Он вернулся с женой — дочерью хана Кончака и «с дитятем» и здесь, на Руси, был венчан по церковному обряду. Когда вернулись из плена остальные русские князья — не ясно.

Последствия поражения Игоря еще долго давали себя чувствовать в Русской земле. Половцы непрерывно тревожили Русь своими набегами. В 1187 г. Святослав Всеволодович Киевский и Рюрик Ростиславич вновь организуют поход против половцев, но отказ Ярослава Черниговского углубиться в степь вынудил русских князей вернуться. В 1191 г. чернигово-северские князья дважды ходили на половцев под предводительством Игоря Святославича.

В 1196 г. умер брат Игоря — Всеволод Буй Тур. Летописец отметил его смерть некрологической характеристикой, в которой восхвалял его удаль, доброту и «мужественную доблесть».

Вскоре, в 1198 г., умер и Ярослав Всеволодович Черниговский — брат Святослава Киевского, скончавшегося за четыре года перед тем (в 1194 г.). На мес-

то Ярослава в Чернигове стал князем Игорь Святославич. Он княжил недолго: через 4 года (в 1202 г.) он умер, и о его княжении мы ничего не знаем.

От Игоря осталось шесть сыновей. Со смертью Романа Мстиславича старшему сыну Игоря Владимиру удастся сесть с помощью местного боярства в Галиче. Своему брату Святославу он добывает Владимир Волынский, а другому брату — Роману дает Звенигород.

Игоревичам не пришлось удержать за собой Владимир Волынский — они были изгнаны оттуда Лешко польским¹. В Галиче Игоревичи вступают в борьбу с боярством. Боярству удалось в 1211 г. одержать верх, и трое игоревичей были повешены, в том числе один из участников похода 1185 г. — Святослав Игоревич. Вскоре умер и старший сын Игоря — Владимир (в 1212 г.). Когда умер третий из сыновей Игоря, ходивший в поход 1185 г., — Олег, — не известно.

Такова была судьба участников похода Игоря Святославича.

Из всех событий жизни Игоря и его сыновей подробнее всего мы знаем события похода Игоря 1185 г. Они и в самом деле были характерны для своего времени.

¹ Имеется в виду Лешко Белый — сын Казимира Справедливого, князя краковского и сандомирского и русской княжны Елены. Леш-

ко неоднократно вмешивался в дела русских княжеств, пытаясь завладеть Волынским и Галицким княжествами.

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».
ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ
ПЕРЕВОД «СЛОВА»¹

Композиция «Слова о полку Игореве» при первом взгляде кажется очень сложной, а иногда и непоследовательной. Автор переходит от темы к теме, от одних действующих лиц своего повествования к другим, постоянно меняет место действия, перенося его от Игорева войска в Половецкой степи в Киев, а из Киева в различные русские земли, на некоторое время в Путивль, затем в Половецкую землю, оттуда вновь на Русь — в Киев. Так же быстро меняется и время действия — автор обращается от настоящего к прошлому и от прошлого к настоящему и к предчувствиям грозного будущего. Перед читателем проходит целая гамма ощущений: от тяжелых предчувствий и скорби автор переходит к патетике призыва; эта патетическая часть сменяется лирической и интимной, а все произведение в целом завершается радостным и торжественным финалом. В «Слове» — своеобразная музыкальная композиция, в которой каждая часть не только самостоятельна по теме, но и окрашена своим особым чувством; все части вместе гармонично слиты в единое и удивительно законченное произведение. В сущности, все темы в «Слове» подчинены одной общей теме и все чувства — одному главному чувству, но и те и другие искусно развернуты во времени, представлены в сложном развитии. Эта глав-

ная тема — тема родины, и это главное чувство — чувство любви к родине.

Стремление расширить тему родины потребовало от автора «Слова» обращения к ее настоящему и прошлому. Оно потребовало противопоставления русской земли враждебной ей Половецкой степи и сопровождения событий в Русской земле откликами среди чехов, угров, венцианцев, готов, литвы, ятвягов, деремелы и неких загадочных «хинов». Чувство любви к родине выражено в «Слове» также во всем многообразии ее оттенков: тут и тревога за ее судьбу, и тоска при расставании с ней ее войска, и горечь от поражения ее сынов, и горе от разорения ее половцами, и гордость ее прошлым и настоящим, и нежная ласка к ней в плаче Ярославны, и радость по поводу возвращения Игоря. Тема родины и чувство любви к ней последовательно раскрываются автором в связи с главным сюжетным стержнем всего произведения — походом Игоря Святославича 1185 г.

«Слово» начинается с раздумья автора над тем, как ему рассказать о горестных событиях Игорева похода. Он вспоминает старинного певца Бояна (XI в.). Боян был и создателем и исполнителем своих песен. Он сопровождал свои песни игрой на гуслях. Автор «Слова» обращается к Бояну не случайно: он считает его своим предшественником. Это

¹ В этой главе вся цитация (выделенная отступами) дается по объяснительному переводу (см.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950 (Литературные памятники). Цитаты

подобраны в такой последовательности, что при чтении подряд они полностью воспроизводят весь текст объяснительного перевода памятника.

отчасти проливает свет на самый жанр «Слова» как произведения поэтического в первую очередь, а может быть, и песенного. Но автор «Слова» не только сопоставляет свое произведение с песнями Бояна, он, в известной мере, и противопоставляет его этим песням. Он отказывается начать свое повествование в старых выражениях, свойственных Бояну, и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени. Чтобы сделать понятным, почему он отказывается от обычных поэтических способов изложения, автор «Слова» наглядно характеризует искусную, но неприемлемую для него поэтическую манеру Бояна, которого он называет «вещим», т. е. кудесником, волшебником¹.

«Не пристало ли нам, братья, — говорит автор «Слова», — начать старыми выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича? Нет, начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени («по былинам сего времени»), а не по (поэтическому) воображению Бояна. Ибо Боян, вещий, в честь кого хотел песнь сложить, то так и растекался мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками».

Определив в этих метких выражениях сущность поэтической манеры Бояна, парящего сизым орлом под облаками и витийственно стелющегося мыслью по дереву воображения, с быстротою волка переносящегося из одного географического пункта в другой, автор «Слова» переходит затем к характеристике содержания поэзии Бояна, целиком посвященной прославлению князей. В этих прославлениях Боян достиг такого мастерства, настолько искусил руку, что под пер-

Святой Елисей. Клеймо иконы «Богоматерь умиление» («Белозерская») из Спасо-Преображенского собора в Белозерске. XII — первая половина XIII в.

стами его струны как бы сами собой, без всяких усилий, в «старых словесах» пел славу князьям. Из числа князей, которыми Боян пел свои «славы» (прославления), автор «Слова» упоминает Ярослава Мудрого, его брата Мстислава Владимировича Тмутороканского и Черниговского, победившего в единоборстве киевского (черкесского) князя Редю. В 1022 г. на глазах его войска, и прекрасного Романа Святославича — сына Святослава Ярославича, также бывшего однажды тмутороканским князем. Боян, следовательно, певец княжеский, имевший какое-то отношение к князьям даже в северочерноморской Тмуторокан-

¹ Ниже мы печатаем с отступами перевод «Слова о полку Игореве» с краткими пояснениями в скобках. Весь текст с отступами дает

полный объяснительный перевод «Слова» без каких-либо пропусков.

а как увидим в дальнейшем, к князьям киевским середины и второй половины XI в.

«Вспоминал он, — как говорил, — пишет о Бояне автор «Слова», — первоначальных времен войны, (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струны): (и) который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь во славу старого Ярослава, храброго Мстислава, который зарезал Редю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои волшебные пальцы на живые струны возлагал, они же сами собой князьям славу рокотали».

Охарактеризовав старую роскошную, но непригодную для себя поэтическую манеру Бояна, автор «Слова» определяет затем хронологические пределы своего повествования. Он собирается охватить события от Владимира Святославича, которого он называет «старым», в отличие от Владимира Мономаха «сына Всеволода», и до «нынешнего» Игоря Святославича Новгород-Северского, совершившего свой поход на половцев, подчинив свои мысли (свой «ум») своей храбрости («крепости»), т. е. в котором храбрость возобладавала над разумным расчетом.

«Начнем же, братья, — пишет автор, — повествование это от старого Владимира до нынешнего Игоря, препоясавшего ум храбростью своею и поострившего сердце свое мужеством. Исполнившись ратного духа, навел он свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую».

Вступление к «Слову» нужно автору для того, чтобы приготовить читателя к восприятию последующего горестного

повествования. Обращаясь к поэту прошлого, автор «Слова» попутно вспоминает и события и людей этого прошлого. Противопоставляя свой рассказ песням Бояна, автор тем самым незаметно противопоставляет и печальные события настоящего величию прошлого. Выбор своей поэтической манеры позволяет автору «Слова» как бы невзначай подготовить читателя к скорбному настоящему: не о «славе» Игоря похода будет вестись им речь, а о печальных событиях, не в витийственной манере, а «по былинам сего времени». Автор «Слова» хочет сосредоточить свои мысли и свои чувства на походе Игоря и тем самым привлекает к нему внимание читателя, дает тон своему повествованию. Перед нами вступление, очень характерное для произведений, написанных с большой внутренней взволнованностью. Автору нужно какое-то время, чтобы совладать со своими чувствами и собраться с мыслями.

После этого автор «Слова» обращается к своему повествованию. Как бы противопоставляя его начало зачину песен Бояна, автор «Слова» вновь подчеркивает его скорбный и тревожный характер тем, что начинает свой рассказ с упоминания затмения — зловещего предзнаменования, вопреки которому Игорь решается идти в поход в поисках славы и чести. Он передает речи, сказанные Игорем своей дружине перед выступлением в поход. Эти речи воспроизводят сильный и энергичный дух древнерусского воинского ораторства. Игорь в своей речи употребляет обычные «дружинные» термины той поры: «сесть на коней» (означало выступить в поход), «преломить копье» (лично выступить в схватку в начале битвы; копье было тонким, легко ломалось и служило оружием первой схватки). Применяет Игорь и военную символику своего времени: «испить шлемом из какой-либо реки» означало одержать победу на этой реке. Его речь исполнена воинской решимости: победить.

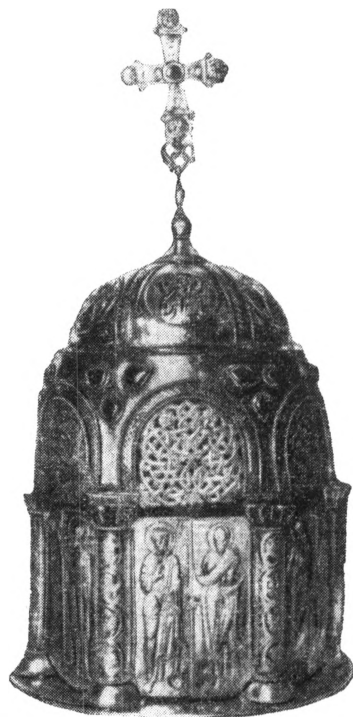

или умереть, сложить голову либо испить шлемом Дону.

«Тогда (в начале того похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (зловещее предзнаменование), что от него тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше ведь зарубленным быть (в битве), чем плененным (бесславно дома); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход), да поглядим на синий Дон (в земле Половецкой). Склонился у князя ум (мысль) перед страстным желанием, и охота отведать великого Дона (т. е. дойти с победою до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование: «Хочу ведь, — сказал (он), — сам копье преломить (сам хочу вступить в рукопашную схватку) на краю поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) голову свою сложить или испить шлемом из Дона (т. е. победить половцев на Дону)».

Затмение солнца своим зловещим колоритом подчеркивает мужественность решения Игоря и определяет весь тон последующего повествования. Противопоставление решимости Игоря затмению дает действию завязку: воля Игоря как бы противопоставляется судьбе, воплощенной в природе; личное вступает в конфликт с природой, с окружающим.

Наметив тему своего повествования, определив его печальное и зловещее начало, автор «Слова» вновь вспоминает Бояна и делает предположение о том, как бы стал Боян воспевать поход Игоря Святославича. Боян — этот «соловей старого времени» — сделал как это в привычных высокопарных выражениях, паря умом под облаками, скача по воображаемому дереву, соединяя воедино славу на-

Большой сиюн ризницы Софийского собора в Новгороде. Серебро, чеканка, травировка, чернь. Середина XII в.

чальную со славой последней¹: славу первых русских князей со славой Игоря. Боян носился бы по божественным путям (по тропе Трояна) через поля и горы. Иными словами: Боян переносился бы божественным воображением на огромные расстояния, не зная препятствий своему вдохновению. И далее автор «Слова» дает конкретные примеры высокопарной манеры Бояна, которого он называет внуком бога Велеса, очевидно, считавшегося на Руси покровителем поэзии, а также, как мы знаем из других источников, покровителем торговли и скота. Образцы поэтического стиля Бояна,

¹ О толковании выражения «оба полы сего времени» см.: Лихачев Д. Из наблюдений

над лексикой «Слова о полку Игореве». — «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1949, № 6.

приводимые затем автором «Слова», — драгоценное свидетельство той «старой», приподнятой и торжественной поэзии, которую автор «Слова» считал для себя неприемлемой.

«О Боян, соловей старого времени! Вот бы уж ты эти походы (посоловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя славы обеих половин этого времени (времени повествования — «от старого Владимира до нынешнего Игоря»), рыща по тропе (языческого бога) Трояна через поля и горы. Пришлось бы внуку того (т. е. Бояну — внуку бога Велеса, о котором ниже, или самому автору «Слова» — поэтическому внуку Бояна) воспеть песнь в честь Игоря (в таких выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие, а стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещий Боян, внук (бога) Велеса: «(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничной со степью рекою) Сулою, а слава (победы) звенит (уже) в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войска) в Новгороде (Северском), а стяги (полки) стоят (уже) в Путивле (на пути к Половецкой степи)!»

Противопоставив свое печальное повествование песням Бояна, автор «Слова» прямо вводит затем своих читателей в рассказ о сборах к походу: Игорь — князь Новгород-Северский ждет своего брата — трубчевского и курского князя Всеволода Святославича, которого он называет «Буй Туром Всеволодом». Решимость Игоря Святославича выступить в поход встречает одобрение Всеволода. Всеволод напоминает Игорю об их семейной, отцовской славе («оба мы Святославичи») и сообщает о готовности выступить всех его курских бойцов, извест-

ных как храбрых и опытных воинов. Характеризуя своих воинов, Всеволод подчеркивает в них прежде всего те боевые качества, которые были особенно важны в борьбе с быстрой и неуловимой степной конницей: им ведомы дороги в степи, они знают степные овраги, держат оружие на изготовке, чтобы не быть застигнутыми врасплох, и сами быстро, как серые волки, скачут, не дожидаясь нападения, в поисках встречи с врагом.

«(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему Буй Тур Всеволод (ободряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы сыновья храброго Святослава Ольговича). Седлай, брат (мой) своих борзых коней, а мои-то готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне знаменитые воины: под трубами пленаты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Может быть, отнюдь не случайно автор «Слова» рассказывает о сборах Игоря и Всеволода сразу после изображения бравадной манеры Бояна. Игорь и Всеволод в радужных красках представляли себе исход похода. Оба они стремились поискать чести и славы предков — тех самых князей, которые когда-то владели не одним Черниговским княжеством, но и далекой Тмутороканью. Об этих-то князьях и пел Боян, восхваляя славу их подвигов. О славе своих курян говорит Всеволод, брат Игоря, как бы вторя Бояну.

После встречи с Всеволодом Игорь выступает в поход, несмотря на все зловещие предзнаменования. Солнце заступало ему путь тьмою. Ночь разбудила

грозою птиц. Поднялся свист сусликов. Божество восточных народов — див — стремится криком с вершины дерева предупредить жителей своих стран о походе Игоря, в особенности Тмуторокани, куда направлялся Игорь: див кличет идолу тмутороканскому. Языческие божества как бы объединились против Руси. И вот, предупрежденные о походе Игоря, мчатся ему навстречу, к Дону, из глубины приазовских степей половцы. Но Игорь непреклонно продолжает вести вперед свои войска.

«Тогда вступил Игорь в золотое стремя (т. е. выступил в поход) и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонуши ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист сусликов); взбился див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неизвестной (т. е. Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земли по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню и тебе, Тмутороканский идол! И (вот) половцы непроложенными (т. е. заранее, как обычно перед походами, «непотеребленными») дорогами побежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат телеги (их) в полночь, словно лебеди распущенные. (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!»

Автор рисует тревожную картину, как хищные звери и птицы следуют в походе за войском Игоря в ожидании человеческой добычи, и прерывает себя скорбным восклицанием.

«Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают птицы по дубам (т. е. ждут добычи на поле битвы), волки (воем) грозу подыма-

ют по оврагам; орлы клетком на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских). О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!»

Все бесповоротнее, следовательно, надвигающееся поражение! Томительно долго спускается ночь. Вечер, ночь, утро последовательно описываются как бы для того, чтобы подчеркнуть мучительную длительность бессонной ночи накануне битвы.

«Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щеко́т соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (на утро) великие поля красными щитами перегородили (построившись для наступления с плотно составленными стеной щитами), ища себе чести, а князю — славы».

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Автор «Слова» в описании этой первой стычки употребляет обычный боевой термин той поры — «потопташа», что означает: «разбили боевой порядок неприятеля». Богатая добыча досталась войску Игоря. Она была так велика, что покрывалами, плащами и дорогими шубами («кожухами») русские замащивали еще по-весеннему топкие степные дороги. Но сам Игорь взял себе из добычи только боевые знаки врагов: Игорь как бы следует заветам князя Святослава, который принял от греков только оружие, но даже не взглянул на принесенное ему золото.

«(То было) спозаранок в пятницу потоптали они (воины Игоря) поганные полки половецкие (т. е. рассеяли боевой порядок половецких полков) и рассыпались по полю (за добычей), помчали красных девушек половецких, а с ними золотого, и паволоки, и

Серебряный кратир.
Серебро, чеканка, гра-
вировка. Вторая поло-
вина XII в.

дорогие аксамиты. (Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали (они) мосты мостить (делать гати) через болота и топкие места, и всякими драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу».

Снова ночуют в поле храбрые князья Ольговичи. Автор называет их «гнездом», т. е. выводком, семьей, подчеркивая их родственную близость, сближая их перед лицом новой опасности и тем самым оттеняя трагичность их положения. На этот раз утомленные в битве князья спят, не подозревая о новой, еще большей опасности для себя. Автор лирически размышляет о судьбе русских воинов. Под покровом ночи главные силы половец под предводительством ханов Гзака и Кончака спешно двигаются навстречу Игорю к Дону.

«(И вот) дремлет в поле храбрый выводок Ольговичей. Далеко залетел!

Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (впереди) ему след правит (т. е. указывает путь следом своего войска) к Дону великому».

Тяжкие предчувствия автора усиливаются. Автор как бы хочет предупредить Игоря о грозящей ему опасности, остановить его на роковом пути. Реальный пейзаж грозового утра сливается с символической картиной движения главных половецких сил со стороны Азовского моря.

«На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотя прикрывать четыре солнца (четыре князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому (быть грому сражения!). Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашных схватках в начале битвы), тут саблям по-

биться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого. О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом (все неизбежное, следовательно, гибель!)».

Изображение надвигающейся грозы (поднявшийся ветер, отдаленный гул, пыль, стяги, развевающиеся по ветру, и замутившиеся реки) сливается с изображением наступления войска половцев. Автор все время приковывает внимание читателя к постепенно приближающемуся войску половцев, заставляет читателя пережить неуклонность этого движения прямо на него и только в последний момент обращается вновь к русскому войску, отметив твердо занятую им оборонительную позицию.

«Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль поля покрывает (от движения множества половецкого войска), стяги (половецкие своим движением) говорят (свидетельствуют): половцы идут от Дона (с востока) и от моря (с юга) и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесови кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами приготовившись к отражению натиска)».

Самую битву Игорева войска с половецкими, длившуюся целых три дня, автор в дальнейшем не описывает. Он как бы не может о ней говорить. Он предается лирическому раздумью, то углубляясь в историю, то обращаясь к настоящему, сетуя о судьбе того или иного из своих героев, или горько сожалеет о

печальных исторических судьбах всей Русской земли в целом. Первый, к кому он обращается, — брат Игоря Всеволод Буй Тур. Автор описывает подвиги Всеволода — в пылу битвы Всеволод не чувствует на себе ран. Здесь похвала Всеволоду, выдержанная в начале в традициях обычного песенного славословия, может быть свойственного Бояну («Куда, тур, поскачешь, — там лежат поганые головы половецкие» и др.), незаметно переходит в укор Всеволоду. Всеволод забыл феодальную честь: он не выполнил своих феодальных обязательств по отношению к старейшему в роде — Святославу Киевскому, отправился в поход без его разрешения. Всеволод забыл и свою «жизнь», т. е. богатства, хозяйство, благосостояние своего княжества, пренебрег его интересами («жизнь» в древнерусском языке одним из значений имела «богатство», «достаток»). Всеволод забыл об интересах и отцовского княжеского стола в Чернигове, легкомысленно подвергнув его опасности. Наконец, Всеволод забыл о своей жене — милой и любимой «красной» Глебовне. Это последнее упоминание не случайно. Битвы в «Слове» неоднократно противопоставляются мирным картинам: то мирной жатве, то мирному ремесленному труду, то пиру как апофеозу мирного труда. Этим подчеркивается ужас и бессмысленность феодальных войн, разрушительность половецких нашествий. Образы жен русских князей («красной» Глебовны и Ярославны) служат тем же целям. Жены — это мирное начало, постоянно противопоставляемое в «Слове» войне.

«Ярый тур Всеволод! — обращается к нему автор «Слова». — Ты стоишь в обороне, прищешь на воин стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы

Золотые ворота во Владимире. XII в.

половцеки! Рассечены саблями ка-
леными шлемы аварские тобою, ярый
тур Всеволод! Какие раны дороги,
братья, тому, кто забыл честь и до-
стояние (своего княжества), и отцов-
ский золотой стол города Чернигова,
и своей милой-желанной прекрасной
(Ольги) Глебовны (жены Всеволода,
дочери Глеба Юрьевича Переяслав-
ского) свychаи и обычаи (привычки
и обычаи: «любовь и ласку»).

От размышлений о Всеволоде автор
обращается к размышлениям по поводу
всего «гнезда» ольговичей. Их политика
напоминает ему политику родоначальни-
ка — Олега Святославича. Олег — обоб-
щенный образ всех князей ольговичей,
и именно поэтому автор «Слова» о нем
говорит так подробно. Олег своими меж-
доусобными войнами положил начало
разъединению Русской земли. Его похо-
ды пришли на смену векам язычества и

временам Ярослава Мудрого и его сыно-
вей. Походы Олега предвидел Ярослав
Мудрый, призывавший (в своем заве-
щании) русских князей к единению; по-
ходы его были невыносимы для его со-
временника — Владимира Мономаха.
Свой меч Олег употребил не на дело, а
на ковку крамолы. Он заседал Русскую
землю стрелами. Его битвы были равно
губительны для обеих сторон. В затеян-
ной Олегом битве на Нежатиной Ниве
погиб и его сторонник Борис Вячесла-
вич, и его противник Изяслав Яросла-
вич. Картина опустошения Русской зем-
ли при Олеге Святославиче подчеркива-
ется изображением опустелых пашен.

«Были века Трояна (века языче-
ского бога Трояна), минули годы
Ярославовы (Ярослава Мудрого и
его сыновей — Ярославичей); были
(и) походы Олеговы, Олега Свято-
славича! Тот ведь Олег мечом крамо-
лу ковал и стрелы по земле сеял.
(Только что) ступает (он) в золотое
стремя (выступая в междоусобный
поход) в городе Тмутарокане, как
его (звон стремени, звон выступления
в поход) слышал (предугадывал)
давний (к тому времени умерший)
великий Ярослав (Мудрый; в своем
завещании призывавший к миру меж-
ду князьями), а сын Всеволода Вла-
димир (Мономах, современник Оле-
га и также активный противник усоби-
ц) каждое утро уши (себе) закла-
дывал в Чернигове (где Мономах
княжил). (Настолько невыносимы
были для него эти усобицы Олега!)
Храброго же и молодого князя Бориса
Вячеславича похвальба (перед бит-
вой на Нежатиной Ниве в 1078 г.)
привела на суд божий и на (поле)
Канину (около Чернигова) постлала
ему зеленое (травяное на поле бит-
вы) погребальное покрывало за оби-
ду (за поруганную честь) Олега
(Святославича). С такой же (зло-

счастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (т. е. битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря Святославича) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. Тогда, при Олеге Гориславиче, засеивалось и прорастало усобицами постоянное Дажьдбожьего внука (т. е. русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу».

От «Каялы» Олега автор «Слова» обращается к Каяле его потомков — ольговичей. Автор подчеркивает ожесточенность битвы Игорева войска и снова противопоставляет битву земледельческому труду, войну — миру.

«То было в те (давние) рати и в те походы, а такой рати (как эта, Игоря Святославича) еще не слышно! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыта булатные в поле неизвестном, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших людей) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по (всей) Русской земле».

От этого косвенного намека на поражение Игоря автор переходит к прямому рассказу о нем. Но он не сразу решает сообщить об этом. В горе он как бы не может осознать значения того, что он слышит издалека. Конец битвы он сравнивает с пиром, столь типичным для конца земледельческих работ в крестьянском быту.

Кровь он сравнивает с вином, а половцев прямо называет сватами. Перед нами обычный в народной поэзии образ: смерть — это свадьба. Однако, кроме того, предводитель половцев хан Кончак был действительно сватом Игоря — его дочь была помолвлена за сына Игоря, Владимира. И в этом назывании врагов русских сватами ясно чувствуется осуждение автором «Слова» родственных союзов русских князей с половецкими ханами.

Напив «сватов» своею кровью, храбрые русичи полегли за землю Русскую. Сама природа сочувствует пораженному русским.

«Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) из далека (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата (Буй Тура) Всеволода (командовавшего этими ковуями). Бились (ведь они) день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игорево войско потерпело поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало, тут пир (битву) окончили храбрые сыны русские: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось».

Далее автор переходит к последствию поражения Игоря для всей Русской земли. Об этих последствиях он говорит, обрисовывая все современное ему положение Руси: прошли для Руси времена обилия, князья вступают в споры между собой, принимая за великое всякую малость. Искажая обычную формулу договоров между князьями: «се мое, а то

твое», они требуют для себя и того, что им не принадлежит: «се мое, а то мое же». Прекратились и походы русских князей на половцев. Сами половцы нападали на Русскую землю со всех сторон.

«Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыло (трупы убитых поросли травой). Встала обида в (этих polegших) войсках Дажьдожа внука (т. е. среди русских), вступила девою на землю Трояню (на землю русского языческого бога Трояна, т. е. на Русь), всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить, и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую».

Автор «Слова» оплакивает гибель храброго Игоревы полка. Он описывает плач по павшим в Русской земле и упоминает Карну и Желю, — по-видимому, русских языческих погребальных богов («Карна» — от «карить» — оплакивать и «Желя» — от «желая» — плач по умершим). Плач русских жен выдержан в традициях русских народных плачей.

«О! (увы!) слишком далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) избивая, — к морю! Игоревы храброго полка не воскресить (случившегося не воротить)! По нем (по погибшему полку Игоря) кликнула (заплакала погребальным плачем) Карна, и Желя (обе — погребальные боги) поскакала по Русской земле, размыкая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих

милых любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не подержать».

Снова обращается автор к волнующей его теме — к современному ему положению Руси. Описание последствий поражения Игоря снова сливается им с общей характеристикой княжеских крамол: поражение Игоря для автора неотделимо от общего состояния раздираемой усобицами Руси. После поражения Игоря Черниговская земля подверглась нападению половцев и застонала от «напастей». Хотя Киевская земля не подверглась непосредственному нападению половцев, но и Киев как центр Руси, тесно с ней связанный, застонал от горя. Князья были заняты крамолами, и половцы собирали дань с русских, как в старые времена, «по белке от двора». Утверждая это, автор «Слова» явно преувеличивает. Половцы не собирали систематически дани с русского населения, ограничиваясь грабежом, уводом пленных и взиманием выкупов. Однако автор «Слова» хочет подчеркнуть своей гиперболой угрозу независимости Руси. Согласно «Повести временных лет», русские когда-то платили дань хозарам и варягам «по беле (белке) от двора», но прошло время — и русские теперь уже сами собирают дань с других народов. Автор «Слова» хочет рассказать, что это положение Руси вновь переменилось, и русские близки к утере своей независимости. Вот почему он вспоминает старую летописную формулу: «по белке от двора», за которой не могло уже крыться реального содержания, так как сборы дани скорее всего должны были во второй половине XII в. совершаться деньгами, а не мехом.

«И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль

обильная пошла посреди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора».

От описания последствий поражения Игоря автор обращается к объяснению причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь и Всеволод своим своевольным и неудачным походом уничтожили плодотворные результаты предшествующего (в 1184 г.) победоносного похода на половцев объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского. Игорь и Всеволод пробудили «коварство» половцев, позволив им и на этот раз нарушить мир. Их непослушание своему «отцу», т. е. феодальной главе, двоюродному брату Святославу Киевскому, автор называет «котбрю», т. е. раздором, смутой. Святослав победил Половецкую землю и самого предводителя половцев хана Кобыяка взял в плен и заключил у себя в Киеве в «гриднище» — в большой пиршественной зале, которую в XII в., с оскудением средств, князья часто использовали как место для заключения пленных, особенно если их было много. Вот почему немцы и венецианцы, греки и чехи поют славу Святославу и укоряют Игоря. Игорь из князя превратился в раба: пересел из золотого княжеского седла в седло рабское. Унылыми стали у городов «забралы», т. е. переходы по верху городских стен, куда обычно высыпал народ, встречая и провожая войско, откуда «плакали» (причитали) по павшим вдали. Поникло городское веселье.

Вот как говорит обо все этом сам автор:

«Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже пробудили коварство (половцев), которое усыпил было отец их (их глава) Свято-

Успенский собор во Владимире. XII в.

слав (Всеволодович) грозный великий киевский грозой (страхом, который на них нагнал): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (в своем предшествующем походе), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота («мосты мостя» по «грозивым местам» — прокладывая дорогу своему огромному войску). А (самого) поганого (хана) Кобыяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватил в плен) — и упал Кобыяк в городе Киеве в Святославовой гриднище (заключенный в ней). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы, реки половецкой, русского насыпавшего золота (на дно Каялы; ведь для Руси прошли време-

на обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское (стал из князя рабом-пленником). Уныли у городов забрали, и веселье (городское) поникло».

Далее автор «Слова» обращается к тому, как сам Святослав узнал о поражении Игоря и Всеволода и как на него откликнулся. В неясном сне томят Святослава смутные предчувствия. Во сне его одевают в погребальные одежды, сыплют ему на грудь жемчуг — символ слез. Видит он во сне и свой терем златоверхий без князька, что являлось приметой несчастья, которое должно постигнуть хозяина дома¹. Всю эту беспокойную ночь каркали вороны под Киевом в предградье у Плесньска, и понеслись эти вороны к синему морю — туда, к месту поражения Игоря.

«А Святослав мутный (непонятный, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). «В эту ночь, с вечера одевали меня, — сказал (он), — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми (опорожненными от стрел) колчанами поганых (языческих) иноземцев крупный жемчуг (символ слез) на груди и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике в доме). Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещая несчастье) у Плесньска (под Киевом), в предградье стояла дебрь Кияня (Киянь была речка под Киевом), и понеслись (вороны) к синему морю (на юг, «к местам печальных событий»)».

Бояре объясняют Святославу Всеволодовичу значение его сна, рассказывая ему о походе Игоря и Всеволода. Они

говорят о цели похода Игоря и Всеволода, как бы передавая их слова, сказанные перед походом войску, и сообщают о поражении. Свое объяснение бояре облачают в образы излюбленной в Древней Руси соколиной охоты.

«И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь вот два сокола (Игорь и Всеволод) слетели с отцова престола золотого (как слетают сокола со своей «колодки»), чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать на Дону победу). Уже (этим двум соколам) крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся на ноги соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы)».

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Перенесаясь мысленно в Киев к Святославу, в центр Русской земли, автор «Слова» видит отсюда широкие последствия поражения Игоря: тьма прикрыла свет, все восточные народы радуются поражению Игоря, девы готов, живших в Крыму и около Тмуторокани, куда направлялись походом Игорь и Всеволод, звонят русским золотом, доставшимся им от половцев; они воспевают время, когда восточнославянский (антский) князь Боз в 375 г. потерпел страшное поражение и был убит готским королем Винитаром, и лелеют месть за деда хана Кончака — Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г.

За Шарукана не мог отомстить русским ни его сын хан Отрок, загнанный Мономахом на Кавказ, в Абхазию, ни до этой поры его внук — сам Кончак. Только поражение Игоря «открыло ему ворота на Русскую землю». Так радуются все враги Руси. Только дружина князя лишена веселья.

¹ См.: Алексеев М. П. К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — В сб.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Ад-

риановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950, с. 226—248.

«Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные снопа (лучей) погасли, и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (сыновья Игоря Святославича), — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили (своим поражением) в Хинове (в каких-то восточных, неясно себе представляемых народах). На реке Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бросился див (божество восточных народов) на землю (Русскую). И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (потерпевшего поражение от готов), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Мономахом). И мы уже, дружина, без веселия (остались)».

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит «золотое слово». Он упрекает Игоря и Всеволода в самонадеянности и в нарушении феодального послушания. Игорь и Всеволод не только вышли из послушания Святославу, но и из послушания своему непосредственному главе — могучему и богатому Ярославу Черниговскому. Игорь и Всеволод одни, без чьей-либо помощи, захотели похитить славу его, Святослава, похода на половцев и поделить между собой будущую славу своих собственных побед. «А разве удивительно было то, что я помолодел и разбил половцев? — Обращается Святослав к Игорю и Всеволо-

ду. — Пример тому — перелинявший (т. е. взрослый) сокол, защищающий свое гнездо. Единственная моя беда: отсутствие помощи от других князей. Худые настали времена». Святослав указывает на первое последствие поражения Игоря и Всеволода — нападение половцев на Переяславль Южный и ранение переяславского князя Владимира Глебовича.

«Тогда великий Святослав (Всеволод Киевский) изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано начали вы (слишком вы поторопились) Половецкой земле досаждать мечами, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) у власти (не вижу власти над вами) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского) с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами (т. е. со всеми черниговскими ордами ковуев — крещеных и союзных русским тюркских племен). Те ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кликом и своей славой храбрых воинов, перешедшей от прадедов). Но вы сказали: «Помужаемся сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи, в том числе и Ярослава Черниговского — своего ближайшего феодального главы), прошлую славу (славу предшествующего похода Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей

степи, принадлежащую мне — Свято-славу Киевскому), а будущую славу (славу своего собственного похода) сами поделим (только между собой, не привлекая других князей к походу)!» А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить)? — Когда сокол перелинял, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно, я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князья мне не в помощь (нет помощи мне от князей): худо времена обернулись. И вот в (городе) Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им при обороне Переяславля в 1185 г.). Горе и тоска сыну Глебову (Владимиру Глебовичу Переяславскому)!»

На этом заканчивается «золотое слово» Святослава. Далее автор присоединяет свой голос к голосу Святослава. Он зовет поочередно всех русских князей вместе стать на защиту Русской земли. Обращаясь к ним, автор «Слова о полку Игореве» оценивает их политическое положение и военные силы, их дружины, давая как бы обзор политического состояния всей Руси.

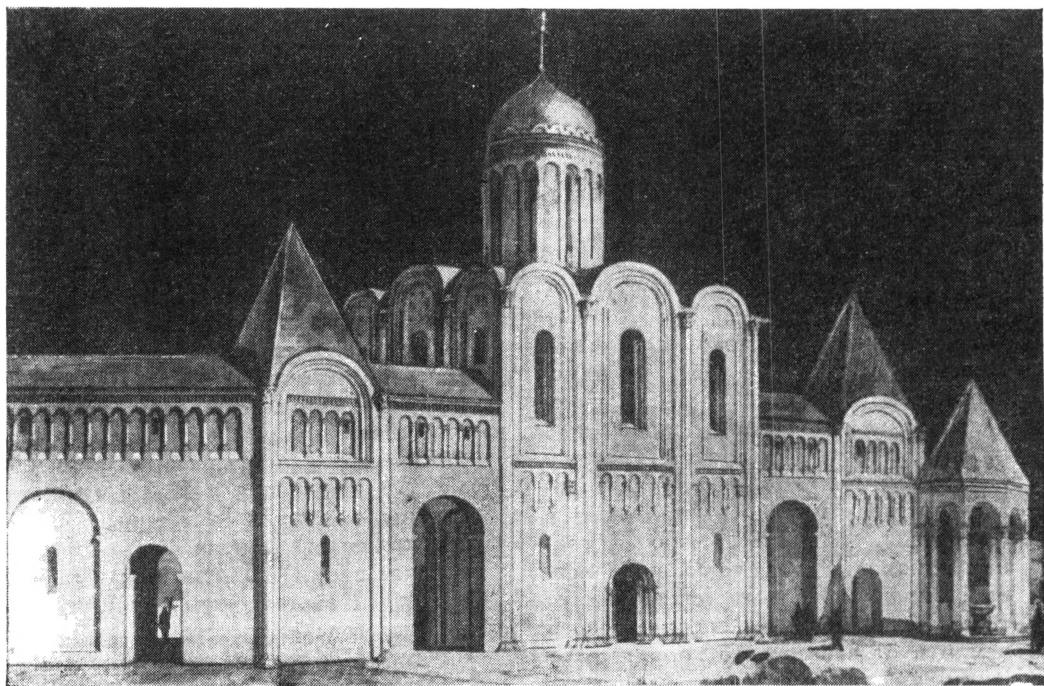
Прежде всего автор «Слова» обращается к сильнейшему князю Руси — Всеволоду Юрьевичу Владимиро-Суздальскому, сыну Юрия Долгорукого. Он со скорбью замечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества, что он не блюдет Киев, где княжил перед тем его отец Юрий. Автор «Слова» отмечает силу и могущество Всеволода, многочисленность его войска, его победы над волжскими болгарами и подчиненность ему князей рязанских.

Автор «Слова» употребляет военный символ своего времени — «испить воды» реки — как знак завоевания земель по этой реке. Он развивает этот военный символ и, подчеркивая могущество Всеволода, отмечает, что он может не только «испить» из Волги, но и расплескать всю ее воду, а Дон его воины могут «вычерпать». Иными словами: воды не хватит ни в Волге, ни в Доне, чтобы торжествовать победу войску Всеволода. Южных подручных князей рязанских автор сравнивает с «копьями» Всеволода — оружием первой схватки в бою. Рязанские князья — его передовой отряд против половцев.

Вот, следовательно, как могуч Всеволод, и ему ли не выступить со всеми русскими князьями против половцев!

«Великий князь Всеволод (Юрьевич Владимиро-Суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не перелететь издалика, поблюсти отцов золотой престол (киевский престол, на котором когда-то сидел Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (тебе ничего не стоит завоевать всю Волгу; столько у тебя воинов), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь испить из Дону воды, т. е. завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать его весь, — не «испить», а выпить). Если бы ты (только) был (здесь, на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой «разменной» монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете), — так велики были бы последствия твоего пребывания на юге. Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать — удалыми сыновьями Глебовыми (князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича)».

Обращая затем с призывом к Рю-рику и Давиду Ростиславичам, провед-

Замок Андрея Боголюбского. 1158—1165 гг. Реконструкция Н. Н. Воронина.

шим бурную жизнь в постоянных походах, автор «Слова» отмечает лишь их храбрую, закаленную в боях дружину. Рюрик Ростиславич делил со Святославом власть над центром Русской земли — Киевом. Ему принадлежали города вокруг Киева, и он был постоянным союзником Святослава в борьбе против половцев. Вот почему, обращаясь к Рюрику, автор «Слова» призывает его не только встать на защиту Русской земли, но и отомстить за поражение Игоря Святославича. Поражение Игоря, подручного князя Святослава и Рюрика, было жестоким уроном для княжеской чести Рюрика.

«Ты, буй Рюрик и Давыд! не у вас ли воины золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не у вас

ли храбрая дружина рыкуют, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом (в земле Половецкой: не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремяна (выступите в поход) за обиду сего времени (за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!»

В Ярославле Владимировиче Галицком автор «Слова» подчеркивает его силу и богатство. Со своего престола в высоком, расположенном на горе, Галицком кремле Ярослав управляет всей своей землей: рядит суд и оберегает границы своей земли, простертые до Дуная и Карпат — на юг и на запад. Он посылает свои войска в помощь крестоносцам против султана Саладина. Тем более есть у него

основания послать войска (не «всесть на конь», а «стрелять» — только посылая войско) в защиту Русской земли. Так же как и в обращении к Рюрику, автор «Слова» призывает Ярослава отомстить за раны Игоря. У Ярослава были основания мстить за малозначительного новгород-северского князя: Игорь приходился Ярославу зятем, был женат на дочери Ярослава (Ярославне в «Слове о полку Игореве»).

«Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! высоко (на горе в Галичском кремле) сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; т. е. крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля, и от Византии), переметывая тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска далеко за пределы своего княжества, не сопровождая их сам), судя ряда до Дуная (верша суд, управляя землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (страны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (покоряя Киев), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству от отца, а не захваченного или наследованного по старшинству среди князей) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле, ты посылаешь войска против салтана Саладина в Палестину). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославица!»

Вслед затем автор «Слова» обращается к Роману Мстиславичу и к Мстиславу — по-видимому Мстиславу Всево-

лодовичу Городенскому или Мстиславу Ярославичу Пересопницкому. Роман ходил с победами на восточные народы (хинов), на литву, ятвягов (литовское племя), деремелу (литовское племя) и половцев. Его войска имели частично западноевропейское вооружение («суть бо у ваю железныи паперси подъ шеломи латиньскими»).

«А ты, буйный Роман и Мстислав! храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, собираясь птицу в смелости одолеть. Есть ведь у вас железные латы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы, монголы), Литва, Ятвяги (литовское племя), Деремела (литовское племя), и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, «бросили оружие»), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами)».

Обращение к Роману и Мстиславу перебивается новым наплывом горя от поражения Игоря. Победы Романа и Мстислава, вселившие в поэта уверенность в возможность новой победы над половцами, вызывают в нем вместе с тем горькое чувство невозвратимости утраты: храбрых воинов Игоря не воскресить! Жалеть воинов Игоря и русские города по пограничным рекам — Роси и Суле, — автор «Слова» еще раз упрекает Игоря и Всеволода за их самонадеянность. Он иронически противопоставляет расторопность ольговичей Игоря и Всеволода, «поспевших» в своем походе 1185 г. на брань, приведшую их к поражению, их медлительности в предшествующем, 1184 году, когда они не успели принять участие в общем походе русских князей против половцев под предводительством Святослава Киевского. Тогда-то была победа, а теперь, поделив славу побе-

дителей, они поспешили лишь к своему поражению.

«Но уже (теперь, после поражения Игоря, в противоположность времени побед Романа и Мстислава), о князь Игорь! померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (между собою половцы). А Игореву храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!» (Вот) ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань».

Прервав этим лирическим отступлением свою просьбу к Роману Мстиславичу и его подручному князю Мстиславу и оставив ее без заключительного призыва встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в следующем затем обращении вспоминает все же о Романе, хотя и не называя его по имени. Автор «Слова» обращается к Ингварю и Всеволоду — сыновьям Ярослава Изяславича Луцкого — и ко «всем трем Мстиславичам». Кто такие эти три Мстиславича? Обычное толкование видит в них все тех же сыновей Ярослава Изяславича Луцкого — Ингваря, Всеволода и их неназванного брата Мстислава. Но у Ярослава Изяславича было не трое сыновей, а четверо, и они не могли быть названы Мстиславичами по своему прадеду Мстиславу (в таком случае Мстиславичей бы оказалось среди князей слишком много). Здесь, несомненно, имеются в виду три брата — сыновья Мстислава Изяславича: Роман, обращение к которому было прервано выше и которого поэтому было уместно вновь вспомнить сейчас, Свя-

тослав и Всеволод¹. Вместе с Ингварем и Всеволодом Ярославичами они составляли всю группу волынских князей. Мстиславичи эти были по матери поляками. Вот почему отчасти автор в обращении к ним говорит: «Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи (польские) и щиты?» Мстиславичи пользовались постоянной военной помощью со стороны Польши. Указывая на их мощь, автору «Слова» было важно подчеркнуть и это, т. е. поддержку их поляками.

«Ингварь (Ярославич) и Всеволод (Ярославич) и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод), не худого гнезда соколы (не плохого вы выводка соколы), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья польские и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со степью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!»

Автор «Слова» в своем призыве к русским князьям начал с крайнего северо-востока — с обращения к Всеволоду Суздальскому, затем мысленно «перешел» на юг и обратился к Рюрику Ростиславичу, княжившему вблизи Киева, к его брату Давыду Ростиславичу, затем он обратился на запад — к Ярославу Галицкому. От Ярослава Галицкого он обратился к князьям волынским — северо-западнее Галича. Охватывая весь горизонт Русской земли и двигаясь в своих призывах «по солнцу» — слева направо, автор «Слова» перешел затем к крайнему северо-западу Руси — к князьям полоцким. Как раз в это время полоцкие

¹ Предположение о том, что под Мстиславичами подразумеваются сыновья Мстислава Изяславича, принадлежит покойному артисту МХАТа И. М. Кудрявцеву и было высказано

им в устной беседе. См. подробнее: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950, с. 447.

Церковь Покрова на Нерли. 1165 г.

князья вели упорную борьбу с наседавшими с запада литовскими племенами. Автор «Слова» отмечает слабость полоцких князей в обороне собственных границ от литовцев. Поэтому, может быть, он не рискует отвлечь их от неотложных дел делами половецкими. Положение на границах Полоцкой земли с литовцами сравнивается с положением южных границ Руси с половцами: Сула (пограничная с половцами река на юге) и Двина (пограничная с литовцами река на западе) как бы превратились в болотистые речушки и уже не служат преградами для врагов Руси. С горечью отмечает автор «Слова», что один только Изяслав Василькович (князь, по летописям неизвестный) оказал сопротивление литовцам, но при этом сам потерпел поражение, уронив славу своего прародителя Всеслава Полоцкого.

«Уже ведь Сула (пограничная река на юге) не течет серебряными

струями для города Переяславля (не служит для него защитой), и Двина (пограничная река на северо-западе) болотом течет для тех грозных половчан (не служит защитой для жителей Полоцка), под (боевым) кликом поганных (т. е. язычников, литовцев). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами, (но) прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего деда Всеслава Полоцкого, славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем, а тот и сказал: «Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся трупами) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!» Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брячислава (Васильковича), ни другого (брата) Всеволода (Васильковича). Так, в одиночестве изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселье. Трубы трубят городенские (в знак сдачи города)».

Описав бессилие полоцких князей принять участие в делах всей Руси, автор «Слова» призывает их хотя бы прекратить раздоры с другими русскими князьями. Полоцкие князья вели свое происхождение от Владимира и его жены Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода, не состоявшего в родстве с остальными русскими князьями. По внуку этой Рогнеды — знаменитому Всеславу Полоцкому — автор «Слова» называет полоцких князей внуками Всеслава. Остальных же русских князей автор «Слова», как и летопись, называет внуками Ярослава, ярославичами. Призыв автора «Слова» обращен и к ярославичам и ко всеславичам. И те и другие потерпели поражение в своих междоусоб-

ных битвах: обе стороны лишились дедовской боевой славы, наводили на Русскую землю и на владения всеславичей язычников (половцев и литовцев).

«Ярославовы все внуки и Всеславовы (Всеслава Полоцкого)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои поврежденные (в междоусобных битвах) мечи; ибо лишились вы славы ваших дедов; ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владения ярославичей), на достояние Всеслава (на владения полоцких князей). Из-за (вашей) усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой».

Призвав полоцких князей и всех русских князей прекратить губительную для обеих сторон вражду, автор «Слова» обращается к истокам этой вражды — к истории родоначальника полоцких князей Всеслава Брячиславича, — чтобы на примере его судьбы наглядно показать губительность усобиц. Повествование о Всеславе начинается с рассказа о том, как Всеслав в 1068 г., воспользовавшись восстанием киевлян, потребовавших у князя Изяслава оружие и коней, выбрался из заключения и захватил киевский стол, как вскоре затем ему пришлось ночью бежать от киевлян из Белгорода, как он очутился у Новгорода и затем у реки Немиги в Полоцком княжестве. Автор «Слова» подчеркивает, что Всеслав явился в Киеве напоследок языческих времен (Всеслав и в самом деле был связан в своей деятельности с последними представителями язычества на Руси) и отличался быстротою своих передвижений.

«На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (т. е. напоследок языческих времен) кинул

Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева¹). Он хитростями оперся на коней (потребованных восставшими киевлянами) и скакнул (из подгороднего «поруба» — тюрьмы — наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго, не по праву наследства и не «копием», т. е. не военной силой, а только древком копья, как в столкновениях между своими). Скакнув от них (от восставших киевлян, своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночной) мглою; поутру же вонзил секиры, отворил ворота Новгороду, расшиб славу (основоположника новгородских вольностей) Ярослава (Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (под Новгородом)».

Затем автор кратко характеризует битву на Немиге около Минска, во время которой Всеслав потерпел жестокое поражение от трех братьев Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Характеристика этой битвы выдержана в образах народной поэзии. Битва противопоставлена мирному крестьянскому труду, чем вновь подчеркнута бессмысленность и разрушительность междоусобий.

«На Немиге (не мирно трудятся) снопы стегают из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны: посеяны костями русских сынов».

Далее автор «Слова» рассказывает о судьбе Всеслава. Его неприкаянная жизнь служит для автора «Слова» типичным примером беспокойной и пагуб-

¹ В средневековых представлениях города часто олицетворяются в образе девицы, жены или вдовы.

ной жизни князя, всю свою деятельность направившего на междоусобные ссоры с другими князьями, на поиски личной «чести» и «славы». С помощью характеристики князя Всеслава автор «Слова» предостерегает его потомков — полоцких всеславичей.

«Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, над судьбой и простых людей и князей), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тмуторокани, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебегал ему дорогу). Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот) слышал. Хоть и провидящая душа (была у него) в храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему провидец Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!»

Как ни «горазд», следовательно, был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была «судом и возмездием божим» за его усобицы. Судьба Всеслава наводит автора на размышления о судьбе всей Русской земли, терзаемой бесконечными усобицами многих таких же всеславов. Он вспоминает первых русских князей и первые годы Русского государства, вспоминает многочисленные походы Владимира I Святославича на внешних врагов Руси и противопоставляет им нынешнее положение Руси, когда даже братья — Рюрик и Давыд Ростиславичи — не смогли договориться о совместном выступлении против половцев.

«О, стонать Русской земле, помянув первые времена (еще до Всеслава

Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава и Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь (в 1185 г.) встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича), и другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развешаются полотнища (нет между ними согласия). Копья поют (поют бросаемые копья; где-то, следовательно, воюют)!»

Забыты, следовательно, первые князья и их походы на врагов; теперь в походах нет между князьями согласия.

Тема княжеских несогласий закончена. Автор возвращается к повествованию об Игоре. Как бы высоко ни поднималась мысль автора — до осмысления общих судеб родины, он не может расстаться с читателем, не сообщив ему о судьбе героя своего повествования — Игоря Святославича. Широкая тема сменяется частной и личной, но и в этой личной теме явственно звучат ноты любви к родине. Тема личной судьбы Игоря вводится плачем о нем его жены Ярославны. Повествование становится лирическим: оно насыщено атмосферой народной лирической песни. И здесь (в плаче Ярославны), и в последующем широко вводится пейзаж, окружающий героя теплой атмосферой лирики. Но тема родины не отходит на второй план. Она присутствует и здесь, разрешаемая иными художественными средствами. Ярославна — русская женщина. Ее плач по мужу — плач русской женщины, жалеющей не только Игоря, но и его воинов, вспоминающей и славный поход Святослава Киевского против половцев. Природа, к которой обращается Ярославна, — русская природа; ее сочувствия ищет Ярославна. Плач Ярославны — русская на-

родная причеть. Тема родины предстает перед нами в заключительной части «Слова» как тема, интимно близкая всякому русскому человеку.

«На Дунаи Ярославнии голос слышится (голос Ярославны долетает до берегов Дуная — до крайних границ Руси), кукушкою безвестною рано (она) кукует:

«Полечу, — сказала, — кукушкою по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах в верхней части городской стены), приговаривая:

«О ветер, ветрило! зачем ты, господин, веешь наперекор (навстречу русским полкам)? Зачем мчишь хиновские (восточные) стрелочки на своих легких крыльницах на воинов моего милого (в битве на Каяле ветер дул на русских со стороны половцев)? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? К чему, господин, мое веселье по ковылю ты развеял?»

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

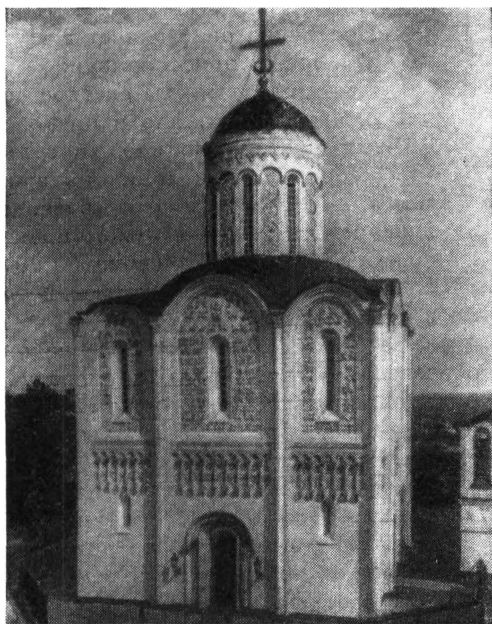
О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с «насаженными», надшитыми бортами, на которых Святослав отправил свое войско в поход против половцев за год до похода Игоря) до стана Кобыкова (до стана половецкого войска хана Кобыка). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала я к нему рано слез на море (где в Приазовских степях, в становищах половцев находился в плену Игорь)».

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

«Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! К чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло? (воины Игоря жестоко страдали от жажды в трехдневном бою)».

Горе Ярославны находит, наконец, облегчение. Игорь бежит из плена. Природа помогает Игорю. Бегство Игоря рассказано в образах русских народных сказок.

«Прыснуло море в полуночи, идут смерчи облаками. Игорю-князю бог путь указывает (этими приметам) из земли Половецкой в землю Русскую к отчему золотому столу (в Чернигове). Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур (или Лавр; по летописи, по видимому, крещенный половец, друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуть: князю Игорю не оставаться; (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь-князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил (на той стороне реки) на борзого коня (приготовленного ему Овлуром «за рекою») и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней».

Дмитриевский собор во Владимире.
1193—1197 гг.

Река Донец вступает в разговор с Игорем. Этот разговор носит также народно-сказочные черты. Донец сочувствует русскому князю. Игорь в ответ благодарит Донец за помощь во время бегства. Он противопоставляет Донцу реку Стугну, в устье которой у Треполя в 1093 г., после поражения, нанесенного половцами, спасаясь бегством, утонул брат Мономаха — юный князь Ростислав.

«Донец сказал: «(О) князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия и Русской земле веселия!»

«Игорь сказал (в ответ): «О Донец! немало тебе величия, лелеявшему князя (Игоря) на волнах, ставшему ему зеленую траву на своих серебряных (покрытых серебристыми меловыми отложениями) берегах, оде-

вавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря) гоголем на воде (твой чуткий к приближению человека гоголь предупреждал его об опасности), чайками на струях (твои чайки, поднимаясь при приближении человека с водных струй, предупреждали его о погоне), чернядами на ветрах (чуткими чернядами — нырковыми утками). Не такова-то, — говорит (он, князь Игорь), — река Стугна; мелкое течение имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная (благодаря этим «чужим», враждебным водам) к устью, юношу князя Ростислава заключила (она в себе). На темном берегу Днепра плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) уныли цветы от жалости, и дерево с тоскою к земле приклонилось».

Затем автор «Слова» описывает погоню за Игорем хана Гзак и хана Кончака. Природа сочувствует Игорю. Дятлы своим стуком в густых зарослях вокруг запрятанных в глубоких долинах рек указывают Игорю путь к рекам, где он мог спрятаться от погони.

«То не сороки застрекотали: по следу Игоря едут (разговаривая — «стрекоча») Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях речных долин) кажут путь к реке Игорю, да соловьи веселыми песнями рассвет возвешают».

Между ханом Гзаком и ханом Кончаком происходит спор, как поступить с сыном Игоря, оставшимся в плену.

«Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду летит, расстреляем соколенка (сына Игоря — Владимира) своими золочеными стрелами».

«Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женем его на половчанке)».

«И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой (станут русские вновь воевать против нас, если упустим заложника)».

Владимир, как известно, вернулся на Русь вместе с молодой женой — половчанкой. Автор «Слова» не мог этого не знать. Закljučая воображаемый разговор хана Гзака и хана Кончака этими словами Гзака, автор «Слова», следовательно, как бы говорил, что ничто теперь не помешает «птицам» бить половцев в степи Половецкой.

После этого «Слово» переходит к радостной, полной веселья заключительной части. Князь Игорь нужен Русской земле, как телу нужна голова. Автор «Слова» говорит о приезде Игоря в Киев, о пении ему славы. Эту славу поют даже в отдаленных уголках Руси — в русских поселениях на Дунае, пение этой славы достигает Киева. Возвращению Игоря радуются и в сельских местностях, и в городах.

Автор провозглашает славу русским князьям — старым и молодым: Игорю, Всеволоду и Владимиру, также вернувшемуся из плена. Он провозглашает славу князьям и дружине, борющейся с врагами Русской земли.

«Сказали Боян и Ходына¹ — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого), старого времени Ярославова,

Олега-князя любимцы (любимцы сына этого Святослава Ярославича — Олега Святославича, «Гориславича»): «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы, (так и) Русской земле без Игоря».

«Солнце светится на небе — (а) Игорь князь во (всей) Русской земле». (То русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае — (но и оттуда) вьются голоса (их) через море до (самого) Киева.

«(То) Игорь (вернувшись из плена) идет (в Киеве) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогошей. Села рады, города веселы (вся Русская земля, до далеких дунайских поселений, радуется возвращению Игоря).

«Певше песнь старым князьям, — потом и молодым (следует) петь: «Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, (а также молодому князю) Владимиру Игоревичу!»

«(Будьте) здравы, князья и дружина, борясь за христиан против поганных (языческих) полков!

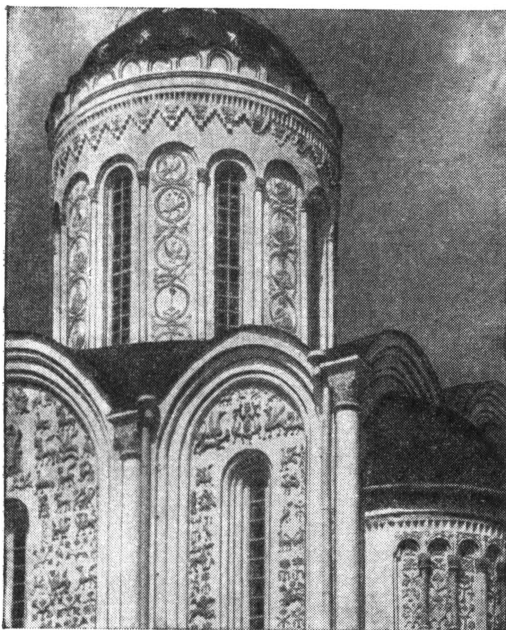
Князьям слава и дружине!
Аминь».

«Слово» заканчивается радостно и торжественно. «Слово» глубоко оптимистично по своей сущности. Рассказывая о трагических последствиях похода Игоря, оно зовет к действию, а не к пассивной скорби. Призывая к обороне, оно, в сущности, миролюбиво. Это призыв к защите труда простого населения всей великой Русской земли.

Чувство любви к родине в «Слове о полку Игореве», к страдающей и великой, могущественной и, одновременно, слабой Русской земле, как и всякое глубокое и искреннее чувство, бесконечно

¹ В первом издании «Слова о полку Игореве»: «Рекъ Боянь и ходы на Святъслава пѣснотворца». Большинство исследователей чита-

ет это место так: «Рекъ Боянь и Ходына», предлагая видеть в последнем еще одного певца времени Святослава.

Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. 1193—1197 гг.

меняется, приобретает все новые и новые оттенки в сочетании с другими чувствами. Оно как бы пульсирует и трепещет, проходя своеобразный путь развития от своего возникновения в начале произведения к конфликту с действительностью и далее к оптимистическому разрешению сперва в общем волевом подъеме, а затем в лирическом умиротворении заключительной части. Чувство это соединяется то с болью за судьбу русского войска, то с раздумьем о прошлом Руси, то с ненавистью к ее врагам, то с лирической задушевностью плача Ярославны, то с радостью по поводу освобождения Игоря Безысходное вначале, оно находит примиряющую ее мысль в конце. Композиция «Слова» подчиняется и логике мысли, и своеобразной логике чувств.

«Слово», как мы видели, начинается с колебаний автора, приступающего к теме своего произведения. Эти колебания

очень важны композиционно. Они вносят в начальную часть «Слова» чувство неуверенности, смутной, еще очень неясно ощущаемой сильной опасности.

Это неопределенно тревожное начало сменяется поэтической завязкой «Слова». Чувство тревоги, непрерывно возрастая, находит конкретное объяснение: мужественная решимость Игоря выступить в поход, гордые речи его брата Всеволода Буй Тура сочетаются с картиной затмения солнца — зловещего предзнаменования, создающего ощущение какой-то обреченности. Небольшое русское войско отправляется навстречу неминуемой гибели. Тревожное чувство растет и захватывает всю природу: походом Игоря, сочувственно или враждебно, встревожены звери, птицы. Тревога ширится и распространяется к Волге, к Поморью, к Посулью, доходит до Сурожа, Корсун и Тмутарокани. Горестно и лирично звучит прощание русского войска с родной землей: «О Русская земля! уже за шеломянемь еси!»

Чувство тревоги, доведенное до высшего напряжения, сменяется тяжелым чувством скорби, мертвой, предгрозовой тишины, внезапно наступающей после тревожных звуков движущихся врагов, — скрипа их несмазанных телег, воя волков, лая лисиц и клекота орлов. Автор «Слова» описывает долго меркнущую ночь, погасающую зарю, замолкающий щекот соловьев. Наступает утро, и вместе с утром приходят бодрые мотивы: русские побеждают в первой стычке с врагом.

Богатая добыча заглушает у воинов чувство тревоги, но оно не оставляет автора «Слова»: он размышляет о судьбе «Ольгова хороброго гнезда» — слишком далеко оно зашло в степь. Тревожное чувство вновь овладевает всей природой: кровавые зори и черные тучи, идущие от моря, подземные стуки и мутно текущие реки символизируют собой движение несметных сил половцев, но с приближением настоящей угрозы растет новая те-

ма — беззаветного мужества небольшого русского войска. Нет больше лирических размышлений о том, как далеко позади осталась Русская земля. Устрашающему клику «детей бесовых» русские с героической решимостью молчаливо противопоставляют сомкнутый строй своих червленых щитов.

Драматическое напряжение чувства достигает в этом месте «Слова» своей кульминации. Тема мужества полностью овладевает произведением. Оно воплощается в подвигах Всеволода Буй Тура. В пылу битвы, в боевом задоре забыто все: и мирные княжеские обязанности, и любимая жена — красавица Глебовна, ее «свычай и обычай».

Драматический конфликт воли к победе русских и неминуемости их поражения не может быть разрешен обычными средствами. Автор как бы не в состоянии сообщить своим читателям о поражении русских; и здесь закономерно, в силу логики самого развития чувств, возникает первое историческое отступление автора. Обращение к истории снова вводит лирическую тему, но тему лирики гражданственной. Автор вспоминает, какие были еще битвы на Руси, и останавливается по преимуществу на тех из них, которые были связаны с внутренними раздорами русских князей. Он обращается к родоначальнику ольговичей — Олегу Святославичу («Гориславичу») и, вспоминая о его битвах, вводит погребальные темы: на обезлюдившей земле редко были слышны покрикивания пахарей, но часто слышалось карканье воронов и говор галок над трупами павших людей.

Эти погребальные мотивы возвращают мысли автора к битве Игоревых полов. Горечь поражения, как и горечь утраты: в утрату и поражение трудно поверить. Автор «Слова» не верит тому, что он слышит сам — издали рано поутру с далекого поля битвы. Он как бы не может назвать то, что произошло, он

прибегает к частым иносказаниям: он говорит о разлуке братьев на берегу быстрой Каялы, об окончившемся пире, о нехватившем на этом пиру кровавом вине, описывает горе всей природы.

Мысль автора от погибших закономерно обращается к тем, кто остался в живых, как она обращается обычно и в народных плачах. Он говорит о несчастье, постигшем всю Русскую землю. Чувство нестерпимого горя заставляет его все время мысленно переноситься от погибших к оставшимся в живых и от живых снова к погибшим. Говоря о погибших, он вновь возвращается к теме далеко залетевшего «гнезда Ольгова», к безвременности и невозвратимости утраты («А Игореву храброго плъку не крѣсити!»). В этих сложных перебоях чувств, обращенных то к мертвым, то к живым, постепенно побеждает тема живых, она сочетается с гражданскими мотивами. Снова мысль автора стремится осознать происшедшее в широких границах всей русской истории. На этот раз автор рисует поражение Игоря на фоне недавней победы Святослава. Он готов упрекнуть двух «храбрых Святославичей» — Игоря и Всеволода, своим безумием сведших на нет блестящую победу Святослава над половцами.

Воспоминание о победах Святослава направляет мысль автора к сердцу Русской земли, к Киеву, и заставляет его рассказать, как там, в Киеве, было получено известие о поражении Игоря. Этому известию предшествовали предчувствия самого Святослава. Сон разгадан: бояре сообщают Святославу о поражении. Тема поражения вновь предстает во всей своей силе. Гражданский пафос автора «Слова» растет. Автор рассказывает «золотое слово» Святослава, сказанное им по поводу поражения Игоря. «Золотое слово» Святослава постепенно переходит в обращение самого автора «Слова» ко всем русским князьям выступить в поход за Русскую землю, отомстить за пораже-

ние Игоря. Голос автора крепнет, мужает, обретает бодрость. В этом высоком гражданском подъеме находят разрешение все тяжелые переживания автора. Он уже не говорит о себе. Темы горя, скорби, тревоги все отступают и отходят в сторону перед всепобеждающей волей к победе, к требованию этой победы. Чувства автора отныне подчинены воле, он становится оратором в большей мере, чем лириком, он подчиняет чувства мысли, он подавляет в себе скорбь ради сознания долга и веры в лучшее будущее.

Это наиболее крупная часть «Слова», объединенная единым настроением, единой волей и мыслью.

Когда, таким образом, все чувства автора и читателей подчинены волевому началу, гражданскому долгу, наступает один из самых смелых и художественно оправданных переходов в «Слове»: в строй вступает наиболее личная и наиболее нежная и задушевная тема, глубоко народная и мягко печальная; в общем

хоре голосов выделяется мягкий и задушевный, лирический голос Ярославны. Нежный и лирический голос Ярославны несет с собой примирение чувствам, он смягчает горечь утрат и поражения. Скорбь Ярославны светлая, полная надежды. Плач Ярославны позволяет автору перейти к рассказу о судьбе Игоря; быстрый ритм бегства, погони предвещает радостный финал: Игорь в Киеве и народ поет славу Игорю, русским князьям и русской дружине.

Такова удивительная по своей музыкальной стройности логика поэтической композиции «Слова». Внешне, казалось бы, прерывистая и дробная композиция «Слова» внутренне, в своей эмоциональной сфере, поразительно цельна и последовательна. «Слово» раскрывается читателю как произведение, строго подчиненное законам поэтического развития темы. Это поэтическое развитие учитывает прежде всего смену чувств, но чувств, непосредственно связанных с мыслями автора, с его идеями.

ГЛАВА 6 ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ПРИРОДА

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

К какому художественному жанру относится «Слово»?

Созданное сразу после событий Игорева похода, «Слово» было непосредственным откликом на них. По точному выражению К. Маркса, «суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»¹.

«Слово» не столько повествует о событиях Игорева похода, сколько их обсуждает, дает им оценку. Оно говорит о них как о хорошо известных читателям. Это горячая речь патриота — речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращающаяся к событиям живой современности, то вспоминающая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в родину, полная гордости ею, уверенности в ее будущем². В самом деле, в «Слове» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи, терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности, доступных и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор «Слова» постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их

«братия» («Не лѣпо ны бяшетъ, братие...», «почнемъ же, братие...»).

В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников, и людей прошлого. Он обращается к Бояну: «О Бояне, соловию старого времени! абы ты сиа плъкы ущекоталъ». Он обращается к Буй Туру Всеволоду: «Яръ туре Всеволодъ! стоиши на борони, прыщещи на вон стрѣлами, гремлеши о шеломи мечи харалужными!» Он обращается к Игорю, к Всеволоду Суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам и т. д. Описывая печальные предзнаменования, которые предшествовали походу Игоря и сопровождали Игоря на его роковом пути, он как бы хочет остановить его и тем самым вводит читателя в тревожную обстановку похода. Он прерывает самого себя восклицаниями скорби: «О, Русская землѣ уже за шеломянемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сиди рати не слышно!» Все это создает впечатление непосредственной близости автора «Слова» к тем, к кому он обращается. Эта близость переходит за грань близости писателя к своему читателю, — это близость скорее оратора к своим слушателям. Автор «Слова о полку Игореве» ощущает себя произносящим свое произведение, а не пишущим его.

Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское про-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 29, с. 16.

² О «Слове» как об ораторском произведении см.: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красно-

речия Киевской Руси. — В кн.: «Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

Праведные жены. Деталь росписи
Дмитриевского собора во Владимире. XII в.

изведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены только жанровые признаки ораторского «слова» — все равно, рассчитанного для произнесения или только для чтения. Не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения. Во всяком случае, лирики, непосредственной передачи своих чувств и настроений в «Слове» больше, чем можно было бы ожидать от произведения ораторского. Исключительно сильна в «Слове» и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что сам автор «Слова», хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных и нам ораторов XI—XII вв., а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент струнного инструмента, по-видимому гуслей. Автор «Слова» до известной степени противопоставляет свою манеру манере Бояна (автор обещает начать свою «песнь» «по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню»), однако это противопоставление

потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам.

Народно-песенное начало выражено в «Слове» сильно и глубоко. Отдельные части «Слова» очень близки к хвалебным песням, слагавшимся в честь того или иного героя — князя или воина, — «славам», другие — народным «плачам». Не случайно эти славы и плачи так часто упоминаются в «Слове». С этими плачами и славами в значительной степени связана и стилистика «Слова» — ее народная основа (см. главу «Слово и народная поэзия»).

В искусстве слова существуют две жанровые системы: жанры письменные и устные, литературные и фольклорные. Литературные жанры — это летопись, поучения, жития, повести, сказания и т. д.; народно-поэтические жанры — былины, исторические песни, лирические песни, обрядовые песни, сказки, поговорки и т. п. Точное определение жанра «Слова» требует точного же отнесения «Слова» либо к устной народной поэзии, либо к литературе. Между тем сделать это нельзя: «Слово» совмещает в себе и устную народную стихию, и письменную традицию почти в равной степени. «Слово» — произведение ни чисто устно-поэтическое, ни чисто литературное. Правда, в литературное произведение вносятся иногда элементы народной поэзии, и оно остается тем не менее произведением литературным. Бывает и так, что в народное произведение вносятся книжные элементы и оно остается народным. Что преобладает в «Слове» и можно ли заявить, что «Слово» — произведение только литературное или только фольклорное?

«Слово» — произведение письменное, но значит ли это, что на основании только этого признака мы не должны связывать его с фольклором? Есть фольклорные произведения, записанные собирателями и оттого не переставшие быть фоль-

клорными. Очевидно, что сам автор «Слова» написал свое произведение, но это не значит, что он мыслил его только как письменное. Он творил свое произведение в устных народно-поэтических формах ничуть не меньше, чем в литературных¹. Вернее всего, что «Слово» в равной мере принадлежит литературе и фольклору. Отсюда неясность жанровой принадлежности «Слова». Принадлежа одновременно к двум системам жанров, «Слово» ломает рамки обоих. И в этом нет ничего удивительного: гениальные произведения очень часто выходят за пределы жанровых ограничений. Как произведение литературное, книжное «Слово о полку Игореве» ближе всего стоит к форме письменных ораторских произведений. Как произведение, теснейшим образом связанное с устной народной поэзией, оно стоит ближе всего к народным плачам и прославлениям. Первой своей стороной — книжно-ораторской — оно связано с тем его идейным содержанием, которое отчетливее всего выражено в обращениях к князьям с предложением организации военного похода против половцев «за землю Русскую, за раны Игоревы». Второй своей стороной — устно-народной — оно главным образом связано с тем идейным содержанием «Слова», которое обращено к широкому общественному мнению, к мнению общенародному и призывающему всех русских людей сплотиться в борьбе со страшной внешней опасностью. В формах ораторского искусства автор обращался по преимуществу к конкретным лицам, к конкретным князьям, как обращаются с речью к непосредственным слушателям. Внося же в свое произведение элементы народ-

ного плача и прославления, широко прибегая к понятиям «слава», «честь», «хвала», «хула», автор «Слова» имел в виду всех возможных слушателей или читателей своего произведения — всех русских людей, для которых народно-поэтическая форма выражения была привычной, знакомой с детства, была родной и национальной.

В скрещении этих двух линий — сложность идейно-жанровой природы «Слова».

Таким образом, «Слово о полку Игореве» — это призыв к единению, призыв певца-поэта. Оно было, несомненно, написано автором, но автор чувствовал свою связь с устным словом, с устной поэзией; автор чувствовал свое произведение произнесенным. Написанное, оно сохраняет для нас все обаяние живого, устного слова — слова горячего, убеждающего, полного самой искренней, самой задушевной, сердечной любви к родине, полного веры в тех, к кому оно обращалось.

Призыв к единению выражен в «Слове» то косвенно, то прямо. Прямо выражен призыв в «золотом слове» Святослава Киевского, продолженном обращением самого автора «Слова» к русским князьям: владими́ро-сузда́льским, полоцким, галицким и т. д. Всех их автор «Слова» считает причастными общему русскому делу — защите южных границ Руси.

Последовательность, в которой автор «Слова» обращается к русским князьям, лишена местничества или узкородовой точки зрения. Автор «Слова» не учитывает ни родственных отношений, ни сте-

¹ О народно-поэтических элементах в «Слове о полку Игореве» см.: Андреев Н. П. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — «Народное творчество», 1938, № 5; Соколов Ю. М. «Слово о полку Игореве» и народное творчество. — «Литературный кри-

тик», 1938, № 5; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Под ред. Адриановой-Перетц В. П. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

пени важности княжеств. Ему ничего не стоит обратиться сперва к племяннику, а потом к дяде (к Владимиру Глебовичу, а затем к Всеволоду Суздальскому), к ольговичам вперемешку с мономаховичами, к смоленским князьям (Рюрику и Давыду Ростиславичам) прежде, чем к Ярославу Осмомыслу. Скорее всего, последовательность здесь живая, непосредственная, лишенная особых расчетов и этикета. Он обращается прежде всего к тем князьям, чьего участия в будущем походе он больше всего добивается, от кого прежде всего ждет отклика. При всем величии своего патриотического воодушевления, автор «Слова» реалист в политике.

Автор «Слова» по-разному оценивает политические перспективы отдельных русских княжеств. Отмечая (и при этом почти пророчески) растущую силу Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской земель, он с горькой иронией дает совет полоцким князьям: «понижити стязи свои, вонзите мечи свои верезены». Действительно, положение полоцких княжеств, ослабленных междоусобной борьбой, было очень печальным. В этих междоусобных битвах они должны были признать свое поражение.

Меньше других автор «Слова» обращается к Всеволоду Юрьевичу Суздальскому. Он отмечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издадеча отня злата стола поблюсти?» И этим верно определен поворот в политике владимирских князей, наступивший во второй половине XII в. Дело в том, что в отличие от своего отца Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский порывает с Киевом, за обладание которым боролся его отец, и уходит к себе на север. Здесь, на севере, Андрей делает ряд попыток создать новый центр Руси. Политику Андрея решительно продолжил его брат Всеволод.

«Ты бо можеша Волгу веслы раскропити» — в этих словах автора «Слова» подчеркнута и многочисленность войска Всеволода, и его успешная борьба с волжскими болгарами (1183 г.).

Наконец, полны исторического значения и заключительные слова обращения к Всеволоду: «Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы», под которыми, очевидно, подразумеваются сыновья Глеба Ростиславича Рязанского, которых Всеволод держал в своей власти.

В призыве к Рюрику и Давыду Ростиславичам автор касается лишь одной характерной особенности — их храброй дружины. Так оно, очевидно, и было: Рюрик и Давыд провели беспокойную жизнь. Рюрик неоднократно появлялся на киевском столе, захватывая его военной силой. Не раз ходил Рюрик и на половцев, только недавно, в 1183 г., нанес он половцам жестокое поражение на реке Хирии (или Хороле?). Ходил Рюрик на половцев и в 1185 г. Эти войны с половцами, очевидно, и имеет в виду автор «Слова», когда пишет: «Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?»

Обращаясь к Ярославу Осмомыслу Галицкому, автор «Слова» верно указывает на его силу: наряду с княжеством Владимиро-Суздальским Галицкое княжество было явно на подъеме своего могущества. Ослабление Киева и Чернигова в XII в. шло параллельно росту могущества княжеств Владимиро-Суздальского и Галицкого. Автор «Слова» называет престол, на котором сидит Ярослав Осмомысл, «златокованным», и это не случайно. Здесь, как и во многих других случаях, в «Слове» поражает исключительная точность и многозначность подбираемых им выражений. Термин «золотой» может в равной степени означать и золоченый, и сделанный из сплошного золота. Княжеский стол в Киеве назван «золотым». Он золотой

прежде всего по своему значению, а может быть, и потому, что реальный стол в Киеве был золотым или золоченым. Зато стол галицкий назван «златокованным», сделанным из сплошного золота, и этим подчеркивается богатство престола, а следовательно, и богатство Галича. Действительно, из всех княжеств Руси XII в. Галицкое было самым богатым вследствие выгодного для Галича перемещения в XII в. торговых путей, соединявших север и юг Европы, — из Поднепровья, где их прервали половцы, на Запад — в безопасные районы Галицкого княжества. Усиление в XII в. галицких городов было вызвано их увеличившимся торговым значением.

Следующий затем призыв обращен к «буй Роману и Мстиславу». Буй Роман — Роман Мстиславич. Это ясно из перечисления его побед над Литвой, ятвягами, деремелой и половцами. Из Романов, современников автора, только Роман Мстиславич Галицкий ходил на все эти народы. Именно для его войска было характерно и латинское вооружение («суть бо у ваю желѣзныи паробци подѣ шеломи латиньскыи»). Но кто такой Мстислав, по всему судя близкий к Роману, деливший его победы? Это мог быть и Мстислав Ярославич Пересопницкий, и Мстислав Всеволодович Городенский.

Затем автор «Слова» обращается к Ингварю и Всеволоду и ко «всем трем Мстиславичам». Ингварь и Всеволод — это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; но кто такие «вси три Мстиславичи»? Это сыновья Мстислава Изяславича — Роман, Святослав и Всеволод. Как уже было сказано, Мстиславичи эти пользовались постоянной помощью от Польши. Они были по матери полуполяками — внуками польского короля Болеслава Кривоустого. Вот почему в обращении к ним автор «Слова» говорит: «Кое ваши златыи шеломи и сулицы ляцкыи и щиты?»

Дойдя в своем обращении ко всем русским князьям до князей полоцких, автор «Слова» ограничивается в отношении их лишь призывом прекратить раздоры с остальными русскими князьями.

Обращает на себя внимание отсутствие призыва к Новгороду Великому. На первый взгляд это кажется странным, но на самом деле это показывает в авторе «Слова» реального политика. Это не означает, что автор «Слова» считал Новгород вне пределов Русской земли. Выражение «расшибе славу Ярославу (новгородскому князю)» показывает, что автор «Слова» вводил Новгород в круг русских исторических традиций и, следовательно, не исключал его из числа русских городов. Дело в том, что во главе Новгорода стоял не князь, который худо ли, хорошо ли, но все же мог быть в XII в. представителем общерусских интересов, а боярская олигархия, которая была связана только со своей землей и для которой общерусские интересы были совершенно чужды. Обращаться к ней было бесполезно, и автор «Слова» не сделал этого. Ни разу еще в XII в. новгородские войска не участвовали в общерусских походах. Узко местные интересы преобладали в среде новгородского боярства и купечества. Отсюда можно заключить, что обращения автора «Слова» не были только литературной формой. Автор «Слова» обращался к конкретным князьям с призывом к конкретному походу и к конкретному союзу против степи.

Только ли к русским князьям направлял свой призыв автор «Слова»? Конечно, нет. «Слово» было обращено к общественному мнению всего русского народа, ко всем лучшим русским людям. Вот почему это общественное мнение занимает такое большое место в «Слове» и вот почему автор «Слова» постоянно говорит о чести, славе, хвале и хуле. Дру-

«Богоматерь Владимирская». Деталь.
XI — первая половина XII в.

жинные представления о чести и славе отчетливо дают себя чувствовать в «Слове о полку Игореве». «Слово» буквально напоено этими понятиями. Все русские князья, русские воины, города и княжества выступают в «Слове» в ореоле славы или хулы. В ореоле славы «сведомыхъ къметей» выступают куряне, в ореоле славы («звонячи въ прадѣдную славу») выступают черниговцы, в ореоле славы выступает дружина Рюрика и Давыда Ростиславичей и т. д.

Давая несколько гиперболические отзывы о русских князьях (о Всеволоде Юрьевиче Владимиро-Суздальском, о Ярославе Осмомысле Галицком и др.), автор «Слова» делает это, как бы пересказывая молву о них. Поисками славы объясняет автор многие из действий русских князей, в частности и поход Игоря Святославича. Собираясь на половцев, Игорь и его брат Всеволод сказали:

«Мужаймѣся сами: переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ». В ночь перед битвой русичи Игоря перегородили своими червлеными щитами великие поля, «ищуци себѣ чти, а князю славы». Именно так понимает в «Слове» побудительные причины к походу Игоря и сам Святослав Киевский: «Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати». Неоднократно говорится в «Слове» и о дедней славе, славе родовой, княжеской: Изяслав Василькович «притрепа славу дѣду своему Всеславу», Всеслав Полоцкий расшиб славу Ярослава — славу новгородскую и т. д.

Наконец, в «Слове» неоднократно упоминается и о пении той самой славы — хвалебной песни, в которой как бы находило себе воплощение понятие «слава» — народная молва, известность. «Славу», т. е. хвалебную песнь, поют окружающие Русь народы Святославу Киевскому.

При возвращении Игоря из плена ему поют славу «дѣвици» «на Дунаи». Сам автор «Слова» заключает свое произведение провозглашением славы князьям и дружине.

Каково, однако, отношение самого автора «Слова» к понятиям «слава», «честь», к народной молве? Свои суждения автор «Слова» не отделяет от общественного мнения. Выразителем общественного мнения он себя и признает, стремясь передать свою оценку событий, свою оценку современного положения Руси как оценку общенародную. Но при этом то общественное мнение, которое он выражает, является общественным мнением лучших русских людей его времени.

Автор «Слова» в нормах феодального поведения, в дружинных представлениях о чести и славе, в идеологии верхов феодального общества наполняет своим, более широким, патриотическим содержанием понятия «честь», «слава», «хвала» и «хула». За поиски личной славы

он осуждает Игоря Святославича и его брата Всеволода, Бориса Вячеславича и других русских князей. Однако во всех тех случаях, где речь идет о славе в более широком патриотическом значении, автор «Слова» сочувственно говорит о ней. Честь и слава родины, русского оружия, князя как представителя всей Русской земли волнует автора «Слова» прежде всего. Отсюда ясно, что подлинный смысл призыва автора «Слова», может быть, заключается не только в попытке организовать тот или иной поход, но и в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные узко-

феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести и мщения ими за личные обиды.

Задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей для борьбы за единство Русской земли. Вот почему автор «Слова» так часто и так настойчиво об этом общественном мнении напоминает. Эта задача была рассчитана не на год и не на два. В отличие от призыва к организации военного похода против половцев, она могла охватить своим мобилизирующим влиянием по крайней мере целые столетия — вплоть до монголо-татарского нашествия.

ГЛАВА 7 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Каким же представлялось автору «Слова» то единство Руси, к которому он звал своих читателей? Единство Руси мыслилось автором «Слова» не в виде прекраснородного идеала союзных, «доброросодских» отношений всех русских князей на основе их доброй воли. Само собой разумеется, что нельзя было просто уговорить русских князей перестать враждовать между собою. Тем более, что каждый из князей был уверен, что стоит за порядок, за соблюдение прав вассалов и сюзеренов. Нужна была такая сильная центральная власть, которая могла бы скрепить единство Руси, сделать Русь мощным государством.

Автор «Слова» — сторонник сильной княжеской власти во имя обуздания произвола мелких князей, во имя единства Русской земли с центром в Киеве, возглавляемым киевским князем, рисуящимся ему в чертах сильного и «грозного» властителя. Автор «Слова» настаивает при этом на строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабейшему золотому киевскому столу. Он наделяет киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он «грозный» и «великий». На самом деле Святослав «грозным» не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами.

Не следует думать, что перед нами обычная придворная лесть. Автор «Слова» выдвигает киевского князя в первые ряды русских князей только потому, что

Киев все еще представляется ему центром Русской земли — если не реальным, то во всяком случае идеальным. Он не видит возможности нового центра Руси на северо-востоке, например во Владимире-Залесском. Киевский князь для автора «Слова» — по-прежнему глава всех русских князей. Автор «Слова» видит в строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабейшему золотому киевскому столу одно из противоядий против феодальных усобиц, одно из средств сохранения единства Руси. Слово «великий», часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название «великого князя» присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Слово же «грозный» и «гроза» очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти, — Ивана III и Ивана IV). Слово «гроза» для обозначения силы могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в.

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в образах разных князей рисует тот же собирательный образ сильного, могущественного князя: могучего войском (Всеволод Суздальский — «многовой»), сильного судом (Ярослав

Осмомысл — «суды рядит до Дуная»), вселяющего страх пограничным с Русью странам («ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти», — обращается он к Всеволоду; «подперъ горы угорскыи своими желъзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота», — говорит он о Ярославле Осмомысле), распространяющего свою власть на громадную территорию с центром в Киеве («аще бы ты былъ»... на юге, — говорит он Всеволоду), славного в других странах («ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поють славу Святъ-славлю»).

Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти. Эта идея сильной княжеской власти, с помощью которой должно осуществляться единство Русской земли, только еще рождалась в XII в. Впоследствии такой же образ «грозного» великого князя создаст «Слово о погибели Русской земли». Он отразится в «Житии Александра Невского», в «Молениях Даниила Заточника» и в других произведениях XIII в.

Очень важно, что эти новые воззрения на князей, осознание необходимости могучей и «грозной» княжеской власти были прежде всего характерны для эксплуатируемых слоев городского и отчасти сельского населения. Они по преимуществу определялись на северо-востоке Руси, во Владимиро-Суздальском княжестве, и именно здесь, на северо-востоке, в сердце эксплуатируемых классов отразились в создании новой политической терминологии, употребляемой и автором «Слова». В самом деле, начиная с 70-х годов XII в. в политической жизни входит в употребление обращение к князю «господин», применяемое и в «Слове о полку Игореве». До того термин «господин» употреблялся лишь в области владельческих отношений: так называли владельца холопов, хозяина закупов. В политической жизни термин «госпо-

дин» впервые начинает употребляться жителями владимиро-суздальских городов. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы в 1176 и 1177 гг. (см. Никоновскую летопись), так называют его же под тем же 1177 г. ростовцы (там же) и т. д. В 1180 г., по-видимому впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращении к своему главе. Так именовали Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи. «Ты, господин, ты, отец, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья — брат ваю старейший Роман унимает волости у наю, слушая тестя своего Святослава, а к тебе крест целовал и преступил» (Ипатьевская летопись). По-видимому, новые отношения безусловного подчинения, сложившиеся на северо-востоке между владимиро-суздальским князем и подручными ему рязанскими князьями, потребовали для своего определения и нового термина, в котором уже было отмечено всякое «родственное смягчение» политических понятий, столь характерное для старой терминологии — «отец», «сын», «брат».

Этот новый политический термин, отразивший на северо-востоке рост власти феодального главы над стоящими ниже его по лестнице феодального подчинения князьями, начинает употребляться не только одними рязанскими князьями по отношению к Всеволоду Юрьевичу.

Всего десять лет спустя, в 1190 г., сын Ярослава Осмомысла — Владимир Галицкий — в своей просьбе к Всеволоду Суздальскому прибег к аналогичному обращению: «Отце господине! Удержи Галич подо мной, а яз божий и твой есмь со всим Галичем, а в твоей воле есмь всегда» (Ипатьевская летопись). Энергичность нового политического термина поддержана в этой просьбе необычно степенью покорности, на которую

соглашается Владимир Галицкий: «яз божий и твой».

Итак, перед нами новая политическая терминология, выросшая первоначально в «демократической» среде. Нет сомнения в том, что именно этому новому представлению о власти феодальной главы, возникшему на северо-восточной социально-экономической почве, а не старому, принадлежало будущее. Именно этим новым представлениям предстояло перерасти в дальнейшем в идею сильной и единой власти государя «всех Руси», подлинной носительницей которой стала впоследствии Москва.

Сам автор «Слова о полку Игореве» отчетливо придерживается этой новой точки зрения на власть феодальной главы, которая была прежде всего характерна для поддерживавших сильную княжескую власть горожан. В научной литературе о «Слове» на это не было обращено должного внимания. Автор «Слова» называет «господами», этим новым политическим термином, начавшим входить в политический язык XII в., Рюрика и Давыда Ростиславичей и Ярослава Осмомысла Галицкого («Вступи-та, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени», «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощя»).

Вместе с тем автор «Слова» подчеркивает могущество русских князей, их власть над другими русскими князьями, а не их права самостоятельности. Опору единства Руси он видел во власти феодальной главы и ни словом не обмолвился о феодальных правах их подчиненных князей.

Конечно, идея сильной княжеской власти не слилась у автора «Слова» с идеей единовластия. Для этого еще не было реальной исторической почвы. Автор «Слова» видит своего могущественного великого князя действующим совместно со всеми остальными князьями, но в подчеркивании подчиняющихся линий феодальной власти нельзя не за-

метить некоторых намеков на идею единовластия киевского князя.

В XII в. сильная княжеская власть едва только начинала возникать, ей еще предстояло развиваться в будущем, однако автор «Слова» уже понял ее значение, стал на ее сторону и уловил в ней зачатки будущего.

Итак, для автора «Слова» «грозный» киевский князь — представление идеальное, а не реальное. При этом, что особенно интересно, для автора «Слова» дороги все притязания русских князей на Киев. Нет сомнений в том, что он считает Святослава, силу которого он гиперболизирует, законным киевским князем. И вместе с тем, игнорируя вотчинное право на Киев Святослава Всеволодовича, он пишет, обращаясь к Всеволоду Большое Гнездо — князю, принадлежавшему ко враждебной ольговичу Святославу монашеской линии русских князей: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издавеча отня злата стола поблюсти? (т. е. стол киевский!) ...Аже бы ты былъ (в Киеве!), то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ». В этом обращении к Всеволоду все неприемлемо для Святослава и все обличает в авторе «Слова» человека, занимающего свою, независимую, а отнюдь не «придворную», позицию: 1) титулование Всеволода «великим князем», 2) признание киевского стола «отним» столом Всеволода и 3) призыв прийти на юг, если только не рассматривать этот призыв как простой призыв о помощи Святославу. Каким образом может это совместиться с позицией автора как сторонника ольговичей? Суть здесь, очевидно, в том, что новая политика Всеволода — политика отчуждения от южнорусских дел — казалась автору опаснее, чем его вмешательство в борьбу за киевский стол. Всеволод, в отличие от своего отца Юрия Долгорукого, стремился утвердиться на северо-востоке, заменить гегемонию Киева гегемонией Вла-

димира Залесского, отказался от притязаний на Киев, пытаясь из своего Владимира руководить делами Руси. Автору «Слова» эта позиция Всеволода казалась не общерусской, — местной, замкнутой, а потому и опасной.

Так же точно автору «Слова» казалась опасной слишком местная политика Ярослава Галицкого, и он подчеркивает его могущество и власть над самим Киевом: «отворяеши Киеву врата», — говорит он о Ярославле Галицком. Слова, казалось бы, не совместимые с представлениями о могуществе Святослава Киевского, невозможные в устах «придворного поэта» ольговичей, но простые и понятные для человека, страдающего за Киев как за центр Русской земли, стремящегося привлечь к нему внимание замкнувшихся в местных интересах князей.

Знание глубочайших исторических явлений, происходивших в Галицкой земле и Владимиро-Суздальской, при этом поразительно. От автора «Слова» не ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси.

Однако автор «Слова» не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. Да это вряд ли было бы возможно от него и требовать. Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он еще понимает в устоявшихся представлениях XII в. Он уже видит значение сильной княжеской власти, но права первого князя на Руси еще обосновывает необходимостью строгого выполнения права феодального, подчеркивая в нем подчиняющие линии, права сюзерена, а не вассала. Он уже признает силу владимиросуздальского князя, но предпочитает его видеть на юге — в Киеве.

Те же представления о Киеве как о центре Русской земли пронизывают со-

Шлем Ярослава Всеволодовича. *Начало XIII в.*

бой все изложение «Слова». Поразительна, например, точность выбора выражений в характеристике последствий поражения Игоря: «а вѣстона бо, братие, Киевѣ туюю, а Черниговѣ напастыми». Черниговская земля, действительно, подвергалась «напастям», реальным несчастьям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подвергались; «туга» — тоска, печаль, — за всю Русскую землю распространялась здесь как в центре Руси; Киев страдает, следовательно, не собственными несчастьями, а несчастьями всей Русской земли.

Роль Киева как центра Русской земли особенно отчетливо выступает в заключительной части «Слова о полку Игореве». Согласно летописи, Игорь по возвращении из плена в Новгород Северский едет в Чернигов к Ярославу Святославичу, а затем уже из Чернигова отправляется в Киев к Святославу Все-

володовичу. «Слово о полку Игореве» не упоминает ни о его пребывании в Новгороде Северском, ни о его пребывании в Чернигове: Игорь прямо едет в Киев к богородице Пирогощей. И в этом появлении Игоря прямо в Киеве у Святослава нельзя не усмотреть тенденции автора «Слова»: Игорь — русский князь прежде всего, важно его возвращение в Киев, а не в Новгород-Северский. Славу ему поют не в Новгороде или Путивле, а всюду на Руси — до Дуная, где находились отдаленные русские поселения, отрезанные от остальной Руси половцами, ибо радость по поводу его возвращения общерусская, а не какая-либо местная. Пение этой славы достигает от Ду-

ная Киева. Его возвращение встречает отклик во всех русских сердцах, даже и тех, которые были заброшены на крайний юго-запад русского мира. Но отклик находят киевские, т. е. общерусские события, а не какие-либо местные. Это пение девиц на Дунае противостоит пению готских дев, радующихся русскому поражению. Поражение или победы русских имеют всесветный отклик.

Итак, единство Русской земли мыслится автором «Слова» с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем, рисуемым ему в чертах сильного и «грозного» князя. Политические представления автора «Слова» точно соответствуют своему времени.

ГЛАВА 8   ОБРАЗЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Свой призыв к единению, свое чувство единства родины автор «Слова» воплотил в живом, конкретном образе Русской земли. Героем «Слова» является не какой-либо из князей, а русский народ, Русская земля. К ней, к Русской земле, обращена вся полнота личных чувств автора «Слова». Образ Русской земли — центральный в «Слове»; он очерчен автором широкой и свободной рукой.

Автор «Слова» рисует обширные пространства Русской земли. Он ощущает родину как единое огромное и живое существо.

Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), «синее море», Дон, Волга, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Рось, Сула, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др. — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не исключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а половцев, литву, ятвягов и деремелу (литовские племена) — быть непосредственно втянутыми в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному за свой политический ум Осмо-

мыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обозревает происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Киева». Одновременно с походом Игорева войска двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их немазанные телеги.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав доткнулся копием до золотого престола киевского, отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, на утро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава. Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал, до петухов, Тмуторокани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторг поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В необъятных просторах Руси могущество героев «Слова» приобретает гиперболические размеры: Владимира Святославича нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Ярослав Галицкий подпер горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого. Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щекот соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором разворачивается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Ярославна обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы насады до Кобыкова стана, к солнцу, которое всем тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалах русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора его историю, «страны» (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности. Донец стелет бегущему из плена Игорю зеленую постель на своих серебряных берегах, одевает его теплым туманом, сторожит гоголями и дикими утками.

Чем шире автор «Слова» охватывает своим умственным взором Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (орлы, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому», вороны несутся к синему морю и т. д.); ветер и отдаленное море подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора, подробности походной жизни, степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной Половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Русская земля для автора «Слова» — это, конечно, не только «земля» в собственном смысле этого выражения, не только русская природа, русские города, это в первую очередь народ, ее населяющий.

Автор «Слова» говорит о мирном труде русских «ратаев» — пахарей, нарушенном усобицами князей; о женах русских воинов, оплакивающих своих мужей, павших в битве за Русь; о горе всего русского народа после поражения Игоря, о гибели достояния русского народа, о радости жителей городов и сельских местностей при возвращении Игоря. Войско Игоря Новгород-Северского — это прежде всего «русичи», русские сыны, они идут на половцев за родину, переходя границу Руси, они прощаются с родной — с Русской землей в целом, а не с Новгород-Северским княжеством, не с

Курском или Путивлем: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!»

Вместе с тем понятие родины включает для автора «Слова» и ее историю. В зачине к «Слову» автор говорит, что он собирается вести свое повествование «отъ стараго Владимира (Владимира I Святославича) до нынѣшняго Игоря». Излагая историю несчастного похода на половцев князя Игоря, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование, «свивая славы оба полы сего времени» — постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с настоящим. Автор вспоминает века Трояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена «старого Владимира» Святославича.

Итак, Русская земля, в описании которой объединились лирика и публицистика, — основной художественный образ «Слова». Широта кругозора — идейного и художественного — основа творческого метода автора. Трудно подобрать в средневековые другую художественную манеру, которая с такою живостью позволила бы конкретно изобразить всю необъятную Русь, вызвать к ней сочувствие, возбудить русских людей на ее защиту.

«Слово о полку Игореве» — произведение удивительно цельное. Именно эта цельность, совершенная законченность делает «Слово» произведением единственным и неповторимым.

Отношение автора «Слова о полку Игореве» к русским князьям двойственное. Он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами и скорбя об их неудачах. Однако вместе с тем автор «Слова» с осуждением говорит об их эгоистической узко местной политике и раздорах.

На примере Игоря Святославича Новгород-Северского автор показывает несчастные последствия отсутствия еди-

нения. Игорь действует по феодальной формуле: «мы себе, а ты себе». Слова Святослава Киевского, обращенные к Игорю Святославичу, характеризуют в известной мере и отношение к нему автора «Слова». Святослав говорит, обращаясь к Игорю и Всеволоду: «О, моя сынчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буети закалена. Се ли створисте моей серебряней сѣдинѣ?.. Нѣ рекосте: «Мужаймъся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ! А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ: не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло — княже ми неспособность: наниче ся години обратиша».

По существу, весь рассказ в «Слове» о походе Игоря выдержан в этих чертах его характеристики Святославом: храбрый, но безрассудный Игорь идет в поход, несмотря на то что поход этот с самого начала обречен на неуспех. Он идет, несмотря на все неблагоприятные «знамения». Основным побуждением его при этом является стремление к личной славе. Желание этой личной славы «заступает ему знамение». Ничего не останавливает Игоря на его роковом пути.

В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями его среды, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния дурны, и это потому, что над ним господствуют предрассудки феодального общества и заблуждения эпохи. Тем самым на первый план в «Слове» выступает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это «средний» князь своего времени: храбрый, мужественный,

в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины.

С гораздо большим осуждением говорит автор «Слова» о родоначальнике князей-ольговичей — Олеге Святославиче, внуке Ярослава Мудрого и постоянном противнике Владимира Мономаха. Вспоминая этого Олега (Олег жил во второй половине XI — начале XII в.; он умер в 1115 г.), автор «Слова» говорит, что он «мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше». При Олеге Святославиче «сѣяшется и растяшеть усамидами» Русская земля. Автор «Слова» отмечает гибельность крамол Олега прежде всего для трудового народа, для крестьянства: «тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие». Автор «Слова» наделяет Олега ироническим отчеством «Гориславич», имея в виду, конечно (судя по контексту), горе народное, вызванное усамидами Олега, а не его личное.

Таким же зачинателем усабиц изображен и родоначальник полоцких князей — Всеслав Полоцкий. Весь текст «Слова» о Всеславе представляет собой размышление о его злосчастной судьбе. Всеслав изображен в «Слове» с осуждением и с теплотой лирического чувства: неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, «вещий», но несчастный неудачник. Перед нами исключительно яркий образ князя периода феодальной раздробленности Руси.

В остальных русских князьях автор «Слова» в большей мере подчеркивает их положительные черты, чем отрицательные. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, славу. В этой гиперболизации автор «Слова» выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Владимир Святославич

Парадный топорик. XI в.

так часто ходил в походы на врагов, что его нельзя было пригвоздить к горам Киевским. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор «Слова» скорбит о том, что его нет на юге.

Совсем особую группу составляют женские образы «Слова». Все они овеяны мыслью о мире, о семье, о доме, проникнуты нежностью и лаской, ярко народным началом. В них воплощена печаль и забота родины о своих воинах.

В идейном замысле автора женские образы занимают очень важное место, подчеркивая созидательное начало, противостоящее войне и разрушению.

Жены русских воинов после поражения Игоревы войска плачут о своих павших мужьях. Их плач, полный нежности и беспредельной грусти, носит глубоко народный характер: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни дуемоу сдумати, ни очима съглядати». Тот же народнопесенный характер носит и плач Ярославны — юной жены Игоря. Замечательно, что Ярославна оплакивает не только пленение своего мужа, она скорбит о всех павших русских воинах: «О, вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычеши хиновъскыя стрѣлки на свою нетрудную крилицю, на моя лады вои?» «Свѣтлое и пресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладъ вои? Въ полѣ безводнѣ жажду юмъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»

Противопоставление войны и мира, воплощенного в образе русских женщин, особенно ярко в лирическом обращении автора «Слова» к Всеволоду Буй Туру. В разгар боя Всеволод не чувствует на себе ран, он забыл честь и жизнь и своей милой любимой «красныя Глѣбовны свычая и обычая». Характерно, что ни

один переводчик «Слова» не смог удовлетворительно перевести это превосходное при всей своей простоте и, в сущности, хорошо нам понятное выражение — «свычая и обычая».

Итак, образы русских князей, женские образы «Слова» даны не сами по себе, — они служат конкретному раскрытию идей автора — призыву к единению. Перед нами и здесь «Слово» выступает как произведение исключительно целеустремленное. Рукой художника — автора «Слова» — водила политическая мысль, мысль страстная, полная горячей любви к родине.

Особняком в «Слове» стоит образ певца-поэта Бояна. Отношение к нему у автора «Слова» сложное и противоречивое.

С воспоминания о Бояне автор «Слова» начинает свое выступление. Его он рассматривает как своего предшественника в том же роде поэзии, и это отчасти раскрывает нам, как воспринимал автор «Слова» свое произведение. Однако одновременно автор «Слова» противопоставляет свою манеру старой манере Бояна.

При всем своем уважении к славе и величию Бояна, автор «Слова» относится к нему с легкой иронией, подчеркивая неприемлемость для себя его выпрених «старых словес». Эту последнюю сторону отношения автора «Слова» к Бояну хорошо подчеркнул Пушкин в своих подготовительных заметках к переводу «Слова»: «Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна»¹.

В идейном замысле «Слова» образ Бояна имеет существенное значение. Он нужен автору для того, чтобы подчерк-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 12. М.—Л., 1949, с. 149.

нуть собственное следование «былинам сего времени» — действительным событиям. Он нужен автору, чтобы указать на правдивость своего произведения; в нем отчасти выразился отказ от традиционного восхваления князей. Автор «Слова» не отрицательно относится к русским князьям, как не отрицательно относится он и к Бояну. Но его произведение не «слава», не «хвала» князьям, а

сам он не следует традициям хвалебной поэзии Бояна¹.

Итак, все образы «Слова» тесно связаны с идейным замыслом автора. Все в этом произведении, до мельчайших деталей, строго и стройно подчинено центральной идее «Слова». Художественная, идейная целеустремленность «Слова» — одна из самых существенных его особенностей.

---

¹ См.: Будовниц И. У. Идейное содержание «Слова о полку Игореве». — «Изв.

АН СССР. «История и философия». М., 1950, № 2, с. 154—155.

ГЛАВА 9 ПРИРОДА В «СЛОВЕ»

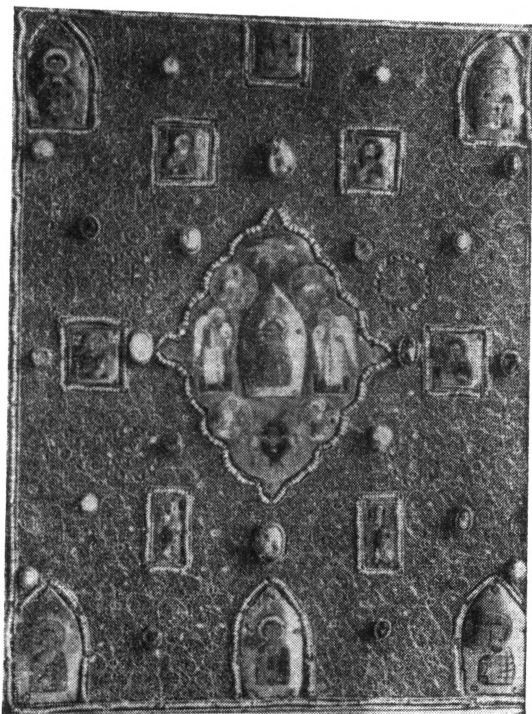
Древнерусские авторы не стремятся описывать картины природы, изображать ее статические состояния, спокойные пейзажи. Древнерусские авторы не знают того, что мы называем «литературным пейзажем» и что так хорошо известно нам по произведениям Тургенева, Гончарова и других великих русских реалистов. Древнерусские авторы уделяют природе немного внимания и только тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбой действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, в затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражающимся, в жаре, истомляющей воинов, и т. д. и т. п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, она играет в них прямую, а не косвенную роль, она «событийна», описываются только ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Средневековые русские писатели как бы еще не осознают самостоятельной ценности картинных описаний статической природы для литературы.

Хотя природа занимает исключительно большое место в «Слове о полку Игореве», но роль ее, по существу, та же. В «Слове» нет пейзажа самого по себе. Природа воспринимается автором «Сло-

ва» только в ее изменениях, в ее действиях, в ее жизни. Природа в «Слове» введена в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна.

Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, «стонущая грозою», стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретает черты борьбы силы зла с силой добра во всей природе. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя приклоняются до земли или роняют листву. Автор «Слова» отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории. Междоусобные войны Олега приводят к запустению пашен. В судьбах русского народа принимают участие и реки, то зовущие князя Игоря на победу, то сочувствующие и помогающие ему, то «затворяющие» в своих струях юношу князя Ростислава.

Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды — девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов стоят где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравнивают-

Оклад Мстислава Евангелия. Серебро, ткань, эмаль. XII в.

ся и с птицами и со зверями: с турами, соколами, галками, воронами, «лютым зверем», кукушкой и т. д. и т. п. Игорь вступает в разговор с Донцом и получает от него помощь. Ярославна ищет помощи у ветра, солнца и Днепра.

Трудно назвать другое какое-либо произведение, в котором события жизни людей и изменения в природе были бы так тесно слиты. И это слияние, единство людей и природы, усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают резонанс в русской природе и тем самым оказываются удесятерненными в силе своего звучания.

Союз природы и человека, с такой силой развернутый в «Слове», — союз поэтический. Природа для автора «Слова» — гигантский резервуар поэтических средств и своеобразное «музыкальное сопровождение», придающее особенно сильное лирическое звучание его действию.

В привлечении русской природы как действующего лица своего повествования автор «Слова» проявил себя исключительно наблюдательным знатоком природы. Вот почему в самой русской природе можно найти довольно точный комментарий ко многим неясным и темным местам «Слова». Приведу некоторые толкования отдельных мест «Слова», предложенные советскими природоведами.

«Внимательный наблюдатель природы, — пишет проф. Н. В. Шарлемань, — автор «Слова» с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными — зверями и птицами. Лебедь у него «пояше» или, будучи испугнутым, «крычит»; соловей «ущекотал», его пение — «щекот»; орлы «клектом зовут», дятлы «тектом путь кажут»; вороны «гряхнут»; галки «говоряхут», их крик — «говор»; зегзица «кычет»; сороки «троскоташа»; кони «ржут»; степные зверьки, байбаки и суслики, издают свист; лисицы «брешут»; туры «рыкают»¹. Точность наблюдения природы и богатство языка здесь неразрывны. Жизненный опыт автора «Слова» непосредственно связан с его искусством художника.

В этой же своей работе Н. В. Шарлемань дает интересные объяснения отдельных мест «Слова». Когда Игорь ведет свои войска к Дону навстречу гибельной для него опасности, автор «Слова»

¹ Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — «ТОДРА», т. VI. М., 1948, с. 123.

замечает: «Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию», т. е. беды (будущее поражение Игоря) собирают вокруг него птицъ по дубам. Действительно, хищные птицы обычно летели в те времена за войсками, поджидая добычу. Войско Игоря двигалось медленнее птиц, которые оставались на отдых в дубравах невдалеке от войска.

Знание повадок соколов сказывается и в следующих словах Святослава: «Колѣ соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду». «Выражение «въ мытѣхъ» и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников, — пишет Н. В. Шарлемань. — Этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, то есть достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута»¹.

Целую драматическую картину рисует и выражение автора «Слова» «дружину твою, княже птицъ крылы приодѣ»: хищные птицы (орлан-белохвост, гриф), садясь на трупы убитых, как бы «приодевают» их своими распушенными мощными крыльями, с тем чтобы не допустить к своей добыче других хищников.

О точности и правдивости образов «Слова» свидетельствует и определение берегов Донца как «серебряных». Действительно, Донец несет в своих водах много взмученного мела (он прорезывает на своем пути меловые горы Артема). Летом, когда берега Донца обмелевают, отложения этого мела на отмелях и косах блестят, как серебряные.

Наблюдательность автора «Слова» особенно ярко проявляется в описании бегства Игоря из плена. Игорь хвалит

Донец за то, что тот сторожил его «гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ». Действительно, Игорю приходилось бежать главным образом ночью, а днем скрываться в густых зарослях степных рек. О погоне его предупреждали чуткие к приближению человека гоголи, чайки и черныи. По их поведению Игорь мог судить о том, все ли кругом спокойно.

Знание степной природы сказывается и там, где автор «Слова» говорит, что дятлы «тѣтком» указывали Игорю путь к реке. Степную реку, запрятавшуюся в глубокой долине, издали не видно, не видно и деревьев, растущих в степи только по берегам рек, но на присутствие деревьев, а следовательно и реки, Игорю указывал далеко слышный в степи «тѣкт» дятлов.

Можно было бы значительно увеличить количество примеров, доказывающих глубокое знание автором «Слова» степной природы. Автор «Слова» не дал нам законченного описания степной природы, но он рассеял в своем произведении такое количество отдельных наблюдений, что они легко могут быть сложены в единую, цельную, картину.

Вот как описывает половецкую степь на основании «Слова» акад. А. С. Орлов: «Степь эта представляла собой равнину, усеянную то «яругами» (оврагами), то «шеломеньми» (холмами, курганами, природными и насыпными) и поднятую кое-где ответвлением горных кряжей. Через степь неслись из Руси «на полѣдне» «великие» реки и вливались своими «жерелы» (устьями) в «синее море», пересекши «поля широкую» и пробив «каменные горы». Были в степи и болота, «грязивые места», и поле «безводное». Черноземная степь весной покрывалась травами и цветами, седым ковылем, по которому

¹ Из реального комментария к «Слову о воюху Игореве». — «ТОДРА», т. VI. М., 1948, с. 112.

развевалась радость Ярославны, и душистой полынью, запахом которой половецкий хан манил вернуться на родину своего брата, бежавшего на Кавказ от грозы Владимира Мономаха. Эти травы питали скот кочевников, «кони, овцы и вельблуды», их топтали и волновали («въшумѣ трава») «вежи», «телеги» половецкие, которые скрипели, «кричали», как «лебеди распужени». Степные травы то мирно покрывались «студеной росой», которую стряхивал («трусил») волк на бегу, то поливались кровью и посыпались прахом боевых столкновений, когда обнажалась «чръна земля под копыты». Пересекалась степь проторенными искони караванными «путями», о которых упоминал в 1170 году Мстислав

Изяславич Киевский, жалуясь на половцев, что они «уже у нас и Гречьский путь изъотимають, и Соляный и Залозный». Движение шло и «неготовами дорогами». Степные «поля широкая» с лесистыми яругами и реки, текшие в «серебрених брезех» под сенью «зелену древу», окруженные «лугами» и заросшие «тростием» (тростником, камышом), были полны зверями и птицами, от большинства которых, как насельников степи, сохранились одни названия или глухие упоминания¹.

Живая картина старой половецкой степи, донесенная до нас в составе «Слова», — яркое свидетельство, что «Слово» составлено ее очевидцем, может быть участником степного пути Игоря.

---

¹ Акад. Орлов А. С. «Слово о полку Игореве», 2-е изд. М.—Л., 1946, с. 13—14.

Мы уже отмечали выше близость «Слова» к двум жанрам народной поэзии — славам и плачам. Близость эта, однако, не ограничивается жанровыми аналогиями.

Конечно, «Слово о полку Игореве» — отнюдь не произведение устной народной поэзии, но оно очень близко к ней по своей идейной сущности и стилистическому строю.

«Слово» насыщено образами народной поэзии: тут и деревья, приклоняющиеся до земли от горя, тут и никнувшая от жалости трава, и сравнение битвы с пиром, с жатвой. Близка к народным плачам лирическая песнь Ярославны. В плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в песне Ярославны. Сон Святослава полон устно-поэтических символов. Сказочно описание бегства Игоря; в сказках нередко герой, спасающийся от колдуна, превращается в животных. Подобно Игорю, обернувшемуся соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, в былине о Волхе Всеславиче, Волх, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для дружины. Воспитание курских дружинников Всеволода Буй Тура напоминает воспитание того же Волха Всеславича. Даже языческие боги, упоминаемые в «Слове», воспринимаются как образы народной поэзии. Народен и образ «девы Обиды», встречающийся и в записях устной поэзии XIX в.

Народного богатыря напоминает Всеволод Буй Тур, когда он прыщет на вра-

гов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод Буй Тур сражается с врагами, и, куда поскачет, там лежат поганные головы половецкие.

Богатыря напоминает и Ярослав Осмомысл в «Слове о полку Игореве», когда он бросает тяжести за облака.

Встречаются в «Слове» и другие признаки его тесной связи с народной поэзией. Народная стихия в «Слове» выражается в отрицательных метафорах («Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ»), в некоторых чисто фольклорных эпитетах (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море, каленые стрелы, быстрые кони, черный ворон, красные девы и др.), в характерных для народной поэзии образах (особенно многочисленных в плаче Ярославны и в сне Святослава Киевского), в аллитерациях, в отдельных гиперболах, сравнениях и т. д.

Однако с народной поэзией связывают автора «Слова о полку Игореве» не только художественные вкусы, но и мировоззрение, политические взгляды. Поэтому нельзя говорить о механическом влиянии на автора «Слова» русской народной поэзии. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии потому, что сам он близок к народу, стоит на народной точке зрения.

Народные образы «Слова» тесно связаны с его народными же идеями. Художественная сторона и идейная неотделимы в «Слове» друг от друга. Вот, напри-

мер, обычное в «Слове» сравнение битвы с жатвой: «Тогда при Олзѣ Гориславичи сѣяшеть и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука»; «чръна земля подѣ копыты костью была посѣяна, а кровию польяна: тугою възыдоша по Руской земли»; «на Немизѣ снопы стелють головами, молотят чепи харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла». Эти сравнения были очень часты в устной народной поэзии. Они обильно встречаются позднее — в записях русских, украинских и белорусских песен, сделанных в XVIII, XIX и XX вв.:

Распахана Шведская пашня.
Распахана солдатской белой грудью.
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами.
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками.
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Или:

Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.

Или:

Чорна роля (пашня) заорана,
Кулями засіяна,
Білим тілом зволочена,
Кровью сполощена.

Замечательно, однако, что это сравнение поля битвы с пашней в «Слове» и в народной поэзии имеет глубокий идейный смысл. Это даже и не сравнение, а противопоставление. В «Слове» и в народной поэзии противопоставляются война мирному труду, разрушение — созиданию, смерть — жизни (по-древне-

русски «жизнь» не только «существование», но и «богатство, плоды земледельческого труда — жито»).

Это противопоставление мира войне пронизывает и другие части «Слова». Автор «Слова» обращается к народному образу пира — апофеоза мирного труда: «Ту кроваваго вина не доста; ту пирь докончаша храбрии Русичи: сваты попиша, а сами полегоша за землю Рускую». С поразительной конкретностью противопоставляя русских их врагам, он называет последних сватами: Игорь Святославич действительно приходился сватом Кончаку (дочь Кончака была помолвлена за сына Игоря — Владимира). Отсюда следует, что образ пира-битвы не просто заимствован из народной поэзии, где он обычен, а умело осмыслен применительно к данному конкретному случаю. Той же цели противопоставления мира войне служат и женские образы «Слова о полку Игореве» — Ярославна и «красная» Глебовна.

Перед нами, следовательно, целая политическая концепция автора «Слова о полку Игореве», в которую, как часть в целое, входят традиционные образы устной народной поэзии: «битва-молотьба», «битва-пир» и т. д.

Связь с народной поэзией ясно ощущается в «Слове» и в изображении людей. Автор «Слова» гиперболизирует своих героев. Эта гиперболизация — один из способов художественного обобщения, типичный и для устного эпоса. Подобно тому как в былинах богатырь соединяет в себе все свойства русского войска, русской дружины или русского крестьянства, в «Слове» на положительных героев-князей переносятся характеристика и подвиги их дружины. Перед нами в «Слове» начальная стадия того процесса, который в эпосе в более позднее время привел в конце концов к тому, что русское войско оказалось поглощено в собирательном образе богатыря, стало отсутствовать в былинах (в былинах

Войско Игоря Святославича захватывает половецкие вежи. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. (воспроизводит оригинал XII в.).

XVII—XX вв. действует уже один богатырь без войска).

Так, например, Всеволод Буй Тур прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными: шлемы оварские «поскепаны» его калеными саблями. О мечах и саблях говорится во множественном числе. Конечно, стрелы, мечи и сабли — не личные Всеволода. Автор «Слова» говорит здесь о том, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и саблями.

Подобно тому как Илья Муромец

Куда махнет — туда улица,
Куда перемахнет — туда переулок,

так и Всеволод Буй Тур — «камо Турь поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ

посвѣчивая, тамо лежать поганья головы половецкыя». Но различие между былиной и «Словом» в том, что в «Слове» еще сохраняется сознание того, что Всеволод действует не сам, а с помощью своей дружины; в былинне же Илья действует один. Образ богатыря успел соединить в себе все качества его дружины.

То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в «Слове» и в других случаях. Святослав Киевский «притрепаль» коварство половцев «своими сильными плѣкы и харалужными мечи»; Всеволод Суздальский может «Донъ шелома выльяти», — конечно, не своим одним шлемом, а многими шлемами своей дружины. Также и Ярослав Осмомысл заступает королю путь своим войском. Дружина еще присутствует в

Поражение войска Игоря Святославича. Миниатюра Радзивилловской летописи. Конец XV в. (воспроизводит оригинал XII в.).

«Слове», но она уже служит фоном для главного героя — князя. Как на старинных иконах и миниатюрах: герой велик в своих размерах, и он изображен на первом плане, дружина же изображена не крупно, очень условно и на втором плане.

Итак, художественная система «Слова» тесно связана с русским народным творчеством. Тем не менее «Слово о полку Игореве» — произведение письменное, а не устное. Как бы ни были в нем сильны элементы устной речи и народной поэзии, «Слово» все же писалось, и писалось как литературное произведение. «Слово» — не запись устно произнесенной речи или спетой исторической песни. «Слово» было с самого начала написано его автором, хотя автор и «слышал»

все то, что он писал, проверял на слух его ритм, звучание.

Письменное происхождение «Слова» сказывается прежде всего в смешении различных приемов устного народного творчества. В «Слове» можно найти близость и к устной причети, и к былинам, и к славам, которые пелись князьям, и к лирической народной песне. Такого смешения фольклор не знает. Жанры в фольклоре строго разграничены. Лирическая песнь никогда не вставляется в былинку; в причети не может оказаться кусок исторической песни. Не знает фольклор и того сложного построения, каким отличается «Слово». В особенности противоречат фольклору постоянные и типичные для «Слова» обращения от современности к прошлому. Наконец, в

«Слове» имеются и отдельные книжные выражения: «растѣкашется мыслю по древу», «скача, славию, по мыслену древу», «истягну умъ крѣпостию своею», «свивая славы оба пола сего времени, рища въ тропу Трояню», «спаль князю умъ похоти» и некоторые другие. Замечательно, однако, что все немногие сложные и искусственные книжные обороты встречаются по преимуществу в начале «Слова».

Из всех частей «Слова» его первая часть — там, где автор колеблется в выборе своей манеры, — ближе всего стоит к книжной традиции, хотя и не подчинена ей целиком. С развитием действия автор «Слова» отбрасывает все эти отдельные искусственные элементы книжной речи и пишет так, как говорит: горячо, страстно, проникаясь единственным стремлением убедить, взволновать, возбудить в своих читателях патристические чувства. Автор как бы стремится освободиться от этих книжных, искусственных оборотов. Перед нами, таким образом, не следование традициям книж-

ности, а отход от этих традиций, отход, который совершается в «Слове» тут же, как бы на глазах у читателей, по мере того как голос автора крепнет в его обращении к своим современникам. Вторая часть «Слова» почти лишена элементов книжности.

Как бы ни была сложна художественная структура «Слова», как бы ни было тесно связано «Слово» с самыми разнообразными формами народной поэзии, с самыми разнообразными стихиями устной речи (с лексикой феодальной, военной, правовой, сельскохозяйственной и т. д.), поэтическая система «Слова» отличается строгим единством. Это единство обусловлено тем, что вся терминология, все формулы, все символы и привычные образы подверглись в «Слове» поэтической переработке, все они конкретизированы, образная сущность их подчеркнута, все они в своей основе связаны с русской действительностью XII в. и все они в той или иной мере подчинены идейному содержанию произведения.

Система художественных образов «Слова» зависит от образности обыденной, деловой русской речи XII в. Автор «Слова» использует образы, которые уже существовали в феодальном быту, в военной лексике, в народной речи и в народной поэзии. Художественное творчество автора «Слова» состоит во вскрытии того образного начала, которое заложено в устной речи, в специальной лексике, в символике феодальных отношений, в действительности, в общественной жизни и в подчинении этого образного начала определенному идейному замыслу. Автор «Слова» отражает жизнь в образах, взятых из этой самой жизни. Он пользуется той системой образов, которая заложена в самой общественной жизни и отразилась в речи устной, в лексике феодальной, военной, земледельческой, в символическом значении самих предметов, а не только слов, их обозначающих. Привычные образы получают в «Слове» новое звучание. Этот по-новому использованный знакомый уже читателю образ получает особенную убедительность. Русский читатель узнает в нем свое, близкое ему, выношенное своим собственным жизненным опытом. Образ, заложенный в термине, автор «Слова» развивает, раскрывает и превращает в поэтический, подчиняя его идейной структуре всего своего произведения в целом. В этом раскрытии красоты привычного образа и проявляется его гениальное творчество.

Это рождение идейно насыщенного поэтического образа из образа, имевше-

гося уже в обыденной речи, может быть особенно ясно показано на одном примере. Автор «Слова» пишет, что после поражения на Каяле «встала обида въ силахъ Дажьбожа внука (в русских войсках), вступила дѣвою на землю Трояню (на Русскую землю), всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону; плещучи, убуди жирня времена (прогнала времена обилия)». Слово «обида» в значении нарушений феодальных прав, прав князя, княжества или всей Русской земли было одним из самых распространенных выражений в феодальном быту своего времени. В «Слове о полку Игореве» слово «обида» имеет не столько значение «нарушение феодальных прав», сколько более распространенное в народной лексике — значение «горя», но выражение «встала обида» типично феодальное. Это термин, означающий возникновение раздора, феодальной войны. И вот из конкретного, зрительного восприятия этого образа в «Слове» рождается художественный образ. Он рождается на глазах у читателя, последовательно становясь все более и более конкретным. Обида «встает» в силах Дажьбожа внука, т. е. в русских войсках, и читатель еще колеблется — признать ли это выражение «встала обида» за обычный феодальный термин или за конкретный образ, но уже следующие затем слова облекают эту «обида» в облик девы — «вступила дѣвою на землю Трояню». Наконец, образ девы Обиды становится еще более конкретным — у девы Обиды оказываются лебе-

дные крылья, которыми она прогоняет с Руси времена обилия.

Так из обычной феодальной лексики рождается зрительно-наглядный образ, но и самый этот образ глубоко народен: в ином значении, в ином идейном контексте, но сходный по своему внутреннему, эмоциональному содержанию, он встречается и в устной народной поэзии:

Знать, Судинушка по бережку ходила,
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани Судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.

Или:

Эта белая лебедушка
Поднималась от синя моря
На своих крыльях лебединых,
Садилась она на черлен корабль,
Обернулась красной девицей.

Такое же раскрытие художественной сущности обыденных феодальных терминов видим мы и в обращении к Всеволоду Суздальскому: «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!» Этими словами автор определяет многочисленность и силу войска Всеволода, но их значение станет для нас понятным до конца, когда мы примем во внимание военную символику того времени: выпить шлемом воды из реки, напоить коней водой из реки было символом победы над страной, расположенной по этой реке. Всеволод, следовательно, настолько силен, что он может не только выпить воды из Дона (т. е. победить половцев по Дону) и из Волги (т. е. победить волжских болгар), но он может иссушить эти реки. Этот древнерусский символ победы неоднократно в образной форме использован в «Слове». Святослав Киевский в своем походе 1184 г. одержал победу над половцами в Половецкой степи — «взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота»; половцы подошли к Переяславу-Русскому, и уже бо Сула не

Спас Нерукотворный. Икона из Успенского собора Московского Кремля.
Середина XII — начало XIII в.

течет серебряными струями къ граду Переяславу»; литовцы одержали победу над Полоцком, и «Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганныхъ». Игорь, призывая свою дружину выступить в поход на половцев, говорит им: «Съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

Неоднократно говорится в «Слове» о мече, о стягах, о копьях, и каждый раз — во всей их сложной феодальной символике. Меч в Древней Руси был символом войны, символом княжеской власти, символом чести. Олег мечом крмолу ковал — злоупотреблял своей княжеской властью; хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы подклонили головы свои под харалужные мечи Романа и Мстислава — признали себя побежденными.

Стягами в Древней Руси подавали знаки войску. Поднятый стяг служил символом победы, поверженный стяг — поражения. Автор «Слова» так призы-

вадет обе враждующие стороны (русских князей-ярославичей и русских князей — потомков Всеслава Полоцкого) признать свое поражение в междоусобной войне: «Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи верезени».

В этом использовании феодальной символики, в умении показать ее поэтический блеск и значительность и состоит один из элементов особой доходчивости художественной формы «Слова».

В древней русской литературе нет стремления к изобретению все новых и

новых художественных средств и художественных образов. В ней есть особая художественная «стыдливость». Авторы часто прибегают к традиционным образам и средствам. «Слово» не составляло в этом отношении исключения, но пользовалось оно не только традиционными литературными и фольклорными художественными средствами, но и традиционной феодальной символикой, символикой бытовой, перешедшей отчасти в терминологию, в обычную устную речь.

В «Слове» несколько раз упоминаются языческие боги: Велес, Дажьдбог, Стрибог, Хорс. Вместе с тем «Слово» явно написано поэтом-христианином: Игорь по своему возвращении из плена едет к церкви Богородицы Пирогошей. Как же совмещаются в авторе «Слова» язычество и христианство? Это совмещение очень типично для Древней Руси. Его принято называть двоеверием.

Что такое это двоеверие? Простое соединение двух вер вряд ли вообще возможно, тем более что христианство в XII в., как и в последующем веке, активно боролось с языческой религией, с ее остатками в народе. Элементы язычества начали приходить в соединение с христианскими верованиями только тогда, когда они перестали осознаваться в народе как противостоящие христианству. Язычество как система верований, притом враждебная христианству, должно было исчезнуть прежде, чем могло появиться двоеверие. Это исчезновение язычества как последовательной системы верований могло совершиться только спустя известное время после победы христианства: не ранее конца XI — начала XII в.

Просматривая церковные обличения язычества с XII по XVII в., мы заметим, что в них осуждается не вера в язычество богов, а исполнение языческих обрядов. А это далеко не одно и то же. Языческий обряд не только в XII в., но и гораздо позже продолжает жить в народе, независимо от самого язычества: он постепенно приобретает игровую, раз-

влекательную и эстетическую функцию: обрядовая песнь становится фактом эстетического сознания в большей степени, чем религиозного. Именно этим переключением языческого обряда в сферу народной эстетики и малоосознанного суеверия и объясняется, с одной стороны, его живучесть (в отдельных случаях вплоть до XX в.), а с другой — легкость, с которой он вступает в связь с обрядовой стороной христианской религии. Такое переключение языческой обрядности не могло совершаться в конце X — начале XI в., когда связь между языческим обрядом и языческой религией как религией, противостоящей христианству, ощущалась еще слишком сильно. Оно стало реальным фактом начиная только с периода феодальной раздробленности, когда христианизация населения сделала особенно большие успехи.

Конечно, речь может идти лишь об отрицании веры по преимуществу в главных языческих богов (в Перуна, в Волоса, в Хорса, в Дажьдбога и т. д.), воспринимавшихся как главные противники христианства. «Низшая» же мифология язычества — вера в домовых, род, рожениц и мн. др. — еще долго остается в сознании людей, утратив, впрочем, в значительной мере свою силу. Однако сознание единства совокупности отдельных верований, неизбежно присутствующее в каждой религии, если только она осознается как религия, утрачено уже навсегда. Никто из выполнявших в XII — XIII вв. языческие обряды и веривших в род, рожениц и домовых не противоп-

ставлял их христианству, как нечто равноправное ему, и в этом было одно из главных условий прочности так называемого двоеверия.

Густынская летопись, говоря о Коляде, сообщает: «Сему бесу в память простая чадь сходитяся в навечерие рождества Христова, а поют песни некия, в них же аще о рождестве Христовом поминают, а болше Коляду беса величают». Конечно, «беса» и языческого бога распознал в Коляде летописец, «простая» же «чадь» пела Коляде «песни некия», выполняя веселый, традиционный обряд, не осознавая в полной мере его языческого характера, — потому-то и «поминала» в этих песнях о рождестве Христовом.

Вот почему и сам летописец, несмотря на весь свой христианский ригоризм, не прочь определить время описываемых им событий то языческим Корочуном (самый короткий день в году — солнцеповорот, сопровождающийся языческими обрядами), то языческой Радунницей (время поминовения умерших), то языческой Русальной неделей (также праздник поминовения умерших) и т. д. Он так же двоеверен, как и автор «Слова».

Автор «Слова» не верит в языческих богов так, как бы в них верил язычник. Для него языческие боги — это символы природы, художественные обобщения. Он одушевляет явления природы, деревья, солнце, ветер, реки, одушевляет даже города и их стены («Уныша бо градомъ забрали», — говорит автор, описывая последствия поражения Игоря). Он персонифицирует и одушевляет отвлеченные понятия: обиду, приобретающую образ девы с лебедиными крыльями, тоску и печаль — Карну и Желю.

Все эти одушевления, элементы анимизма и язычества в «Слове» — явления не столько религиозного, сколько художественного порядка.

Когда автор «Слова о полку Игореве» передает беседу Игоря с Донцом, он, конечно, не предполагает, что эта беседа

имела место в действительной жизни. Эта беседа — художественное обобщение, она символизирует в широком смысле дружественное отношение русской природы к Игорю. Природа поэтически, а отнюдь не реально оживает в «Слове». Это поэтическое одухотворение природы только генетически восходит к первобытному анимизму, но само по себе этим анимизмом не является.

Автор «Слова» только поэтически одухотворяет природу и только поэтически видит в ней живое существо, сочувствующее русским. Нельзя себе представить, чтобы автор «Слова» на самом деле верил в то, что деревья реально оплакивают юношу Ростислава, «съ тугою» приклоняясь до земли, что дева Обида реально «плескала» крыльями на синем море у Дона, что печаль действительно «текла» «среди земли» русских. Не может подлежать сомнению, что и языческие боги, упоминаемые в «Слове», — это художественные образы, обладающие для автора сильной поэтической окраской, а не реальные культовые понятия. Автор «Слова» — христианин, а не язычник. Он не верит в языческих богов, как не верит в реальность разговора Игоря с Донцом.

Языческие боги — художественные образы, поэтические понятия. Автор «Слова» называет ветры «Стрибожими внуками», говорит о русском народе как о «Дажьбожем внуке». «Велесовым внуком» он называет Бояна. Перед нами поэтические парафразы. Языческие образы приобрели для автора «Слова» художественное значение. Он пользуется этими языческими понятиями наряду с одушевлением природы — рек, деревьев, ветра, солнца. Вернее, языческие боги для автора «Слова» — это часть одушевленной природы. Это одухотворение чисто художественное и отнюдь не культовое.

Таким образом, в «Слове», как и в народном творчестве его времени, — на-

лицо отступление от язычества; многие языческие элементы осознаются как элементы чисто поэтические. В этом отношении «Слово о полку Игореве» отражает процесс разложения язычества и переход к двоеверию.

В научной литературе есть и другая точка зрения: предполагают, что автор

«Слова» верил решительно во все, о чем он пишет, и во всех языческих богов, которых он упоминает. Но вряд ли в XII в. язычество так твердо занимало все свои позиции. Автор «Слова» переходил уже к двоеверию и на многое в язычестве смотрел только как на художественное обобщение.

ИСКУССТВО

«Слово о полку Игореве» — произведение очень небольшое, но по этому небольшому произведению мы можем судить об огромном богатстве и даже роскоши языка его автора. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения.

Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блестят — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничит»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою» и т. д. Персты не просто кладут на струны — их «воскладывают», и струны «рокочут» славу. Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю». Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, т. е., «лелеючи», помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей Ярославны, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца.

Автор «Слова» очень скуп на эпитеты, но зато употребленные им — поразительно метки: «жемчужная душа», «теплые туманы» («мглы»), «живые струны». Первый эпитет выбран автором не случайно — он связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь, в одиночестве умирая на поле

битвы от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (т. е. через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочат славу. Искусная игра всегда производит впечатление полной непосредственности, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Струны у него «рокочут». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева, они «выются». Телеги у него не скрипят, а «крычат», как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят».

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, типичным для эпохи подъема древнерусской живописи. Трава у него — это «зеленая паполома». На «черленные» щиты у него «брешут» лисицы: их раздражает красный цвет. Золотой шлем Всеволода «посвечивает» в битве. Отдельные сцены автор «Слова» видит в красках. Среди до-

бычи — всякого половецкого «узорочья»: золота, поволок, драгих аксамитов, япончиц и кожухов — Игорю достались «чрьлень стягъ, бѣла хорюговъ», «чрьлена чолка, сребрено стружие». Надвигающаяся гроза перед битвой описана не менее яркими красками: «Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучи съ моря идуть... а в них трепещуть синии мльнии». Зрительно эффектные образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, жемчужной души, изроченной через золотое ожерелье, черной земли, политой красной кровью.

Зрительные образы «Слова о полку Игореве» типичны для средневековья. Многие из них напоминают изображение на иконах или на миниатюрах, где представлены по преимуществу церемониальные положения, торжественные ситуации. Ярослав Осмомысл сидит высоко на своем златокованом престоле и занят княжеским делом: судит, управляет войском и княжеством. Всеволоду Суздальскому автор «Слова» предлагает прилететь на свою отчину (ср. изображение летящего на грифах Александра Македонского в Успенском, Дмитриевском соборах и Всеволода Суздальского во Владимире). Князья — Рюрик и Давыд, Ингварь и Всеволод и «все три Мстиславича», Роман и Мстислав, Ярослав Всеволодович Черниговский — постоянно изображаются со своей дружиной, о вооружении которой непременно говорится. В церемониальных положениях изображается Игорь Святославич: он вступает в стремя, ведет войска к Дону, сидит в золотом кресле, а затем в седле кощевом, торжественно возвращается в Киев. Его брат Всеволод изображен в битве посвечивающим своим золотым шлемом и

поражающим врагов. Враг изображается поверженным перед престолом победителя: Кобяк пал в гриднице Святослава. Побежденные преклоняют головы, вкладывают в ножны поврежденные мечи, склоняют стяги, бросают оружие. Со всем как на миниатюре Радзивилловской летописи¹, изображены окружающие Русь народы — немцы и венецианцы, греки и моравы: они поют славу Святославу и оплакивают князя Игоря. Пение славы и плач по убитым или попавшим в плен — это тоже своеобразные церемониальные положения, в которых изображали обычно люди древнерусские художники. Славу поют въезжающему в Киев Игорю. Ярослава плачет по Игорю на городской стене. Славу поют русские девицы на Дунае и готские красные девы на Черном море. Плачут жены русских воинов. Плачут русские города. В своеобразных церемониальных положениях изображается даже природа: приклоняются в печали трава и деревья (ср. склонившееся дерево на иконе «Троицы» Рублева). Все это зрительные образы, родственные изобразительному искусству и, что особенно важно, изобразительному искусству средневековому, стремящемуся изображать мир как бы «позирующим» зрителю только в строго определенных, церемониальных моментах, когда он больше всего отражает свою «извечную» сущность.

Совершенно поразительна средневековая любовь к оружию. Оружейная терминология «Слова» очень богата. Сабли в «Слове» «гремят» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам, они ранят. Сабли каленые и изостренные. Мечи «цвелият» Половецкую землю, ими «гремят»

¹ Знаменитая русская Радзивилловская летопись имеет более 600 миниатюр, изображающих различные события русской истории X—XII вв., в том числе и событие похода Игоря Святославича на половцев. Летопись эта пере-

писана с более древнего оригинала в конце XV в. Миниатюры также копировались с более древних оригиналов (см.: Лихачев Д. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 433—437).

и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием можно «доткнуться» до престола. Стрелы бывают «каленные», «острые» и «золоченые». Они «летят». Ими «прыщут» и «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мьчат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) лядские, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («калены», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто тем не менее прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же мчатся, «рассушась» по полю, русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Сродни этим военным образам образы, заимствованные из охотничьего быта. Игра на струнном инструменте сравнивается в «Слове» с соколиной охотой на лебедей. Сам Игорь неоднократно называется соколом: и тогда, когда он далеко залетел к морю, и тогда, когда он бежит из плена. С соколами сравниваются и другие русские князья. Два сокола — Олег и Святослав, которым половецкие сабли «припешали» их крыльца (т. е. подрубили часть крыльев, лишили их возможности летать, сделали «пешими»). Роман сравнивается с парящим соколом, стремящимся в азарте охоты одолеть свою добычу.

Художественная наблюдательность автора «Слова» обильно заимствует свои образы из обихода соколиной охоты, служившей в Древней Руси и для удовлетворения эстетических потребностей¹.

¹ О красоте соколиной охоты много говорится в «Уряднике сокольников» пути царя Алексея Михайловича». В отрывках издан в

кн.: Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 567—572.

ГЛАВА 14 РИТМИЧНОСТЬ «СЛОВА»

В науке не раз делались попытки разложить текст «Слова» на стихи, найти в «Слове» тот или иной стихотворный размер.

Одни пытались разложить «Слово» на трохеи и амфибрахи, другие находили в нем дактило-хореические гекзаметры. В ритмике «Слова» усматривали родство с ритмикой украинских дум, с аллитерационным стихом скандинавских скальдов, с ритмом византийской церковной песни, со стихом русских былин и т. д. и т. п.

Уже одно перечисление тех стихотворных форм, с которыми сопоставлялось «Слово», отчасти разъясняет несостоятельность попыток найти в «Слове» какую-либо определенную стихотворную систему. «Слово», конечно, не написано по законам современного нам стихосложения. Оно ритмично, но ритмическая система «Слова» глубоко своеобразна и принадлежит своему времени — XII веку.

Ритм «Слова» в основном связан с синтаксическим построением фраз, неразрывен со смыслом, с содержанием текста. Тревожный ритм коротких синтаксически-смысловых единиц превосходно передает волнение Игоря перед бегством: Игорь спитъ,

Игорь бдитъ,

Игорь мыслю поля мѣритъ.

Или: Кликну;

стукну земля,

въшумѣ трава,

вежи ся половецкии подвизашася.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача — чув-

ствуется в обращениях Ярославны к солнцу и ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!

Ты пробилъ еси каменные горы
сквозъ землю Половецкую.

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави
насады до плѣку Кобыкова.

Възлелѣй, господине, мою ладу къ
мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

Бодрый и энергичный ритм мчащегося войска чувствуется в описании черниговских кметей:

подъ трубами повити,
под шелома възлѣлѣяни,
конецъ копия въскрѣмлени,
пути имъ вѣдоми,
яругы имъ знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влѣци в полѣ,
ищучи себе чти, а князю славу.

Торжество победы русских над половцами превосходно передано энергичной фразой, лишенной сказуемого и потому производящей впечатление радостного возгласа, выкрика:

Чрълень стягъ,

бѣла хорюговъ,

чрълена чолка,

сребрено стружие —

храброму Святъславличю!

Вместе с тем ритмичность «Слова» теснейшим образом связана со всей его композицией. Ритмично все построение

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз:

ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбри русичи.

Что ми шумить,
что ми звенить.

Уже бо, братие, не веселая година
въстала,
уже пустыни силу прикрыла.

Притопта хълми и яругы,
взмути рѣки и озера,
иссуши потоки и болота.

Унылы голоси,
понице веселие,
трубы трубятъ городеньскийи,
Всеслав-князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска» и т. д. Не случаен также в «Слове» и синтаксический параллелизм:

Существенное значение в «Слове» имеет также ритмическое равновесие: несколько коротких синтаксических единиц сменяются одной или двумя длинными; несколько длинных заключается одной или двумя короткими. Перед нами в «Слове» строго выработанная система кадансов, благодаря которой каждый раздел «Слова» имеет свой ритмически законченный рисунок.

Дѣти бѣсови кликомъ поля
прегородиша,
а храбрии русици преградиша
чювленными щиты.

Рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нѣ часто врани граяхуть.
Коли Игорь соколомѣ полетѣ,
тогда Влурѣ влѣкомѣ потече.

Итак, гибкий ритм «Слова» подчинен содержанию. В этом точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

«СЛОВА»

«Слово о полку Игореве» отмечено печатью особой человечности, особенно внимательного отношения к человеческой личности. Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя восклицаниями горя: «О! далече заиде соколъ, птиць бя, — къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити!»; «О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвную годину и прѣвных князей!» Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляя ее отзываться на все происходящее среди людей. Чувства автора «Слова о полку Игореве» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, что этими же чувствами, этими же переживаниями наделено и все окружающее: животные, деревья, трава, цветы, вся природа и даже забралы городов щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы оказываются удесятѣренными в силе.

Автор «Слова» с осязательной живостью рисует углубление русского войска в степь и дважды восклицает: «О Руская земле! уже за шеломянемъ

еси!» Только бывавший в походах мог с такой точностью передать душевные переживания воинов, уходящих за пределы родной земли, прощающихся с родиной.

Автор «Слова» как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет и не может осознать внезапно надвинувшегося поражения, несмотря на всю его очевидность; он восклицает: «Что ми шумить, что ми звѣнить далече рано предъ зорями?» Только переживший сам душевную утрату мог с такою психологической верностью передать свое смятенное состояние, свое нежелание поверить в случившееся несчастье.

Автор «Слова» с исключительной внимательностью проникает в душевные переживания своих героев. Во всей сложности предстают перед нами противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отчески любит их и отчески упрекает их за безрассудную затею похода на половцев без сговора с отдельными русскими князьями: «Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ».

Автор «Слова» понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптавъ «поганые» полки половецкие, «помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орѣтьмами и япончицами и кожухы начаяша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякими узорочьи половецкыми». И одновременно с этим сочувственным понима-

нием удали воинов автор «Слова» с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своему мужу. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере.

Автор «Слова» сочувственно понимает предпочтение смерти плену, высказанное Игорем в начале похода. Он с удивительной человечностью говорит об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы на кровавой траве: не было с ним его братьев, в одиночестве изронил он свою жемчужную душу через золотое ожерелье.

Человечность «Слова» проявляется разнообразно и сильно. Она сказывается и в характеристиках действующих лиц: выразительных, кратких и удивительно различных. При всей мимолетности замечаний, которые автор «Слова» в своей лирической торопливости бросает о действующих лицах произведения, в «Слове» нет и двух одинаковых действующих лиц. Каждый из многочисленных героев «Слова» наделен собственными чертами. В них подмечено самое существенное, и это существенное воплощено в произведении самыми разнообразными художественными средствами. Образ «соловья старого времени» раскрыт характеристикой его художественной манеры. Образ Ярославны воплощен в ее лирической песне. Описание воинской готовности «свѣдомыхъ кметей», курских воинов Всеволода Буй Тура, является одновременно и их лучшей характеристикой.

Наблюдательностью и внимательным отношением к человеческой личности отмечены отдельные эпитеты, которыми наделены в «Слове» его действующие лица. Ярослав Мудрый назван старым, и этим подчеркнут не только его возраст, не только то, что он жил в старые (прежние) времена, но и его опыт, ум. Его брат Мстислав Владимирович Великий, вступивший в единоборство с врагами

Русской земли, назван храбрым. Роману Святославичу придан эпитет «красный», т. е. красивый. Мужественный и сильный брат Игоря Всеволод назван Буй Туром и Яр Туром. Жена Всеволода — его «милая хоть», «красная»; мудрого и прозорливого Бояна автор «Слова» называет вещим, воинов Романа Мстиславича — железными и т. д.

Особенно любит автор «Слова» эпитет «храбрый». Храбрые у него не только Мстислав, Игорь, Борис Вячеславич, храбрыми названа не только дружина, ольговичи, все русские сыны — «руси-чи», — даже самая мысль Романа Мстиславича храбрая. В этом сказалось особое пристрастие автора «Слова» к воинским доблестям.

Автор «Слова» находит глубокое человеческое содержание во всем, что оставалось на себе его внимание. Глубокой человечностью веет на нас от пейзажа опустелой пашни. Печальная картина заброшенной нивы, на которой вместо покрывающего ее на свою лошадь пахара только вороны граят, «трупиа себѣ дѣлаче», а галки «свою рѣчь говоряхуть», собираясь полететь на добычу, — до боли сжимает сердце читателя и воспринимается как своеобразный плач автора о русском народе.

Эта необыкновенная чуткость автора «Слова» к человеческому страданию, его большое и умное сердце не могли не привлечь его к народному горю — к бедствиям трудового русского населения. Народность и гуманизм произведения — это, в сущности, две стороны одного и того же. Благодаря им «Слово» живет и для нас, продолжает волновать нас и до сих пор.

Но чувства автора «Слова» не оторваны от эпохи, от условий, их породивших, от родины, их воспитавшей. Автор «Слова» — русский прежде всего. Его чувства целиком подчинены всепроникающей любви к родной ему Русской земле. Именно эта Русская земля яви-

лась главным героем его произведения. И именно эта любовь к родине, к русским людям до предела усилила его чувства, сделала их сложными, обострила его слух, зрение, его поэтическое воображение. Именно она, любовь к родине, являлась его подлинной вдохновительницей.

Любовь к родине и к «русским сынам» помогла автору «Слова» проникнуть в думы русских воинов, переступивших границу Русской земли у «шеломяни».

Любовь к родине и к безвестным нам «русичам» из храброго полка Игоря помогла ему ощутить тревогу мучительно долгой ночи накануне сражения.

Любовь к родине раскрыла ему скорбные переживания Ярославны, наполнила его сердце жгучим горем о погибших русских воинах.

Любовь к родине и к русскому народу позволила автору «Слова» подглядеть и подслушать своим творческим воображением и беседу Игоря с Донцом, и пение дев на Дунае, и тревожные знамения природы, и радость русских городов и сел по поводу возвращения Игоря из плена, и даже злобный и торопливый разговор ханов Гзака и Кончака, гонящихся за Игорем.

В основе гениальной наблюдательности автора «Слова», в основе силы и све-

жести его человеческих чувств лежала его любовь к родной ему страдающей земле. Любовь к родине водила его пером и определила глубокую народность содержания и формы «Слова».

Она же, любовь к родине, высоко подняла его над пределами своего времени, сделала его произведение бессмертным и общечеловеческим, народным и гуманистическим, полным горячего лиризма и самой трепетной художественной правды.

Сила любви к родине, к Русской земле, покоряет читателей «Слова». Чувство это пронизывает собой все произведение. Оно проступает в каждой строке. Оно наполняет сердце читателя жгучим горем при описании поражения русского войска, гордостью за свою родину при описании силы и смелости ее князей, острой ненавистью к ее врагам в рассказе о разорении Русской земли. Любовь к родине определила выбор художественных средств в «Слове», усилила наблюдательность ее автора, вдохнула в него подлинное поэтическое одушевление, придала высокую идейность его произведению.

Вот почему значение «Слова» так безмерно выросло в наше время. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех людей, беззаветно преданных своей родине.

Умирая, человек продолжает жить, — он живет в своих делах. И важно при этом то, что в человеке жило, живет и будет жить только лучшее. Худшее не наследуется в широком смысле этого слова, оно не имеет длительных национальных традиций, оно непрочное, оно легко возникает, но еще быстрее исчезает. Лучшее же в человеке бессмертно. Еще более это относится к жизни памятников искусства. Произведения искусства воплощают в себе длительные народные традиции. Они продолжают жить и за пределами своей эпохи. В лучших своих произведениях — произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле слова — искусство не знает старения. Наиболее высокие произведения искусства продолжают быть современными столетия и тысячелетия. Современность искусства — это все то, что сохраняет свою идейную и эстетическую действительность, все то, что читает, смотрит и слушает народ в данный момент, независимо от того, в какое время были созданы эти произведения искусства.

История искусства и, в частности, история литературы резко отличается от общей истории. Ее процесс — не процесс простого, прямолинейного изменения, а процесс накопления и отбора лучшего, действенного. Наиболее совершенные произведения искусства и, в частности, литературы продолжают участвовать в жизни народа и в жизни его литературы.

Вот почему «Слово о полку Игореве», продолжающее жить в сотнях произведений русской литературы XIX и XX вв., мы вправе считать произведением не только древней, но в известной мере и современной литературы. Оно живо и действенно, заражает своей поэтической энергией и воспитывает идейно, учит литературному мастерству и любви к родине.

Более чем семь с половиной веков живет «Слово о полку Игореве» полнокровной жизнью, и сила его воздействия не только не ослабевает, но все возрастает и расширяется. Такова власть над временем «Слова», его живой связи с мировоззрением и творчеством всего народа.

КАК ЧИТАТЬ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Из двух сохранившихся воспроизведенений погибшей рукописи «Слова о полку Игореве» — писарской копии, составленной для Екатерины II, и издания 1800 г., — лучшим является издание 1800 г. Оно было сделано более тщательно. Оно и положено в основу печатающегося ниже текста «Слова о полку Игореве». Однако в текст этого первого издания внесен ряд поправок: во-первых, тогда, когда текст копии, составленной для Екатерины II, лучше передает текст погибшей рукописи, и, во-вторых, тогда, когда текст первого издания явно ошибочен (эти ошибки частично отмечены в нашей книжке).

Буква «і» заменена в нашем издании буквой «и», так как «і» была поставлена в первом издании только по правилам орфографии XVIII в., не соответствовавшим обычностям древнерусских писцов. Буква «ѣ» (ять) сохранена; ее следует произносить как «е». Читая «Слово», следует иметь в виду, что орфография в древнерусском языке не была окончательно устоявшейся, что одно и то же слово писалось иногда по-разному.

Пунктуация поставлена во всех изданиях «Слова» современная (современной своему времени, концу XVIII в., была пунктуация и в двух упомянутых выше воспроизведениях погибшей рукописи: в копии, составленной для Екатерины II, и в первом издании. В древнерусских рукописях пунктуация не похожа на нашу и не имела точных правил).

Печатающийся текст «Слова» имеет целью показать, как следует произносить его. Для этого в нем расставлены ударения и произведена разбивка на абзацы.

Ударения в тексте «Слова» расставлены так, как текст принято было произносить в XIX и начале XX в.: согласно литературной традиции того времени. Для меня лично образцом в этом отношении служит то, как произносил текст «Слова» замечательный знаток русской живой речи академик А. С. Орлов. А. С. Орлов был учеником С. О. Долгова и воспринял традицию произношения «Слова», как он сам говорил, восходящую к Ф. И. Буслаеву и В. О. Ключевскому (последнего А. С. Орлов слышал многократно и умело воспроизводил его произношение).

Я ставлю ударения согласно традиции, образовавшейся в XIX в., и не пытаюсь восстановить ударения XII в. — времени создания «Слова», так как историческая акцентология изучена еще слишком мало. Даже если бы удалось бесспорно восстановить ударения XII в. в тексте «Слова», — произносить их было бы слишком трудно и в ряде случаев непривычно. В томе XXXI «Трудов Отдела древнерусской литературы», специально посвященном «Слову», печатается статья проф. В. В. Колесова, в которой он делает попытку восстановить ударения «Слова» XII в. К этой статье я и отсылаю интересующихся. Здесь же я даю только принятые, традиционные ударения.

При чтении древнерусского текста «Слова о полку Игореве» следует иметь в виду, что сочетания «лъ», «ръ» в середине слов следует по большей части читать как «ол», «ор», «ер». В скобках я даю традиционное произношение этих сочетаний.

В церковнославянских текстах не было звука «ё», но язык «Слова» не церковнославянский, а древнерусский и этим, очевидно, объясняется, что А. С. Орлов произносил во многих случаях «е» под ударением как «ё» — там, где оно так же произносится в современном русском литературном языке.

Конечное «ъ» не следует произносить за исключением некоторых случаев, отмеченных нами в тексте «Слова» в скобках.

Текст «Слова» разбит мною на абзацы по смыслу и на ритмические единицы — как они мне представляются. Этой разбивки в подлинной рукописи «Слова», разумеется, также не было. В русских рукописях XI—XVII вв. текст писался в сплошную строку, часто даже без разделения на слова (во всяком случае предлог обычно не отделялся от последующего существительного или глагола).

Надеюсь, что печатающийся текст «Слова» с расстановкой ударений, указаниями на произношение и с разбивкой на ритмические строки поможет читателю этой книги правильно, согласно образовавшейся традиции произносить текст «Слова» вслух.

Слово о полку (полку) Игоревѣ.
Игоря, сына Святъслáвля (Святослáвля),
внѹка Ольгова

Не лѣпо ли ны бѣшетъ, брáтие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстий о полку (полку) Игоревѣ,
Игоря Святъслáвлича (Святослáвлича)?

Начати же ся тыи (тоѣ) пѣсни
по былинамъ сего вѣмени,
а не по замыслѣнию Бояню.

Боянъ бо вѣщй,
áще кому́ хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслию по дрѣву,

сѣрымъ вѣлкомъ (вѣлкомъ) по землѣ,
шѣзымъ орломъ подъ облакы.

Помняшетъ бо, речѣ,
първыхъ (първыхъ) вѣмѣнъ усобицѣ.
Тогда пушáшетъ 10 соколѣвъ на стадо лебедѣй:

котѣрыи (котѣрый) дотечáше,
тá предѣ пѣснь пояше —
старому Ярославу,
храброму Мстислáву,

иже зарѣза Редѣдю предѣ полкы (полкы) касѣжьскими,
красному Ромáнови Святъслáвличу (Святослáвличу).

Боянъ же, брѣтие, не 10 соколѡвъ
на стадо лебедѣй пушѣше,
нѣ (но) своѣ вѣщиа прѣсты (персты)
на живѣя струны вѣскладѣше (воскладѣше);
онѣ же сѣми княземъ слѣву рокотѣху.

Почнемъ же, брѣтие, повѣсть сѣю
отъ старѣго Владимѣра до нынѣшняго Игоря,
ѣже истягнѣ у мѣ крѣпостию своѣю
и поострѣ сѣрдца своего мѣжествомъ;
наплѣнѣся (наполнѣся), рѣтнаго дѣха,
наведѣ своѣ хрѣбрыя плѣкы (полкы)
на зѣмлю Половѣцкую
за зѣмлю рѣскую.

Тогда Игорь вѣзрѣ (возрѣ)
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тѣмою
всѣ своѣ вѣя прикрѣты.

И речѣ Игорь
къ дружѣнѣ своѣй:
«Брѣтие и дружѣно!
Лѣце жѣ бы потѣту бѣти,
нѣже полонѣну бѣти;
а всѣдемъ, брѣтие,
на своѣ брѣзыя (бѣрзыя) кѣмѣни,
да пѣзримъ
сѣнего Дѣну».
Спѣлъ князю у мѣ
пѣхоти

и жалость ему знамение заступит
искусити Дону великаго.
«Хощу бо, — рече, — копие приломити
конец поля Половецкаго;
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сна плъкы (полкы) ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая, умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища (рыща) въ тропу Трояню
чресь поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореву,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая —
галици стады бѣжать
къ Дону великому».

Чи ли воспѣти (воспѣти) было,
вѣщей Бояне,
Велесовъ внуке:
«Комони ржутъ за Сулою —
звенить слава въ Кіевѣ;
трубы трубятъ въ Новѣградѣ —
стоять стязи въ Путівлѣ!»

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:

«Одинъ брѣтъ,
одинъ свѣтъ свѣтлый —
ты, Игорь!
оба есвѣ Святъславлича (Святославлича)!
Сѣдлай, брѣте,
свой брѣзыи (бѣрзыи) комои,
а мой ти готоуи,
осѣдлани у Курьска напередѣ.

А мой ти куряни свѣдоми кѣмети (кѣмети):
подъ трубами повѣти,
подъ шелѣмы възлѣляни,
конѣць копия въскрѣмлени (вскѣрмлени),
пути имъ вѣдоми,
яругы имъ знаѣми,
лѣщи у нихъ напѣжени,
тули отворени,
сабли изѣострени (изѣострени);
саами скачѣють, аки сѣрыи вѣлци (вѣлци) въ полѣ,
ищѣчи себѣ чѣти, а князю славу».

Тогда вѣступи (вступи) Игорь князь въ златѣ стрѣмень,
и поѣха по чѣстѣму полѣу.
Сѣлнце ему тѣмѣю (тѣмѣю) пѣтъ заступашѣ;
нощѣ стѣнущи ему грозѣю пѣтъ убудѣ;
сѣистѣ звѣринѣ вѣста (вѣста),
збѣися дѣвъ —
клѣчетѣ врѣхѣ (врѣхѣ) дрѣва,
велѣтъ послѣшати — землѣ незнаѣмѣ,
Влѣзѣ (Вѣлзе),
и Помѣрику,

и Посулюю,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ (болван)!
А половци неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону великому:
крычать тѣлѣгы полунощы,
рци, лѣбеди роспущени.
Игорь къ Дону вои ведѣть!
Ужѣ бо бѣды его пасѣть птицѣ
по дубию;
вльци (волци) грозу въсрожать (восрожат)
по яругамъ;
орли клѣткомъ на кости звѣри зовутъ;
лисици брѣшутъ на чрьлѣныя (черлѣные) щиты.
О Руская землѣ! ужѣ за шеломянемъ еси!
Дльго (долго) ночь мръкнеть (мѣркнет),
Заря свѣтъ запала,
мъгла (мгла) поля покрѣла.
Щѣкотъ славий успѣ;
говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чрьлѣными (черлѣными) щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, а князю — славы.
Съ заранія въ пятѣкъ
потопташа поганыя плѣкы (полкы) половецкыя,
и рассушясь стрѣлами по полю [или: по полю],

помчѣша красныя дѣвки половецкыя,
а съ ними злато,
и паволоки,
и драгыя оксамиты.
Орьтмами (ортмами),
и япончицами,
и кожухы

начѣша мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ мѣстомъ,
и всякими узорочы половецкыми.

Чрьленъ стягъ,
бѣла хорюговъ,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храбро му Святъславличю (Святославличю)!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздѣ.

Далече залетѣло!
Нѣ было онѣ обидѣ порожденѣ,
ни соколу,
ни кречету,
ни тебѣ, чръный (чёрный) воронъ,
поганый половецине!
Гзакъ бежитъ стѣрымъ вълкомъ (волком).
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
крававыя зѣри свѣтъ повѣдаютъ:
чръныя (чёрныя) туча съ моря идуть,

хотѣть прикрыти 4 со́лнца,
а въ нихъ трепещуть сѣнии мльнии (молнии).
Быти гро́му вели́кому?
Итти дождю стрѣлами съ Дону вели́каго!
Ту́ ся копи́емъ приламáти,
ту́ ся са́блямъ потручѣти
о шелóмы полове́цкыя,
на рѣцѣ́ на Кая́лѣ,
у Дóну вели́каго!

О Рúская землѣ́! ужé за шелóмянемъ еси́!
Се вѣ́три, Стрибóжи внúци, вѣ́ютъ съ мóря стрѣлами
на хрáброя плѣ́кы (полкы́) Игоре́вы.
Земля́ тóтнеть,
рѣ́кы мúтно текúть,
порóси поля́ прикрывáютъ,
стѣ́зи глаго́лютъ:
пóловци идúть отъ Дóна,
и отъ мóря,
и отъ всѣ́хъ странъ Рúскыя плѣ́кы (полкы́) оступи́ша.
Дѣ́ти бѣ́сови кли́комъ поля́ прегороди́ша,
а хрáбрии рúсици преградѣ́ша чрѣ́леными (черлѣ́неными) щиты́.
Ярь ту́ре Всéволодѣ́!
Стойши на борóни,
прѣ́щеши на во́и стрѣлами,
грéмлеши о шелóмы мечѣ́ харалúжными!

Ка́мо, ту́рь, поско́чяше,
свои́мъ златы́мъ шелóмомъ посвѣ́чивая,
та́мо лежа́тъ пога́ныя го́ловы полове́цкыя.
Поскѣ́паны са́блями калѣ́ными шелóмы ова́рьскыя,
отъ тебѣ́, ярь ту́ре Все́володе!
Ка́я ра́ны дорога́, бра́тие, забы́въ чтí и живото́а,
и гра́да Чръни́гова (Черни́гова) о́тня зл́ата стола́,
и сво́я ми́лыя хо́ти, кра́сныя Глѣ́бовны
свы́чая и обы́чая?

Бы́ли вѣ́чи Троя́ни,
ми́нула лѣ́та Яросла́вля;
бы́ли плы́ци (полци́) О́льговы,
О́льга Святъсла́влича (Святосла́влича),
Ты́й (то́й) бо Оле́гъ мече́мъ крамо́лу кова́ше
и стрѣ́лы по земл́и сѣ́яше.
Ступа́етъ въ зл́атъ стреме́нь въ градѣ́ Тьмуторока́нѣ́,
то́й же зво́нъ слы́ша да́вный вели́кий Яросла́въ,
а сы́нъ Все́воложь, Влади́миръ,
по вся́ у́тра у́ши закла́даше въ Черни́говѣ́.
Бори́са же Вячесла́влича сла́ва на сúdé приведе́
и на Кани́ну зеле́ну папо́лому постла́
за оби́ду О́лгову (О́льгову),
хра́бра и мла́да кнѣ́зя.
Съ то́я же Ка́ялы Святоплѣ́къ (Святопо́лк) повелѣ́ я́ти отца́ своего́
ме́жду у́горьскими инохо́дци
ко святѣ́й Софи́и къ Кие́ву.
Тогда́, при О́лзѣ́ Горисла́вличи,
сѣ́яшется и растѣ́шеть усóбицами,
погиба́шеть жи́знь Дажды́бѣ́жа вну́ка;

въ княжіхъ крамо́лахъ вѣ́щи чело́вѣкомъ скрати́шась.
Тогда́ по Ру́ской землі рѣ́тко ра́таевѣ́ кикаху́ть,
Нѣ́ (но) ча́сто вра́ни гра́яху́ть,
                    тру́пна себѣ́ дѣ́ляче,
а га́лицы свою́ рѣ́чь говорѣ́ху́ть,
                    хотѣ́ть полетѣ́ти на уѣ́дие.

То́ было въ ты́ ра́ти и въ ты́ плѣ́кы (полкы́),
а си́цей ра́ти не слы́шано!
Съ за́рѣни до ве́чера,
съ ве́чера до свѣ́та
летѣ́ть стрѣ́лы калѣ́ныя,
грѣ́млю́ть са́бли о шело́мы,
треща́тъ ко́пѣя харалу́жныя
                    въ по́лѣ́ незна́емѣ́,
                    сре́дѣ́ землі́ Полове́цкыи.
Чрѣ́на (черна́) землі́а подѣ́ копы́ты ко́стѣми́ была́ посѣ́яна,
                    а кро́вию по́ляна:
туго́ю въздо́ша по Ру́ской землі́.

Что́ ми шумѣ́ть,
что́ ми зве́нѣ́ть ·
                    далече́ ра́но предѣ́ зорѣ́ми?
Иго́рь плѣ́кы (полкы́) завороча́етъ:
жа́ль бо ему́ ми́ла бра́та Все́волода.
Бѣ́шася де́нь,
бѣ́шася дру́гѣи;
тре́тьего днѣ́и къ полу́дню падо́ша стѣ́зи Иго́ревы.
Ту́ ся бра́та разлучѣ́ста на брѣ́зѣ́ бы́строй Ка́ялы;
ту кро́ваваго ви́на не до́ста;

ту пѣрь докончаша хра́брии рѹсичи:
свѣты попойша, а сѣми полегóша
за зѣмлю Рѹскую.
Ничѣть травѣ жалощами,
а дре́во с тугóю къ землѣ преклонѣлось.

Ужé бо, бра́тие, не весѣлая годѣна вѣстала (встала),
ужé пустыни сѣлу прикрѣла.
Вѣстала (Встала) обѣда въ сѣлахъ Дажьбóжа внѹка,
вступѣла дѣвою на зѣмлю Трояню,
всплеска́ла (всплеска́ла) лебеди́ными крылѣ
на синѣмъ мóре у Дóну;
плѣщучи, убѣди жи́рня вре́менѣ.
Усоби́ца княземъ на погáныя погы́бе,
рекóста бо бра́тъ бра́ту:
«Се моѣ, а то моѣ же».
И начѣша кня́зи про ма́лое
«се вели́кое» мльвити (мóлвити),
а сѣми на себѣ́ крамóлу кова́ти.
А погáнии съ всѣхъ стра́нъ приходжа́ху съ побѣ́дами
на зѣмлю Рѹскую.

О, далéче, зайдѣ со́колъ птѣцъ бѣя (бѣя),— къ мóрю!
А Йгорева хра́брого плѣку (полкѹ) не крѣсѣти!
За нѣмъ кли́кну Ка́рна, и Жлѣ́
поскочѣ по Рѹско́й землѣ,
сма́гу лю́демъ мѣ́чючи въ пла́мянѣ́ рóзѣ́.
Жѣ́ны рѹ́ския вѣспла́кашась (вспла́кашась), аркѹ́чи:
«Ужé намъ своѣхъ мѣ́лыхъ ла́дѣ
ни мѣ́слию смѣ́слити,

ни дѹмою сдѹмати,
ни очіма съглядати (соглядати),
а злата и сребра ни мало того потрепати ».

А вѣстонá (востонá) бо, брáтие, Кіевъ тугою,
а Черніговъ напáстми.

Тоска разлился по Рѹской землі;
печаль жирна течё средь землі Рѹскии.
А князи сáми на себѣ крамóлу кова́ху,
а погáнии сáми,
побѣдами нари́щуше на Рѹскую зéмлю,
ёмляху да́нь по бѣлѣ́ отъ двора́.

Тѣи бо двá хра́брая Святѣславлича (Святосла́влича),—
Йгорь и Всéволодь—

ужё лжѹ убуди́ста ко́торою,
тѹ бѣше успѣль отѣ́ць ихъ —

Святѣсла́въ (Святосла́в) грóзный вели́кий кіевскій —
грозо́ю:

бѣшетъ притрепа́ль своїми си́льными плѣ́кы (полкы)
и харалу́жными мечѣ́,

наступѣ́ на зéмлю Полове́цкую,
притопта́ хлѣ́ми (холмы́) и яру́гы,
взмутѣ́ рѣ́кы и озе́ры,
иссуши́ пото́кы и боло́та.

А погáнаго Кобя́ка изъ лу́ку мо́ря,
отъ желѣ́зныхъ вели́кихъ плѣ́ковъ (полко́в) полове́цкихъ,
я́ко вѣхрѣ́, вѣ́торже:

и падё́ся Кобя́къ въ гра́дѣ́ Кіевѣ́,
въ гри́дницѣ́ Святѣсла́вли (Святосла́вли).

Ту нѣмци и венѣдици,

ту греци и морѧва

поють славу Святъславлю (Святославлю),

кають князя Игоря,

иже погрузи жиръ во днѣ Каялы — рѣкы половѣцкыя, —
рускаго злата насыпаша.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,

а въ сѣдло кощіево.

Уныша бо градомъ забраы,

а весѣлие пониче.

Святъславъ (Святославъ) мутенъ сонъ видѣ

въ Киевѣ на горахъ.

«Си нѣчь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, —

чрьною (чѣрною) паполѣмою

на кровати тисовѣ;

чръпахуть (чѣрпахуть) ми синее вино,

съ трудомъ смѣшено;

сыпахуть ми тыщами (тощими) тулы поганыхъ тльковинъ
(толковинъ)

великій жѣнчюгъ на лоно

и нѣгують мя.

Ужѣ дьскы (дѣскы) безъ кнѣса

въ моѣмъ теремѣ златовръстѣмъ (златовѣрсем).

Всю нѣчь съ вечера

бѣсови врани възгряху (возгряху) у Пльѣньска,

на болѣни бѣша дѣбрь Кияня

и несѣшася къ сѣнему морю».

И ркоша (рекоша) бояре князю:

«Ужé, княже, тугá умь полонíла;

сé бо двá со́кола слѣтѣста

съ óтня столá злáта

пѣискáти гра́да Тьмуторокáня,

а лѹ́бо испíти шелóмомь Дóну.

Ужé соколóма крѣ́льца припѣ́шали

погáныхъ сáблями,

а самаю́ опѹ́таша

въ пѹ́тины желѣ́зны».

Темно́ бо бѣ́ въ 3 (трéтий) день:

двá со́лнца помѣ́ркоста,

о́ба багрѣ́ная стлѣ́па (столпа́) погасо́ста,

и съ нѣ́ма молодáя мѣ́сяца —

Олѣ́гъ и Святъславъ (Святослáв) —

тьмо́ю (тьмо́ю) ся поволоко́ста

и въ мо́рѣ́ погрузи́ста,

и вели́кое бѹ́йство пода́ста хи́нови.

На рѣ́цѣ́ на Кая́лѣ́ тьма́ свѣ́тъ покрѣ́ла —

по Рѹ́ской землѣ́ прострѣ́шася по́ловци,

а́кы па́рдуже гнѣ́здó.

Ужé снесéся хулá на хвалу́;

уж é трéсну́ нуждá на волю́;

ужé врѣ́жеся (вѣ́ржеся) дивь на зѣ́млю.

Сé бо го́тскыя кра́сныя дѣ́вы

вспѣ́ша (вспѣ́ша) на брѣ́зѣ́ сѣ́нему мо́рю:

звоня́ рѹ́скимъ злáтомъ,

пою́тъ вре́мя Бѹсово,
лелѣ́ють мѣсть Шарока́ню.
А мы уже́, дружи́на, жа́дни весѣ́лня!

Тогда́ вели́кий Святѣ́славъ (Святосла́в)
изрони́ зла́то сло́во
с слеза́ми смѣ́шено
и рече́:
«О моя́ сыновчѣ́, И́горю и Всѣ́володе́!
Ра́но еста́ нача́ла Полове́цкую зе́млю
мечи́ цвѣ́лити,
а себѣ́ сла́вы иска́ти.
Нѣ́ (но) нече́стно одолѣ́сте,
нече́стно бо кровь пога́ную проли́ясте.
Ва́ю хра́брая сердца́
въ жесто́цемъ харалу́зѣ́ ско́вана
а въ бѹести зака́ленá.
Се́ ли створи́сте мое́й среб́рней сѣ́динѣ́?
А уже́ не ви́жду вла́сти
си́льнаго,
и богáтаго,
и многово́я
бра́та моего́ Яросла́ва,
съ черни́говскими́ бы́лями,
съ могу́ты,
и съ татра́ны,
и съ шельби́ры,
и съ топчакы́,
и съ реву́гы,
и съ ольбе́ры.

Тии, бо бесъ щитовъ, съ засапожники

кликомъ плъкъ (полкъ) побѣждають,

звонячи въ прадѣдную славу.

Нъ (но) рекосте: «Мужаимѣся (Мужаимся) сами:

преднюю славу сами похитимъ,

а заднюю си сами подѣлимъ!»

А чи диво ся, братие, стару помолодѣти?

Кѡли соколъ въ мѣтехъ бываеть,

высоко птицъ възбиваетъ (възбивает):

не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Нъ (но) се зло — княже ми непособие:

нанѣче ся годины обратѣша.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половѣцкими,

а Володѣмиръ подъ ранами.

Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великий княже Всѣволоде!

Не мыслию ти прелетѣти издалѣча

отня злата стола поблюстѣ?

Ты бо можѣши Волгу вѣслы раскропѣти,

а Донъ шелѡмы выльяти!

Аже бы ты былъ,

то была бы чага по ногатѣ,

о кощѣй по рѣзанѣ.

Ты бо можѣши посуху

живыми шерешѣры стрѣляти —

удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!

Не ваю ли вон

злачёными шелóмы по кровѣ плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина

рыкають, аky тури,

ранены саблями калёными

на полѣ (или: на поле) незнаемѣ?

Вступита, господина, въ злата стрёмень

за обиду сего времени,

за зёмлю Рускую,

за раны Игоревы,

бўего Святъславлича (Святославлича)!

Галички Осмомыслѣ Ярославѣ!

Высоко (или: Высоко) сѣдиши

на своём златокóваннѣмъ столѣ,

подпёръ горы Ёгорскыи

своими желѣзными плъки (полки)

заступивъ королёви путь,

затворивъ Дунаю ворóта,

мечá бремены чрезу́ облакы,

суды́ рядя́ до Дуна́я.

Грóзы тво́я по зёмлямъ теку́тъ,

отворяеши Кіеву врата́,

стрѣляеши съ о́тня злата́ стола́

салтъ́ани (салта́ни) за зёмлями.

Стрѣляй, госпо́дине, Кончака́,

погáного кощ́ея,

за зёмлю Рускую,

за раны Игоревы,

бўего Святъславлича (Святославлича)!

А ты, буй Ромáne, и Мстислáве!
Хра́брая мысль но́сить вашъ умъ на дѣло.
Высоко́ (или: Высо́ко) пла́ваеши на дѣло въ бѹести,
яко со́колъ на вѣ́трехъ ширя́ся,
хотя́ пти́цю въ бѹйствѣ́ одолѣ́ти.
Сѹть бо у ваю желѣ́зныи па́робци
    подъ шелóмы латѣ́ньскими.
Тѣ́ми трѣ́сну землѣ́.

    И мно́гы стра́ны —
        Хи́нова,
        Литва́,
        Ятвя́зи,
        Дереме́ла,
и по́ловци сѹ́лици своя́ повръго́ша (поверго́ша)
    а гла́вы своя́ подклони́ша
    подъ тѣ́и мечи́ харалѹ́жныи.

Нъ (Но) уже́, кня́же И́грю,
утрѣ́пѣ́ (утерпѣ́) со́лнцю свѣ́тъ,
а дре́во не бо́логомъ ли́ствие сроні́:
    по Рсі́ и по Сѹ́ли гра́ди подѣ́лиша.

А Игорева хра́браго плѣ́ку (полку́) не крѣ́сити!
Донъ тѣ́, кня́же, клі́четъ
    и зоветъ́ кня́зи на побѣ́ду.
Олгови́чи (Ольгови́чи), хра́брыи кня́зи, dospѣ́ли на брань...

Инѣ́гварь (Ингварь) и Всéволодъ,
и всѣ́ трѣ́ Мстислáвичи,
не хѹ́да гнѣ́зда́ шестокры́лци!

Не побѣдными жрёбии
собѣ власти расхѣтите!

Кѣе ваши златыи шелѣмы
и сѣлицы лѣцкыи
и щиты?

Загородѣте полю ворѣта
своими ѡстрыми стрѣлами
за зѣмлю Рѣскую,
за рѣны Йгоревы,
бѣуго Святѣславлича (Святославлича)!

Ужѣ бо Сула не течѣтъ срѣбреными струями
къ граду Переяславлю,
И Двина болѣтомъ течѣтъ
ѣнымъ грѣзнымъ полочѣномъ
подъ клѣкомъ погѣныхъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвонѣ своими ѡстрыми мечѣи
ѣ шелѣмы литѣвскыя,
притрепѣ славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подѣ чрѣлёными (черлёными) щиты
на кровѣвѣ травѣ
притрѣпанъ литѣвскыи мечѣи
и с хѣтию на кров,
а тѣи (тѣи) рѣкъ:

«Дружину твою, княже,
птицѣ крилы приодѣ,
а звѣри кровь полизѣша».

Не бысть ту брата Брячеслава,
ни другаго — Всеволода.
Единъ же изронѣ жемчюжну дѹшу
изъ храбра тѣла
чресъ злато ожереѣлие.

Унѣли голо́си,
понѣче весѣлие,
тру́бы труба́тъ городѣньскии!

Яросла́вли вси вну́ще и Всесла́вли!
Уже понѣзѣте стѣзи своѣ,
вонзѣте своѣ мечѣ вережѣни.
Уже бо вѣскочѣсте изъ дѣдней сла́вѣ.
Вѣ бо своѣми крамо́лами
начѣсте наводѣти погáныя
на зѣмлю Рѹскую,
на жѣзнь Всесла́влю.
Кóторою бо бѣше насѣлие
отъ землѣ Половѣцкыи!

На седьмо́мъ вѣцѣ́ Трояни
врѣже (вѣрже) Всесла́въ жрѣбий
о дѣвѣицю себѣ́ лѹбу.
Тѣй (тоѣй) клюка́ми подпрѣся (подпѣрся) о ко́ни
и скочѣ къ гра́ду Кѣеву
и дотчѣся стру́жиемъ
зла́та столá кѣевскаго.
Скочѣ отъ нѣхъ лѹтымъ звѣ́ремъ
въ плѣночи (пóлночи) изъ Бѣлагра́да,
обѣсѣся сѣнѣ́ мыглѣ́ утрѣже (утѣрже) вáзни,

с три кúсы, отвори вратá Новугра́ду,
разшибé сла́ву Яросла́ву,
скочи́ влъкомъ (во́лком)
до Немíги съ Дуду́токъ.

На Немíзѣ снопы́ стéлють голова́ми,
молóтятъ чéпи харалужными,
на то́цѣ живо́тъ кладу́тъ,
вѣ́ють ду́шу отъ тѣ́ла.

Немíзѣ крова́ви брѣзѣ
не бо́логомъ бѣху́ть посѣ́яни —
посѣ́яни ко́сьми рúскихъ сынóвъ.

Всесла́въ князь лю́демъ судя́ше,
кня́земъ гра́ды рядя́ше,
а самъ въ но́чь влъкомъ (во́лком) ры́скаше:
изъ Кíева доры́скаше до куръ Тмуторока́ня,
вели́кому Хръсови (Хóрсови) влъкомъ (во́лком) путь
преры́скаше.

Тому́ въ Пóлотьскѣ́ позвонíша зау́тренюю ráно
у Святы́я Софе́и въ ко́локолы,
а онъ въ Кíевѣ́ звóнъ слы́ша.
Аще и вѣ́ща ду́ша въ дрѣзѣ́ (дѣрзе) тѣ́лѣ́,
нъ (но) ча́сто бѣ́ды страда́ше.
Тому́ вѣ́щей Боя́нъ

и прѣ́вое (пѣ́рое) приплѣ́вку, смы́сленный, рече́:
«Ни хы́тру,
ни горáзду,
ни птíцю горáзду
судá бóжиа не мину́ти».

О, стона́ти Ру́ской земли
помяну́вше прѣвую (пе́рвую) годину
и прѣвыхъ (пе́рвых) князе́й!
Того́ ста́раго Влади́мира
нелзѣ́ бѣ́ пригвозди́ти къ горáмъ (или: го́рам) киевскимъ:
сего́ бо ны́нѣ ста́ша стѣзи Рю́риковы,
а дру́жи — Дави́довы,
нѣ (но) ро́зно ся имѣ хо́боты па́шутъ.
Ко́пия пою́тъ!

На Дуна́и Яросла́внынъ гла́сь ся слы́шитъ,
зегзи́цею незна́ема ра́но кы́четъ:
«Полечю́,— рече́,— зегзи́цею по Дуна́еви,
омочю́ бебря́нъ рука́въ въ Ка́ялѣ рѣцѣ́,
утру́ князю́ крова́выя его́ ра́ны
на жесто́цѣмъ его́ тѣлѣ́».

Яросла́вна ра́но пла́четъ
въ Пути́влѣ́ на забра́лѣ́, арку́чи:
«О вѣ́трѣ́, вѣ́трило!
Чему́, господи́не, насильно вѣ́еши?
Чему́ мы́чеши хиньо́вскыя стрѣ́лки
на свое́ю нетру́дною крилцо́
на мое́я ла́ды во́и?
Ма́ло ли ти бя́шетъ горѣ́ подѣ́ обла́ки вѣ́яти,
лелѣ́ючи корабли́ на си́нѣ́ мо́рѣ́?
Чему́, господи́не, моё́ весе́лие
по ковы́лию развѣ́я?»

Яросла́вна ра́но пла́четъ

Пути́влю го́роду на заборѣ́тъ, арку́чи:

«О Днѣ́пре Слову́тицю!

Ты проби́лъ еси́ ка́менныя го́ры,

скво́зѣ́ зѣ́млю Полове́цкую.

Ты лелѣ́ялъ еси́ на себѣ́ Святосла́вли наса́ды

до плѣ́ку (полку́) Кобя́кова.

Възлелѣ́й (Возлелѣ́й), господи́не, мою́ ла́ду къ (ко) мнѣ́,

а быхъ не сла́ла къ нему́ слѣ́зь

на мо́ре ра́но».

Яросла́вна ра́но пла́четъ

въ Пути́влѣ́ на забра́лѣ́тъ, арку́чи:

«Свѣ́тлое и тресвѣ́тлое слѣ́нце (со́лнце)!

Всѣ́мъ тепло́ и красно́ еси́:

чему́, господи́не, простре́ горя́чую свою́ лучи́ю

на ла́дѣ́ вѣ́н?

Въ по́лѣ́ безво́днѣ́ жа́ждею имѣ́ лучи́ съпряже́ (сопряже́),

туго́ю имѣ́ ту́ли затче́?»

Прѣ́сну мо́ре полу́нощи,

иду́тъ сморщи́ мьгла́ми.

Игоре́ви кня́зю бо́гъ пу́ть ка́жетъ

изъ земли́ Полове́цкой

на зѣ́млю Ру́скую,

къ ѡ́тню зла́ту столу́.

Погасѡ́ша ве́черу зѡ́ри.

Игорь спѣ́тъ,

Игорь бди́тъ,

Игорь мы́слию поля мѣрить

отъ вели́каго Дону до ма́лаго Донца́.

Ко́монь въ полу́ночи Овлу́рь свѣсну за рѣ́кою:

вѣли́ть князю́ разумѣ́ти:

князю́ Игорю́ не бы́ть!

Кли́кну,

сту́кну земля́,

въшумѣ́ (восшумѣ́) травá,

вѣжи ся полови́цкии подви́зашася.

А Игорь князь поскочѣ́

горноста́емъ къ тростю́

и бѣ́лымъ го́големъ на́ воду.

Въврѣ́жеся (Вовѣ́ржеся) на брѣ́зъ (бо́рз) ко́монь

и скочѣ́ с него́ бо́сымъ влъ́комъ (во́лком).

И потече́ къ лу́гу Донца́,

и полетѣ́ со́коломъ подѣ́ мьгла́ми,

избивáя гу́си и ле́беди

за́втраку,

и обѣ́ду,

и у́жинѣ́.

Ко́ли Игорь со́коломъ полетѣ́,

тогда́ Влу́рь влъ́комъ (во́лком) потече́,

трусы́ собо́ю студѣ́ную росу́:

претръ́госта (преторго́ста) бо своя́ брѣ́зая (бо́рзая) ко́моня.

Доне́ць рече́:

«Кня́же Игорю́!

Не ма́ло ти вели́чия,

а Кончаку́ нелю́бия,

а Ру́сской земли́ ве́селна».

Игорь рече:

«О Дѡнче!

не мѧло ти величїя,

лелѣявшу князя на влѣнахъ (волнахъ),

стлѧвшу емѹ зелѣну травѹ

на своихъ сребренныхъ брѣзѣхъ,

одѣвѧвшу его тѣплыми мѣглами (мглами)

подъ сѣнию зелѣну дрѣву;

стрѣжѧше его гоголемъ на водѣ,

чайцами на струяхъ,

чрънядьми (чёрнядьми) на вѣтрѣхъ».

Не тако ти, рече, рѣка Стѹгна:

хѹду струю имѣя,

пожрѣши (пожрёши) чужїи (или: чѹжи) ручьи и струги,

рѡстрена къ ѹстью,

ѹношу князю Ростислѧву затвори.

Днѣпръ тѣмнѣ берѣзѣ

плѧчется мѧти Ростислѧвля

по ѹноши князи Ростислѧвѣ.

Уныша цвѣты жалобою,

и дрѣво с тугѡю къ землѣ прѣклонїлось.

А не сорѡкы втрескотѧша —

на слѣдѹ Игоревѣ ѣздитъ Гзѧкъ съ Кончѧкомъ.

Тогдѧ врѧни не грѧахуть,

гѧлици помлѣкѡша (помолкѡша),

сорѡкы не трескотѧша,

полѡзїе ползѧша тѡлько.

Дятлове тѣктомъ пѹть къ рѣцѣмъ кажуть,

соловии (солóвыи) весёлыми пѣсньми
свѣтъ повѣдаютъ.

Млѣвить (Мóлвит) Гзакъ Конча́кови:

«А́же со́коль къ гнѣздú летíть,
соко́лича растрѣ́ляевѣ
сво́ими злаче́ными стрѣ́лами».

Рече́ Конча́къ ко Гзѣ́:

«А́же со́коль къ гнѣздú летíть,
а вѣ́ соколца́ опу́таевѣ
красно́ю дивíцею».

И рече́ Гзакъ къ Конча́кови:

«А́ще его опу́таевѣ красно́ю дѣ́вицею (или: де́вицею),
ни на́ма бу́детъ со́кольца,
ни на́ма красны́ дѣ́вице (или: де́вице),
то почну́тъ на́ю птíци бíти
в по́лѣ Половѣ́цкомъ».

Рѣкъ Бо́янъ и Ходы́на,

Свя́тслáвля (Свя́тослáвля) пѣ́снотворца
ста́рого вре́мени Яросла́вля,
О́льгова кога́ня хóти:

«Тя́жко ти голо́вы крóмѣ́ плечю́,
злó ти тѣ́лу крóмѣ́́ голо́вы» —
Ру́сской земли́ безъ И́горя.

Сѡлнце свѣтитъ на небесѣхъ,—
Игорь князь въ Рѹсской землѣ;
дѣвицы (или: дѣвицы) поютъ на Дунѣи,—
выѹтся гѡлоси чрезу мѡре до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогощей.
Страны ради, гради вѣсели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:
«Слава Игорю Святъславличю (Святославличю),
буй туру Всѣволоду,
Владимиру Игоревичу!»

«Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плъки (полки)!»

«Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь».

КОГДА БЫЛО НАПИСАНО
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»?
(Вопрос о его подлинности)

Никто никогда не спросит, фальшив ли лежащий на дороге булыжник, но жемчуг может показаться фальшивым.

«Слово о полку Игореве» так хорошо, что хочется спросить себя: да может ли быть на свете такая красота? Драгоценный блеск его гипнотизирует, тревожит, возбуждает любопытство. Настоящее произведение большого искусства всегда кажется до известной степени загадочным, необъяснимым. Отчасти поэтому и в отношении «Слова» время от времени люди спрашивали: да могло ли оно быть написано в XII в.?

Может возникнуть вопрос: так ли уж важно, когда создан памятник? Да, важно! Всякое произведение искусства воспринимается в определенном историческом окружении, в окружении других, одновременных ему памятников искусства. Ни одно произведение искусства не может рассматриваться изолированно от его исторического окружения.

Перенести «Слово» из XII в. в другую эпоху нельзя без ущерба для его идейной и эстетической ценности. В XII в. «Слово» — произведение огромной идейной силы, это — произведение, призывающее к единству, обличающее усобицы князей. Только в связи с его общественным пафосом можно оценить и его эстетическую ценность. В XVIII в. это произведение оказалось бы литературной безделушкой — «пастиш», как утверждают одни, или служило бы «им-

периализму», Екатерины, как утверждают другие. В том и другом случае оно утрачивает значительную часть своей идейной и художественной ценности. Но ценность утрачивает не только оно, но и все те произведения, которые были написаны под влиянием «Слова» или на его мотивы. Ведь во всех этих случаях поэты, композиторы, художники оказывались в заблуждении, использовали не подлинное произведение, стилизовали свои произведения под уже стилизованный памятник XVIII в., а это не может быть безразлично для эстетической ценности и их собственных произведений. Это значит коренным образом изменить отношение к «Слову», коренным образом пересмотреть вопрос о его ценности, а также иначе понять его идеологическое содержание, его роль в историко-литературном процессе.

«Слово о полку Игореве» гениально только постольку, поскольку оно написано в XII в.

Белинский писал о «Кавказском пленнике» Пушкина: «Читая ее (поэму «Кавказский пленник». — Д. Л.), вы чувствуете, что она могла быть написана только в известное время и, под этим условием, она всегда будет казаться прекрасною. Если бы в наше время даровитый поэт написал поэму в духе и тоне «Кавказского пленника», — она была бы безусловно ничтожнейшим произведением...»¹.

¹ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. — Собр. соч. в 3-х т., т. III. М., 1948, с. 496 (статья шестая).

А ведь речь у Белинского идет только о двух десятилетиях, — не о шести столетиях!

Вопрос о дате «Слова» — это вопрос быть или не быть «Слову». Это вопрос жизни или смерти для этого памятника. Поэтому должны быть внимательно рассмотрены все аргументы обеих сторон — защитников подлинности «Слова» и ее противников. Необходима высокая совесть ученого перед ответственностью темы.

Какие же сомнения в подлинности «Слова о полку Игореве» возникали и чем эти сомнения были вызваны? Не только подделки, мистификации и стилизации, но также и самые сомнения должны быть поняты исторически, на уровне знаний своей эпохи, на уровне научных представлений своего времени.

Конечно, известную роль в сомнениях первой половины XIX в. играло отсутствие рукописи «Слова», погибшей в московском пожаре 1812 г. вместе с домом и богатейшим собранием рукописей ее владельца А. И. Мусина-Пушкина. Но роль эта не была решающей, так как первые скептики не предполагали, что «Слово» было подделкой или стилизацией XVIII в., а просто относили его создание ко времени самой рукописи, т. е. приблизительно к XV в. Такого рода предположения высказывались в отношении всех памятников, дошедших в рукописях более поздних, чем время их создания. Сомневались и в ранней дате «Русской правды», «Поучения Владимира Мономаха», «Повести временных лет» и т. д. Это была характерная черта «скептической школы» в исторической науке первой половины XIX в. Этот «трафарет» сомнения к ряду древнерусских памятников был применен и к «Слову».

Первые сомнения в «древней» (XII в.) дате «Слова» высказал русский академик Август Шлецер, впрочем не обосновавший своего скепсиса. Но уже после выхода первого издания «Слова» в

1800 г. Шлецер отказался от своих сомнений и признал «Слово» памятником XII в. То же повторилось и с лучшим археографом начала XIX в. митрополитом Евгением Болховитиновым. Он сомневался в древности «Слова» еще до гибели его рукописи, но при этом не подверг рукопись «Слова» экспертизе (рукопись до пожара была доступна всем ученым), так как не сомневался в ее подлинности. Вскоре, впрочем, и он отказался от своих сомнений.

Считалось, что скептицизм приличествует ученому. Август Шлецер отвергал существование просвещения, торговли, городов в домонгольской Руси, но представители собственно «скептической школы», возникшей в русской исторической науке в начале XIX в., пошли еще дальше. Они утверждали, например, что и самый Новгород не существовал еще в XI в. По их мнению, он появляется «не ранее XII в.» и представляет колонию балтийских славян, пришедших из Вагрии. Отвергали они существование русских племен (древлян, полян и др.). Главный представитель «скептической школы» М. Т. Каченовский подвергал сомнению договоры Олега и Игоря с греками, объявляя весь начальный период русской истории «баснословным», сомневался в древности «Несторовой летописи» (т. е. «Повести временных лет»), «Русской правды», «Поучения Владимира Мономаха, сочинений Кирилла Туровского. Спрашивается: мог ли он на этих своих позициях считать древним «Слово о полку Игореве» и следует ли его сомнения расценивать как научно показательные и имеющие серьезное значение для современного разрешения вопроса о подлинности «Слова»? При всем том и М. Т. Каченовский не считал «Слово» подделкой XVIII в. Взгляды М. Т. Каченовского на «Слово о полку Игореве» изложил его ученик И. Беликов. Сомнения М. Т. Каченовского в древности «Слова» не выходили за пре-

дела его общей источниковедческой концепции.

Подделкой XVIII в. считал «Слово» только граф С. П. Румянцев — соперник А. И. Мусина-Пушкина в коллекционерстве и его искренний недоброжелатель.

Сомнения возникали и у небезызвестного журналиста О. И. Сенковского, писавшего под псевдонимом «Барон Брамбеус». Причины скепсиса «Барона Брамбеуса» ясны: он был крайний норманист. Ради норманнов он отрицал даже византийское влияние на Руси, не только самобытность русской культуры. «Не трудно видеть, — пишет «Барон Брамбеус», — что не горстка солдат вторглась (с призыванными князьями. — Д. Л.) в политический быт и нравы славян, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавия, со всеми своими учреждениями, нравами и преданиями, поселилась в нашей земле; что эпоха варягов есть настоящий период славянской Скандинавии; ибо хотя они скоро забыли свой язык, подобно манджурам, завоевавшим Китай, но, очевидно, оставались норманнами почти до времен монгольских»¹. Скептицизм Сенковского был до крайности легковверен, и он делал предположения, каждое из которых можно было бы принять за землетрясение в науке, если бы они не были просто забавны. Он утверждал, например, что русский язык стал языком России и русских чисто случайно: «Если бы русские князья, — писал он, — избрали себе столицу в финском городе, посреди финского племени, русским языком, вероятно, назывался бы теперь какой-нибудь чухонский диалект, который также, на большом пространстве земель, поглотил бы язык славянского корня, как последний язык поглотил многие финские наречия, даже в том месте, где стоят Москва и Владимир...»². Срав-

нимы ли с этими «сомнениями» его сомнения в подлинности «Слова»?

Вряд ли стоит останавливаться на перечислении тех писателей, которые сомневались в подлинности «Слова», никак не аргументируя своего скепсиса.

Скептицизм первой половины XIX в. в отношении «Слова» пришел к концу по двум причинам: во-первых, закончила свое существование «скептическая школа» в русской историографии и, во-вторых, были открыты новые памятники и новые параллели к «Слову», во многом объяснившие «Слово» в языковом, культурном, историко-литературном и историческом окружении XII в. Самым главным было открытие в 1852 г. «Задонщины». «Задонщина» была явным подражанием «Слову», возникшим в XV в. Она рассказывала о Куликовской битве 1380 г. в образах и выражениях «Слова о полку Игореве». Отсюда стало ясно, что «Слово» возникло раньше, до «Задонщины», до XV в.

Для того чтобы возродить скептицизм, надо было усомниться в том, что «Слово» повлияло на «Задонщину», и попытаться опрокинуть эти отношения, считать, что «Слово» подражало «Задонщине», так как сомневаться в самой близости обоих памятников и какой-то зависимости их друг от друга было решительно невозможно.

Я не останавливаюсь на отдельных скептических высказываниях о «Слове», принадлежавших французскому слависту Л. Леже. Обращу только внимание на концепцию крупного французского специалиста по русской литературе и языку — проф. А. Мазона. Концепция А. Мазона, хотя и принимала в разное время различные формы в отдельных своих деталях, легла в основу всех современных воззрений скептиков. Послед-

¹ Цитир. по кн.: Забелин И. История русской жизни, т. I. М., 1876, с. 100.

² Цитир. по кн.: Погодин М. П. Ис-

следования, замечания и лекции, т. I. М., 1846, с. 191—292.

ние только вносили некоторые дополнения в концепцию А. Мазона, не изменяя ее принципиальными соображениями.

Сущность концепции А. Мазона в следующем. Не «Задонщина» подражает «Слову», а «Слово» — «Задонщине». Первоначально А. Мазон считал, что «Задонщина» в художественном отношении выше «Слова о полку Игореве» и даже первую главу своей книги назвал «реабилитацией произведения», имея в виду «Задонщину»¹. Впоследствии А. Мазон перестал подчеркивать художественную высоту «Задонщины». Утверждать, что «Задонщина» выше «Слова», можно было только для тех читателей, которые никогда не читали обоих произведений в подлиннике.

Основываясь на исследовании «Задонщины» чешского ученого Я. Фрчека, А. Мазон считал, что существует две редакции «Задонщины». Древнейшая редакция «Задонщины», согласно Я. Фрчеку и А. Мазону, представлена Кирилло-Белозерским списком конца XV в., который остальные исследователи считают дефектным, лишенным конца. Все другие списки, согласно Я. Фрчеку и А. Мазону, представляют позднейший текст «Задонщины» — дополненный. В первой, якобы древнейшей редакции, утверждает А. Мазон, Куликовская битва рассматривается как поражение; вторая редакция возникла тогда, когда Куликовскую битву «историческая легенда с течением веков превратила в России в блестящую победу». Поэтому во второй редакции к «жалости» по погибшим была, согласно А. Мазону, добавлена «похвала» победе. Позднейшее происхождение «Слова» доказывается, по мнению А. Мазона и его немногих последователей, тем, что «Слово» якобы ближе к

позднейшей, второй редакции, а не к первой. Между тем, утверждает А. Мазон, если бы «Задонщина» восходила к «Слову», то древнейшая редакция была бы наиболее близкой к «Слову». Это и есть главный аргумент тех, кто считает, что не «Задонщина» вышла из «Слова», а «Слово» явилось подражанием «Задонщине».

Когда же возникло это подражание «Задонщине»? А. Мазон считает, что оно возникло в ближайшем окружении первых издателей «Слова». Первоначально он называл автором «Слова» А. И. Мусина-Пушкина, затем — Н. Н. Бантыша-Каменского; в последнее время А. Мазон считал автором «Слова» первого владельца его рукописи — архимандрита Иоанна Быковского². А. Мазон не называл «Слово» фальсификатом. Он рассматривал его как «пастиш» — стилизацию. Эта стилизация, однако, была сделана в угоду «империализму» Екатерины II, с целью оправдать «захват» новых территорий на юге России. Рукопись пространной редакции «Задонщины», на основе которой было создано «Слово», до нас не дошла по причине, о которой А. Мазон и его последователи не пишут (по-видимому, они предполагают, что она была уничтожена, чтобы скрыть основной источник «Слова»).

Далее А. Мазон высказывает соображения, уже выставлявшиеся первыми скептиками и в основном опровергнутые впоследствии: «Слово» дошло до нас в единственном списке и этот список погиб при якобы подозрительных обстоятельствах (вместе с домом и собранием А. Мусина-Пушкина на Разгуляе). В «Слове» много темных мест, в нем якобы есть модернизмы в языке, полонизмы, галлицизмы, оссианизмы, даже «амери-

¹ «La Zadosščina: réhabilitation d'une oeuvre»: Mazon A. Le Slovo d'Igor. P., 1940, p. 5-40.

² Об этом А. Мазон определенно дает по-

нять в своей последней заметке «Тьмутарканский блѣвн» в Revue des Etudes Slaves, t. 39. P. 1961, c. 138.

канизмы» (следы увлечения американскими темами в конце XVIII в.). Все, что в «Слове» несомненно свое, зависит от ряда подлинных памятников, которые знал его автор, и от русского и украинского фольклора.

В деталях концепция А. Мазона была подробно рассмотрена и опровергнута в ряде статей и исследований, вышедших и у нас и за рубежом. Попытка советского историка А. А. Зимина возродить концепцию А. Мазона не привела к заметным сдвигам в этом вопросе. А. Зимину не удалось выдвинуть принципиально новые сильные аргументы.

В основном аргументация в защиту «Слова о полку Игореве» собрана в сборниках: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века» (М.—Л., 1962) и «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова» (М.—Л., 1966), к которым мы и отсылаем читателей, пожелавших подробнее ознакомиться с полемикой по поводу «Слова». В последнем сборнике имеется и вся библиография работ А. А. Зимина, опубликованных в Советском Союзе.

Для того чтобы оправдать свою концепцию, согласно которой Кирилло-Белозерский список «Задонщины» представляет собой первую полную редакцию, а все остальные списки — вторую, дополненную, Я. Фрчек, а вслед за ним А. Мазон создали концепцию, согласно которой Куликовская битва воспринималась сперва как поражение русских (Фрчек, впрочем, говорит об этом осторожно, А. Мазон — прямо), а только потом уже из поражения была создана (после официального свержения ига в 1480 г.) версия о победе. Эта версия о Куликовской битве и отразилась, согласно концепции скептиков, во второй редакции «Задонщины», где был описан перелом в битве, приведший к победе. В этом пункте вопрос текстологический переходит в во-

прос исторический. Что же Куликовская битва была победой или поражением? Выступление засадного полка, решившего исход битвы, было или не было?

Выступление засадного полка, принесшего собой перелом в битве, отражено в разных исторических источниках, и в том числе в ранней Летописной повести о Куликовской битве 1380 г. Перелом в битве реально подтверждается тем, что монголо-татары не пошли после битвы на Москву, а отступили. На все это и следует обратить внимание при оценке Кирилло-Белозерской версии как якобы полностью сохранившейся первоначальной редакции «Задонщины». В этой версии нет ни выступления засадного полка, ни перелома в битве, ни отступления врага после битвы. Изложение фактической стороны битвы прервано на половине! И то, что оно прервано на половине, нельзя объяснить тем, что значение победы через два года, в 1382 г., померкло в свете Тохтамышева нашествия на Москву. Ясно, что редакция текста, представленная Кирилло-Белозерским списком, механически сокращена. Это не первоначальная редакция.

Если большой текст второй половины «Задонщины» рассматривать как дополнение, сделанное через сто лет после битвы, когда ига было официально свергнуто, то почему именно в это время понадобилось умять значение современности, бывшей у всех перед глазами, и относить событие победы над татарами на сто лет назад? Какой-либо критической тенденции, направленной против политических деятелей Московского государства конца XV века, текст «Задонщины» не содержит.

Наконец, как можно было спустя столько времени доделать в том же стиле «Задонщину», дописать ее, подделавшись под стиль первой части, — вернее, даже не под стиль, а, как мы это увидим в дальнейшем, под два стиля первой части. Если внимательно вдуматься в «ме-

ханику» такого рода дописывания, не зарегистрированного ни одним другим памятником Древней Руси, то станет совершенно ясно, что все списки «Задонщины», кроме Кирилло-Белозерского, отнюдь не дописали редакцию Кирилло-Белозерского списка, а, наоборот, Кирилло-Белозерский список представляет собой редакцию, по каким-то неясным причинам сократившую «Задонщину».

И еще одно наблюдение. Если редакция Кирилло-Белозерского списка повествовала только о той части битвы, в которой русские терпели жесточайший урон, и не сообщала о ее переломе к победе, то почему же все-таки об этой победе говорится в самом начале редакции Кирилло-Белозерского списка, где приводятся приметы, предсказывающие победу русских и поражение татар?

В. П. Адрианова-Перетц, которой принадлежит это наблюдение, так говорит о приметах Кирилло-Белозерского списка: «Можно ли представить себе такого средневекового писателя, который, рассказав о приметах, потом показал бы, что они не оправдались? Если бы он не был уверен в том, что Куликовская битва была победой русских, зачем же он именно так расставил бы в своем рассказе приметы?»

Но дело не только в этом. Нам известен писец Ефросин, составивший Кирилло-Белозерский список «Задонщины». Он переписывал и другие произведения и всюду подвергал их текст изменениям, а в некоторых случаях и сокращениям — таким, какие как раз ощущаются в перепишем им тексте «Задонщины»¹.

Но даже если признать, что в Кирилло-Белозерском списке текст «Задонщи-

ны» дошел до нас в первоначальном виде, невозможно доказать, что «Слово» ближе только к тем спискам, где дана пространная редакция «Задонщины».

На то обстоятельство, что «Слово» в отдельных случаях ближе именно Кирилло-Белозерскому списку «Задонщины», чем к другим, указал еще в 1941 г. И. Н. Голенищев-Кутузов². Он указал шесть случаев. Впоследствии Н. К. Гудзий указал одиннадцать таких случаев, где «Слово о полку Игореве» ближе к Кирилло-Белозерскому списку, чем к остальным³.

Не буду останавливаться на длинных примерах. Укажу, что только в Кирилло-Белозерском списке сохранено имя «вещаго Бояна», искаженное до неузнаваемости в других списках («тот боярин», «тот бо юн», «тот бо де» и пр.). Только в Кирилло-Белозерском списке сохранено слово «зегзица» (в «Слове» — «зегзица»; в других памятниках Древней Руси «зегзица» не встречается вообще). Только в Кирилло-Белозерском списке употребляется слово «господин», как и в «Слове о полку Игореве» (в других списках «Задонщины» применяется позднее слово «государь»). Только в Кирилло-Белозерском списке имеется слово «славий» (соловей) — то же, что и в «Слове о полку Игореве» («скача славия»; слово «славий» нигде больше, ни в каких памятниках, не встречается). Только в Кирилло-Белозерском списке имеется эпитет «молний» — «синие» (то же, что и в «Слове»; в остальных списках — «сильные»); говорится, как и в «Слове», о «громе великом» («стуку и грому великому»; в остальных списках говорится только о «стуке»). Казалось бы, материал доста-

¹ См. подробнее: Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.

² См.: Голенищев-Кутузов И. Н.

«Слово о полку Игореве» в рукописи «Задонщины». — В кн.: Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2. Белград, 1941, с. 49—55.

³ См.: Гудзий Н. К. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 90—91.

точный для такого маленького текста, как укороченный текст «Задонщины» в Кирилло-Белозерском списке. Ясно, что доказать особую близость «Слова» только к поздним спискам «Задонщины» никак нельзя. «Слово» в разных своих частях близко и к раннему, Кирилло-Белозерскому списку, и к поздним спискам. А это может быть объяснено только одним из двух: либо тем, что первоначальный текст «Задонщины» был искажен во всех дошедших списках и это согласуется с тем, что все списки «Задонщины» содержат огромное количество искажений, нелепостей и темных мест; либо тем, что в руках у воображаемого позднего автора «Слова» был какой-то совсем особый, правильный текст «Задонщины», который по неясным причинам не был им сохранен. Но если сделать последнее предположение, то тем самым рушится всякая «доказательная» сила утверждений, что не «Задонщина» следовала «Слову», а «Слово» якобы составлено на основе «Задонщины».

Если между двумя памятниками наблюдаются черты несомненного сходства, то обычно пристрастный, необъективный текстолог может попытаться объяснить каждое сходство между двумя памятниками так, как ему этого хочется. Допустим, в памятнике, который текстологу хочется объявить первоначальным, общее с другим памятником место читается полнее, лучше — пристрастный текстолог говорит: «Лучше, полнее, — значит, первоначальнее!» Если, наоборот, место это хуже, тот же текстолог не менее решительно объявляет: «Хуже в первом, так как составитель второго памятника был талантлив, — смотрите, как он прекрасно развил это место!» Объявить подражателя гениальным — это значило снять с себя труд объяснения многих

текстологических казусов: гений знает больше других, гений как будто бы способен преодолеть за текстолога любое затруднение, гений выходит за рамки эпохи и предвещает историко-литературные явления более позднего времени. Для гения нет преград! Да, но для настоящего текстолога они все же остаются, и мы к этому еще вернемся в дальнейшем. Сейчас же обратим внимание вот на что: сходство обнаруживается не только между «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной», но между каждым из этих памятников и рассказом Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича 1185 г. — тем самым, который послужил основой и для сюжета «Слова о полку Игореве», и это не в одном или двух местах, а, по крайней мере, в шести бесспорных случаях. Этот «текстологический треугольник» ясно доказывает, что не «Слово» явилось из «Задонщины», а «Задонщина» из «Слова». Иначе следовало бы предположить, что автор «Задонщины» испытал влияние рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря, а затем сам повлиял на рассказ о том же самом походе Игоря в «Слове». Между тем поход Игоря 1185 г. был одним из очень многих походов русских князей на степь и обращение автора «Задонщины» к рассказу одной из летописей именно об этом походе, который затем, в XVIII в., лег в основу «Слова», невероятно. Таких «совпадений» история литературы не знает.

На этот «текстологический треугольник» уже было обращено внимание в научной литературе о «Слове» еще в 1952 г., но с тех пор опровержений его со стороны сторонников позднего происхождения «Слова» не последовало. В 1962 г. я дополнил приводившиеся примеры еще несколькими¹.

¹ См. подробнее: Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М. — Л., 1962, с. 66—68.

Прежде всего укажу, что только в «Задонщине», в «Слове о полку Игореве» и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря в сходном контексте упоминается река Каяла — как место поражения русских войск, как место печали и плача. Больше нигде река Каяла не упоминается. Значит, если автор «Задонщины» не имел перед собой «Слова» как своего образца, то он мог взять эту реку Каялу только из рассказа Ипатьевской летописи о том же походе Игоря, о котором рассказывает и «Слово о полку Игореве». Вероятно ли такое совпадение?

Но сходство между рассказом Ипатьевской летописи о походе Игоря, «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной» этим не ограничивается.

В «Слове» говорится, что Игорь «плъкъ заворочаетъ». В Ипатьевской — что Игорь «поиде к полку их, хотя воротити». В «Задонщине» — «князь полки... поворотил».

В «Слове» говорится о «туге и тоске», в рассказе Ипатьевской летописи — о «скорби и туге лютой», в «Задонщине» — о «бедах и туге».

Как известно, «золотое слово» Святослава Киевского «с слезами смешано» имеет параллель в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря. Святослав Киевский, согласно Ипатьевской летописи, услышал о поражении Игоря, «утер слез своих» и произнес речь к князьям. Замечательно, что в «Задонщине» Дмитрий Донской, образ которого соответствует образу Святослава, при известии о больших потерях русских войск тоже «прослезился горко и утер слезы» и приносит речь к князьям.

Обратим внимание и еще на одно совпадение между «Задонщиной», «Словом о полку Игореве» и рассказом Ипатьевской летописи о походе 1185 г.

В «Задонщине»: «Русские сыновѣ поля широкие конми огородиша» и «Хоробрый Пересвѣт поскакивает на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди»; в «Слове»: «Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша», а в Ипатьевской летописи: «зане яко стѣнами сильными огорожени бяху полкы половѣцскими». Образ перегороженных полей редкий. Больше он никогда не встречается.

Не менее значительно и другое совпадение между всеми тремя произведениями. В «Слове» и в Ипатьевской летописи спорят между собой Гзак и Кончак. Такого рода воображаемый диалог врагов — крайняя редкость в русской исторической литературе до XV в. Второго, во всяком случае, не обнаружено. И в «Слове» и в рассказе Ипатьевской летописи диалог врагов Руси происходит после пленения Игоря. В одном случае враги гонятся за Игорем, в другом — они едут в набег на Русь. Содержание обоих диалогов различно, но общая связь между тем и другим диалогом несомненна. В «Задонщине» этому диалогу композиционно соответствует сцена между бегущим Мамаем и фрягами¹. Особенно близок диалог Гзака и Кончака речам фрягов Мамаю. И тут и там речь о набеге на Русскую землю. Возможно, что в нынешнем тексте «Слова о полку Игореве» до нас дошел не весь диалог первоначального текста «Слова» и что вначале текст «Слова» больше связывал все три произведения. Можно отрицать сходство всех трех произведений в том или ином отдельном случае, но нельзя отрицать этого сходства в целом комплексе. Можно счесть за случайность совпадение выражений, но нельзя отрицать этого совпадения, когда за него говорит весь контекст. Выражения не просто сходны: они сходны в сходных же ситуациях.

¹ Фрягами на Руси назывались романские народности. В «Задонщине» имеются в виду ге-

нуэццы, обосновавшиеся в середине века в Кафе (нынешняя Феодосия в Крыму).

Из приведенных сопоставлений ясно, что если допустить зависимость «Слова» от «Задонщины», то тогда следует допустить зависимость «Задонщины» от того самого рассказа Ипатьевской летописи, который связан единством сюжета со «Словом». Это невероятно. Ведь «Задонщина» повлияла, якобы, на «Слово» своей формой. И это понятно. Но как мог повлиять рассказ Ипатьевской летописи на «Задонщину»? Ведь стиль этого рассказа совсем другой, а сюжеты расходятся совершенно. Значит, именно «Слово», и одно только «Слово», повлияло на «Задонщину», а не наоборот. Связь же «Слова» с рассказом Ипатьевской летописи объясняется очень просто: оба произведения, составленные вскоре после событий, имели своим сюжетом один и тот же только что свершившийся поход Игоря, оба следовали одному и тому же устному рассказу о походе Игоря¹.

Древняя русская литература знает довольно много подражаний. Можно даже сказать, что подражания типичны для древнерусской литературы.

В новое время объектами подражания служат произведения с ярко выраженной стилистической индивидуальностью. Можно выделить целые литературные стили, ряд писателей, особенно поэтов, и ряд произведений, которые стали любимыми объектами для подражаний. Пушкин подражал Корану, Песне Песней, Анакреону, «Древним», «Арабскому». У Лермонтова имеются подражания Байрону («Не смейся, друг»), у Некрасова — Шиллеру («Сущность», «Форма»). Во французской литературе особенно обильны подражания В. Гюго и А. Мюссе. Редко можно встретить под-

ражания писателям малозначительным или писателям, не обладающим резко выраженным индивидуальным стилем. В восточных литературах встречаются произведения, написанные в манере какого-нибудь известного поэта и даже приписываемые ему. Эти подражания не подделки, это как бы продолжение творчества поэта, продолжение его идей и манеры. Таково множество стихов, приписываемых Гафизу или Омару Хайяму.

В древней русской литературе подражание всегда является попыткой применения старой формы к новому содержанию. При этом вот что важно. В древней русской литературе чувство чужого, стиля было развито сравнительно слабо, поэтому подражания не воспроизводили творчески стиль оригинала, а механически заимствовали из оригинала отдельные выражения, формулы, образы, приспособляя их к новому содержанию, инкрустируя их в свой текст.

При таком приспособлении старой формы к новому содержанию неизбежно происходили однородные для всех подражаний явления деформации. Форма упрощалась. Отдельные приемы, которые не находили себе применения в новом содержании, не переходили в подражание. Сложные образы, особенно тесно связанные с содержанием оригинала, либо оставались за бортом подражания, либо упрощались, теряли свою глубину и многозначность. Единство стиля в подражании нарушалось.

Специфическая ограниченность формальных средств подражания вынуждала древнерусского подражателя ограничивать по возможности свое подражание. Подражатель не только в своих формальных изысканиях был гораздо более связан, стеснен, чем автор оригинала, но и в своем содержании вынужден был по пре-

¹ Об общем устном источнике см. подробнее: Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве».

ве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, с. 5—52.

имуществу придерживаться таких его элементов, которые могли быть выражены средствами оригинала. Следовательно, в древнерусских подражаниях была ограничена не только свобода формы, но в известной мере и свобода содержания.

Все сказанное нами об отличиях в структуре стиля подражания от структуры стиля оригинала может быть наглядно продемонстрировано на сравнительном анализе стиля «Задонщины» и стиля «Слова о полку Игореве».

Прежде всего обратим внимание на стилистическую разностойность «Задонщины». Три стилистических слоя могут быть легко обнаружены во всех списках «Задонщины»: стилистический слой, восходящий к «Слову о полку Игореве», стилистический слой, ясно обнаруживающий свое происхождение из деловой прозы, и слой, связанный с народно-поэтической стилистикой.

Остановимся на том стилистическом слое, который связан с делопроизводственной практикой и который получил в конце XIV и в XV вв. отражение в летописях и исторических сочинениях.

Во всех списках «Задонщины» мы встречаем хронологические уточнения вроде следующих: «От Калагъския рати до Мамаева побоища лет 160». Своеобразная делопроизводственная конкретизация вторгается в поэтический стиль, автор «Задонщины» не замечает при этом вопиющего противоречия стилей: «О соловей лѣтъняа птица, что бы ты, соловей, вышекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всеи и дву братьов Олгердовичев, Ондrei да брат его Дмитрей Олгердовичев, да Дмитрей Вольинский. Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномѣ времени, ведоми полковидцы...» Летописная конкретизация вносится в прямую речь действующих лиц, в плач русских жен, в поэтические оповещения и описания: «Солнце ему (Дмитрию Донскому. — Д. Л.) на встоуѣ септября 8 в среду на

рожество пресвятыя богородица ясно свѣтитъ, путь ему повѣдаеть...»

Такого рода «чиновничьих уточнений» в «Задонщине» не мало во всех списках. Характерно, что в «Задонщину» проникли не только элементы делового стиля, но и психология московского служилого, его своеобразные «карьеристские» представления. Типичная дума московского бюрократа сказывается в «Задонщине» в словах Дмитрия Донского, обращенных к выступающим в поход боярам: «Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женамъ».

Все это очень характерно для автора «Задонщины», и все это полностью отсутствует в «Слове», исключительно свободном от всякого рода казенных, «бюрократических» интересов, непринужденно называющего князей без титулов, а иногда и без отчеств. Если бы не «Задонщина» происходила от «Слова», а «Слово» происходило бы от «Задонщины», автор «Слова» должен был бы сделать выборку только одного стиля из всего произведения и начисто очистить его от всех «деловых» элементов, как и от всех других признаков XV в. в «Задонщине».

Несмотря на свои небольшие размеры, «Задонщина» однообразно повторяет одни и те же стилистические формулы, близкие к «Слову». Это типичный результат посредственного подражания: подражатель берет из своего оригинала только некоторые стилистические элементы, которые по тем или иным причинам ему запомнились. Он может забыть, что он уже употребил то или иное выражение или образ оригинала. Возьмем некоторые примеры из одного из списков «Задонщины»: «испытаем мечевъ своих литовъскихъ о шеломы татарския», «гремѣли князи руския мечи о шеломы хыновския», «възгремѣли мечи булатныа о шеломы хыновския», «гремят мечи о шеломы хыновския». Другой пример по тому же списку: «А в них сияють доспехы золочеными», «а злаченым доспѣхом

посвѣчиваше», «златым шеломом посвѣчиваше», «золочеными шлемы освѣтиша». Или еще пример: «уже погании татарове на поля наши наступаютъ», «поганные поля наша наступаютъ», «тогда князь поля наступаетъ». Это однообразие стилистических формул в «Задонщине» соединяется с еще одной не менее характерной чертой — стремлением разъяснить читателю тот или иной образ. Так, например, в «Слове» Всеволод Буй Тур гремит «о шеломы», а в «Задонщине» добавляется «хиновѣския»; в «Слове» «влѣщи грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовут, лисици брешутъ на чръленыя щиты», а в «Задонщине» разъясняется: «орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чаютъ побѣду на поганыхъ». В «Слове» говорится о Ярославѣ Осмомысле, что он затворил Дунаю ворота, а в «Задонщине» объясняется, зачем надо преградить путь течению реки: «Замкни, государь князь великий, Окъ рекъ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ѣздили».

Автору подражания (т. е. автору «Задонщины») чужды употребляемые им формулы, он им как бы не доверяет и стремится разъяснить читателям их значения.

Характерно, что в «Задонщине» сложные образы «Слова» отсутствуют, либо значительно беднее, чем в «Слове». Так, например, в «Слове» есть великолепная картина движения половецких орд в степи: «А половеци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычать тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди ропущени». В «Задонщине» тоже говорится о скрипе степных телег, но насколько в ней картина беднее: «Уже бо въскрипѣли телегы меж Дономъ и Непромъ, идут хинове в Руськую землю».

В «Слове о полку Игореве» сказано: «Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровню поляна: тугою

взыдоша по Руской земли», а в «Задонщине» этот образ обедняется: «Черна земля под копыты костьми татарскими поля насѣяша, а кровью земля пролита».

Образ Бояна в «Слове» полнокровен, связан со всем замыслом введения к «Слову» — выбором стиля; в «Задонщине» от этого образа осталась лишь бледная тень.

Перенос старой формы оригинала на новое содержание никогда не остается безнаказанным. Несоответствия новому содержанию нет-нет да должны проявиться так или иначе. В «Задонщине» их довольно много.

В «Задонщине» войска Мамая идут на Русь не из района Золотой Орды на Волге, как это было в действительности, а из района старых зимовий половцев — от моря «между Доном и Днепром». Почему? Да потому, что в «Слове» навстречу Игорю именно оттуда движутся половцы, — была весна. Это явный остаток «Слова» в «Задонщине».

В «Задонщине» говорится, что гнездо русских князей никогда не было «изобижено», не находилось в обиде: «Досюды есмь были, брате, — говорит Дмитрий Донской, — никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречету, ни тому псу поганому Мамаю». И это утверждается после полутораста лет страшного монголо-татарского ига! Почему? Дело ясное: Игорь Святославич был первым русским князем, попавшим в плен к половцам, поэтому автор «Слова» мог воскликнуть о «хоробром» гнезде ольговичей, двигавшемся навстречу своему поражению: «Не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный ворон, поганый половецине!» Перенеся эту тираду в свое произведение, автор «Задонщины» не заметил, что пишет явную несообразность.

В «Задонщине» жены плачут по убитым мужьям и просят Москву-реку прилеять их к себе. Как это возможно,

ведь они убиты? Это тоже остаток «Слова»: Ярославна, чьему плачу подражают московские жены, просит Днепр вызволить Игоря из плена и прилежать к ней живого мужа.

В «Задонщине» русские жены (вдовы) получают «полоняные вести», т. е. вести о пленении их мужей, которые на самом деле были убиты. Сами вдовы называются в «Задонщине» «полонянными женами» — женами пленников, а не вдовами. Причина та же.

В «Задонщине» Дон прорывает каменные горы. Какие? Это тоже остаток «Слова»: там Днепр пробивает каменные горы — бурные Днепровские пороги, лежавшие на его пути, перегораживавшие самое течение Днепра. На Дону же порогов нет.

«Задонщина» лишена элементов язычества и двоеверия, но деревья в ней склоняются от скорби. Что это — только художественный образ? Нет, в «Слове» преклоняются до земли деревья, так как вера в деревья была органической частью русского язычества, а художественная система «Слова» была тесно связана с русским двоеверием XII в.

Есть в «Задонщине» и такие «остатки» ее оригинала — «Слова», которые кажутся на первый взгляд вполне «естественными». Так, например, выезд Дмитрия Донского в поход сопровождается счастливой приметой: солнце ему ясно светит на востоке. Сама по себе, взятая изолированно, эта примета не может вызвать подозрений, но если мы вспомним, что почти в тех же самых выражениях говорится в «Слове» о том, что солнце тьмою заступило путь Игорю и в тот же самый момент — при его выезде в поход, то возникает вопрос: что же вторично? Мог ли автор «Слова», живи он в XVIII в., «подогнать» реально имевшее место 1 мая 1185 г. затмение к соответствующему месту «Задонщины»?

Примеры остатков «Слова» в «Задонщине» легко можно умножить.

«Задонщина», подражая «Слову» и механически заимствуя из «Слова» отдельные выражения, смешала различные стили, создала диссонансы и несоответствия. Но могло ли «Слово» из разнотильной «Задонщины» выбрать элементы только одного стиля, из мозаики выражений «Задонщины» создать произведение удивительно цельное, углубить образы, имевшиеся в «Задонщине», и при этом не повредить их форму, часто близко соответствующую «Задонщине», освободиться от ненужных повторений, от анахронизмов и пр. и пр.?

«Слово» как подражание «Задонщине» было бы в XVIII в. вопиющим диссонансом. Другого такого случая для русской литературы XVIII в. мы не могли бы указать. Но «Задонщина», как подражание «Слову», — типичное явление конца XIV—XV в. Древнерусские произведения конца XIV—XV в. подражали «Слову о гибели Русской земли», «Житию Александра Невского», «Повести о разорении Рязани Батыем» и многим другим произведениям XI—XIII вв. Это была эпоха обращения ко временам независимости, к домонгольской литературе, живописи, зодчеству, к политическим идеям и историческим традициям Киевской Руси.

Характерно, что подражания конца XIV—XV в. отличаются теми же чертами, что и «Задонщина»: разнотильностью в результате механических заимствований, бесконечными повторениями отдельных понравившихся выражений, обеднением образов и т. д.

Но отбросим все и спросим себя просто: разве может «Слово» быть подражанием «Задонщине», когда последняя несравненно слабее первой? Ведь подражать можно лишь выдающимся произведениям — произведениям с оригинальным стилем. А Мазон поступил в своем роде последовательно, когда в своих характеристиках «Задонщины» пытался ее «реабилитировать», доказать, что «За-

донщина» в художественном отношении выше «Слова». Тогда было бы понятно, что слабое в художественном отношении «Слово» подражает талантливой «Задонщине», но такая постановка вопроса идет вопреки очевидности.

Подделка начинает цениться только тогда, когда появляется сознание важности старины. Если памятники старины не имеют ценности, то и подделка не нужна. В связи с этим всегда будет казаться непонятным исчезновение того подлинного памятника, на основе которого делается подделка. Это исчезновение можно объяснить только тогда, когда подделка искажает содержание подлинника в более выгодном для подделывателя направлении. Взглянем с этой точки зрения на загадочное исчезновение того списка «Задонщины», под который якобы подделывалось или стилизовалось «Слово о полку Игореве». Зачем нужно было уничтожить или как можно было утратить список памятника, повествовавшего о величайшей в глазах людей XVIII в. победе русских, упоминавшей предков некоторых представителей Екатерининской знати¹? Утратить подлинник, чтобы создать подражание, по содержанию своему не представляющее равнозначной ценности для XVIII в., — это явление, которое нельзя объяснить. То, что все собрание рукописей А. И. Мусина-Пушкина, за исключением нескольких рукописей, находившихся не в этом собрании, сгорело в московском пожаре 1812 г., — это хорошо известно, но куда девался тот таинственный список «Задонщины», произведения, на самом деле открытого в плохом списке только в 1854 г. — это объяснить еще никто из скептиков не брался.

Сто раз скептикам задавался один и тот же вопрос: почему надо было подлинную повесть о величайшей победе русских над монголо-татарами заменять мистификацией, рассказывающей о крупном поражении мелкого новгород-северского князя Игоря от половцев? На этот вопрос еще ни разу не было получено ответа. Вопрос этот «не замечали», а он очень существен, особенно если пытаться доказывать, что «Слово» должно было призывать к завоевательной политике России на юге.

Вопрос этот тем более важен, что ведь по уверениям скептиков «Слово» подражало той версии «Задонщины», где Куликовская битва была превращена в пышную победу. О том, с каким энтузиазмом общество XVIII в. (и официальные верхи, и просветители) относились к победам русского оружия, в частности к присоединению Казани и к Куликовской победе, свидетельствуют многие факты и многие произведения русской литературы того времени.

Если «Слово о полку Игореве» написано не в XII в., а в XVIII в., то на каком языке оно написано?

Все исследователи языка «Слова о полку Игореве» изучали его в целом, как определенную систему. Они рассматривали лексику, морфологию, синтаксис, фонетику и приходили к выводу, что перед нами по своей системе литературный язык XII в., в который вторглись и некоторые особенности языка переписчиков более позднего времени — XV—XVI вв.

Но никто из скептиков не исследовал языка «Слова о полку Игореве» в совокупности всех его особенностей, как некоторую «искусственную» с их точки зрения систему XVIII в., и не ответил на

¹ А. В. Соловьев отмечает: «...бояре Дмитрия Донского, упоминаемые в «Задонщине», — это прямые предки Белосельских-Белозерских, Трубецких, Голицыных, Воронцовых, Тучковых

и других сановников царицы». (Соловьев А. В. Послесловие. — Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2. Белград, 1941, с. 58).

вопрос: на каком языке написано «Слово»? Что это в основе своей: литературный язык XVIII в., версия церковнославянского языка XVIII в. или что-нибудь другое? Между тем скептики обязаны были показать неправильность общих выводов С. П. Обнорского, Л. П. Якубинского, С. А. Булаховского и многих других исследователей языка «Слова», вскрыть в нем другую систему — искусственную или органичную для XVIII в.

Скептики не шли дальше частных соображений по поводу отдельных слов. Они указывали на наличие в «Слове» якобы полонизмов, якобы украинизмов, якобы галлицизмов, якобы модернизмов и пр. Я уже не говорю о том, что все галлицизмы и подавляющая часть указанных полонизмов оказались мифом, но дело в том, что скептики не выходили за рамки выборочных соображений по поводу отдельных элементов лексики и совершенно не касались весьма показательных сторон языка «Слова» — морфологии, фонетики и синтаксиса.

А как сложен хотя бы вопрос с полонизмами! Ведь полонизмы могут быть разные: полонизмы, пришедшие в русский язык в XVIII в., и полонизмы, пришедшие в язык в XII в. из старопольского. Отделить одни полонизмы от других никто из скептиков и не пытался, а ведь о западославянских элементах в языке «Слова» писали и те, кто твердо стоял на позициях утверждения подлинности «Слова» как памятника XII века¹.

Попробуем обратиться к лексике «Слова». Больше всего о подлинности «Слова» со стороны его языка свидетельствует словарный состав «Слова» и сравнение его со словарным составом «Задонщины». Ни одно из сравнительно поздних слов, характерных для «Задонщины», не отражено в словаре «Слова».

В «Слове» нет таких сочетаний, как «дети боярские», «большой боярин», «калантырь», «байданы», «басурменин», в мн. др., имеющих в «Задонщине». Встречающиеся в одних и тех же сочетаниях в «Слове» и в «Задонщине» отдельные замены слов всегда свидетельствуют о более ранних словах для «Слова» и более поздних для «Задонщины»: в «Слове» «быля» — в «Задонщине» «боярин»; в «Слове» «кмети» — в «Задонщине» «полководцы»; в «Слове» «песнотворец» — в «Задонщине» «гудец»; в «Слове» «дань» — в «Задонщине» «выход»; в «Слове» «поганые» — в «Задонщине» «бусорманове»; в «Слове» «бусый» — в «Задонщине» «серый»; в «Слове» «жир» — в «Задонщине» «богатство»; в «Слове» «болого» — в «Задонщине» «добро».

Предполагаемый автор «Слова» XVIII в. должен был бы быть выдающимся лингвистом, до такой степени знающим лексику XII в., чтобы ни разу не ошибиться, переделывая лексику, и не ввести в «Слово» из «Задонщины» ее более поздних выражений. И это в эпоху, когда вообще представления об изменениях языка отсутствовали! При этом автор XVIII в., оказывается, хорошо знал и изменения отдельных значений слов. Так, например, слово «хоругвь» как «военное знамя» уже в XVI в., а может и раньше, стало означать только «церковное знамя», но в «Слове» оно правильно употреблено как знамя военное. Утратилось в XVIII в. и значение слова «полк» как поход, не стало и значения слова «стяг» как войсковой части. Автор «Слова» знает слово «тльковинъ», встречающееся только в «Повести временных лет» под 907 г. Он знает значение слова «кнѣзь» — слова, над разгадкой которого бились многие исследователи, и правильно его употребляет, связывая его с на-

¹ См., например, гл. «Гипотеза об участии западнорусской стихии в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Акад. Орлов А. С. «Слово о полку Игореве», изд. 2-е. М.—Л., 1946, с. 193—205.

родными поверьями¹. Он употребляет правильный старый охотничий термин «путины», замененный впоследствии в московское время термином «ногавки». Он правильно употреблял феодальную терминологию: «отец», «сын», «сыновец», хотя для автора позднейшего времени легко было принять все эти выражения за обычные термины родства.

Нельзя не вспомнить и о тюркизмах «Слова». Никто из востоковедов, исследовавших тюркские элементы «Слова», никогда не сомневался в подлинности «Слова». Напротив, именно многочисленны тюркизмы, зарегистрированные в «Слове» в их древней форме, больше всего убеждали в подлинности «Слова» таких исследователей, как П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, В. А. Гордлевский, С. Е. Малов, американцы К. Менгес и Притцак, поляк А. Зайончковский.

В краткой статье невозможно привести и сотой доли свидетельств подлинности «Слова», заключенных в его языке.

Исторические сведения «Слова» необходимо рассмотреть в их совокупности. Совпадает ли совокупность сведений «Слова» с известными нам летописями? Нет! В «Слове» есть иное изложение части событий. Кроме того, в «Слове» говорится о таких исторических фактах, которых вообще нет в летописи и правильность которых устанавливается многосторонним изучением самых разнообразных источников. Следовательно, говорить о том, что «Слово» заимствует факты только из исторических источников, известных в конце XVIII в., нельзя. Автор «Слова» осведомлен о событиях как их современник. Знания современника и сведения ученого-историка, вос-

становливающего историческую обстановку по источникам, различны по своему типу.

Сведения автора «Слова» не ограничиваются летописями. Автор знает и то, чего не знают летописи, но, как современник, не придает этим своим знаниям особого значения. Так, например, летопись не знает упомянутого в «Слове» Изяслава Васильковича. Из двух его братьев, Брячислава и Всеволода, летопись упоминает только первого. «Создавать» нового брата автору «Слова» не было никакого смысла. Между тем из летописной статьи 1180 г. мы знаем, что братьев было семь. Это косвенно подтверждает возможность существования Всеволода. Хроникер Генрих Латыш упоминает под 1186 г. Владимира Полоцкого².

Автор выказывает себя знатоком истории как бы мимоходом — именно так, как и делают современники и для современников событий, не придавая значения своим знаниям. Так, например, в конце XVIII в. легко было назвать Ярославну по имени: в бумагах Екатерины II был Любецкий синодик, в котором жена Игоря значится под именем Ефросиньи³. Так именно ее и называет Татищев и авторы комментария к первому изданию «Слова». Но автор «Слова» предпочитает назвать ее по отчеству: именно по отчеству или по мужу назывались обычно женщины в летописи: Дмитровна (жена Мстислава Владимировича в Новгородской I летописи под 1122 г.), Ростиславна (жена Олега Святославича в Ипатьевской летописи под 1116 г.), «том же лете умре Андреевна за Олегом Святославичем» (в Ипатьевской летописи под 1167 г.), Кончаковна (дочь Кончака, же-

¹ См.: Алексеев М. П. К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950.

² См.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, с. 71 и 94.

³ В Любецком синодике упомянут великий князь Черниговский Феодосий и его княгиня Ефросиния. Если Феодосием называли в иночестве Игоря Святославича перед смертью, то имя Ефросиния могло относиться к Ярославне.

на Владимира Игоревича), Ярославна (жена Ростислава Глебовича).—(Полное собрание русских летописей, т. II, с. 491) и мн. др. Что же касается до имени Ярославны — Ефросиньи, то теперь ученые имеют все основания сомневаться в точности этого упоминания.

Сколько бы ни обставляло время «Слова» западнями, оно не попало ни в одну!

Половец, помогавший Игорю бежать из плена, в Ипатьевской летописи и в «Истории» В. Н. Татищева назван Лавром, Лавором. Однако форма слова Овлур оправдывается половецким языком. Овлур или Влур может быть успешно объяснено из древнетюркского корня *Ulu* — «выть по-волчьи», откуда *ulu-g* — «воющий по-волчьи», что совпадает с имеющимся в «Слове» сравнением Влур-Овлура с волком («тогда Влур влъкомъ потече»)¹.

Долгое время имя Боян не встречалось среди имен Древней Руси — и вот теперь оно нашлось среди графитти XI в. киевской Софии. Обычный прием — отводить свидетельства, объявляя их подделкой, здесь не подойдет.

Автор «Слова» должен был быть либо современником событий, жить в XII в., либо гениальным ученым, предвосхитившим многие данные исторической науки XIX и XX вв.

Ипатьевскую летопись автор XVIII в. должен был использовать во всех ее тонкостях и сложностях. Он должен был, например, восстановить биографию Всеволода Буй Тура и использовать его характеристику под 1196 г.: «Во Олговичах всих удалее рожаемъ и воспитаемъ и возрастом и всею добротю и мужьственною доблестю и любовъ имееше ко всим». В прозвище Всеволода *Буй Тур* он должен был учесть и то, что тур в Древней Руси был символом храбрости (о Романе

Мстиславиче Галицком в Ипатьевской летописи под 1201 г. сказано «храбор бе яко и тур»), и тюркское слово «телебуга», часто встречающееся как прозвище храброго человека и смысл которого буквально тот же — «буйный тур» (см. об этом в упомянутой работе Менгеса о восточных элементах «Слова»). Но Ипатьевская летопись еще не была напечатана в XVIII в.

Многое, о чем мы узнаем из «Слова», отсутствует в летописи. Отсутствует, но никогда не противоречит ей! И это очень важно.

Из «Слова» можно понять, что Всеволод Буй Тур княжил в Курске. Прямых сведений об этом в летописи нет, но сообщение «Слова» об этом очень вероятно. Прежде всего отметим, что нет сведений о том, что Курск принадлежал другому князю. Известно, однако, что Курск входил в число владений ближайших родственников Всеволода — отца и брата. С 1141 г. Святослав Ольгович, отец Игоря и Всеволода, княжил в Курске и Новгороде-Северском (Полное Собрание русских летописей, т. II, с. 309). Договор 1149 г. с Юрием Долгоруким подтвердил его права на Курск и Посемье (там же, с. 384). А в 1161 г. Святослав отдает Курск старшему сыну Олегу (там же, с. 513). Далее в летописях ничего не сообщается о Курске до 1185 г., когда Всеволод выступает в поход с Игорем на половцев, идя «инем путем, ис Курска».

Ясно, что автор «Слова» знал о положении дел как современник и поэтому его сведения о них иногда шире сведений летописей.

В «Слове» упоминается около 40 князей. Много ли при этом допущено ошибок?

Все характеристики русских князей в обращении к ним исторически точны.

¹ См.: Menges K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos

«The Igor Tale». Supplement to "Word", monogr. N I. 1951, с. 24.

Автор «Слова» знает, что отец Всеволода княжил на киевском столе. Он знает, как умер Владимир Глебович. Он знает о могуществе Всеволода на Волге: в 1183 г. Всеволод победил волжских болгар, загнав их в Волгу, в результате чего более тысячи болгар утонуло. Он называет Рюрика Ростиславича «буй», и эта характеристика как нельзя более подходит к этому запальчивому и смелому князю, как это выясняется современными исследованиями. Он точно называет, что Ярослав Галицкий высоко сидит на своем золотокованном столе: кремль Галича, где находился дворец Ярослава, стоял на высокой (Крылосской) горе. Он правильно оценил время Олега Гориславича: «Тогда по Русской земли рѣтко ратаевъ кикахуть». Именно так охарактеризовано это время в летописи словами Мономаха на Долобском съезде: «начнетъ орати смерд и приехав половчин... ударить ѿ (его) стрелой, а лошадь его поиметь» (Лаврентьевская летопись под 1103 г.). Автор «Слова» помнит о поражении Шарукана в 1106 г. и поэтому говорит о мести Шарукана. Об этом же говорит и Гзак Кончаку после поражения Игоря, но в форме, которую мог понять только хорошо осведомленный человек: «Пойдем на Киевскую сторону, где суть избита братия наша и великий князь нашъ Бонякъ» — ведь Боняк потерпел поражение в той же битве 1106 г., что и Шарукан. Объяснение это ведет нас к явному знакомству автора с генеалогией половецких князей (Шарукан был дедом Кончака). Автор «Слова» определяет размеры победы по дешевизне рабов, как это и делалось в летописи (ср. Новгородскую I под 1169 г.). Автор «Слова» в точном соответствии с историческими представлениями XII в. прибегает к ха-

рактеристике родоначальников для того, чтобы охарактеризовать их потомков¹. Он правильно употребляет военную и феодальную терминологию своего времени: «затворить ворота», «отворить ворота», «приломить копье», «рядить суды», «вступить в стремень», «понизить стяг» или «повергнуть стяг»². Он знает «ятвягов». Он знает такие редко упоминаемые в памятниках виды оружия, как «сулица», «стружие».

Автор знает, что в черниговской земле осели тюркские племена, и называет роды тюркских племен. Как бы ни рассматривать эти названия, их тюркское происхождение ясно и никем не отрицалось. Ковуи были тюрки. В «Слове» говорится о клике половцев — половцы действительно наступали «кличучи» (Лаврентьевская летопись под 1185 г.) против Владимира. Он знает такую особенность русской одежды, как «злато ожерелне». Он знает, что существовали венгерские («угорские») иноходцы: Венгрия в XII в. действительно торговала хорошо выученными иноходцами.

Автор «Слова» должен был быть не только знатоком природы, но и всего, что связано с охотой. Он даже должен был знать о том, что пардусы употреблялись на Руси как охотничьи звери, о чем он мог только косвенно узнать из Ипатьевской летописи под 1159 г.

Автор «Слова» образно говорит о пленении хана Кобяка в 1183 г. и знает при этом, что пленных держали иногда в княжеских гридницах («и падеся Кобякъ въ градъ Киевъ в гридницѣ Святъславли»). Об этом он мог узнать только из Софийской I летописи под 1097 г. и из статьи 1216 г. Новгородской I летописи.

¹ См. подробнее: Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В сб.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, с. 17—18.

² См. подробнее: Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве», с. 53—92.

Помимо имен и событий, в «Слове» получили свое отражение многие исторические явления, которые также не могли быть почерпнуты автором «Слова» из летописей. Они совершенно просто объясняются, если автора считать жившим в XII в., и они совершенно непонятны, если думать, что автор жил в XVIII в. и восстанавливал эпоху по историческим источникам.

Для XVIII в. было бы естественно все язычество «Слова» вывести из статьи летописи 980 г., в которой перечислены древнерусские языческие боги. Но в летописной статье 980 г. нет Велеса, нет Карны и Жели, нет Трояна, а самое главное — нет всех тех языческих представлений, связанных с каждым из этих упоминаний и оказавшихся точными уже в результате исследований XX в.

Не отразились в «Слове» имена языческих богов, которые по недоразумению были зачислены в XVIII в. в древнеславянский Олимп (Зимцерла, Услад и пр.), или таких, которые не принадлежали к числу русских богов (Чернобог, Световид). Не были известны в XVIII в. анимизм, широко представленный в «Слове», вера в оборотничество, также представленная в «Слове».

В «Слове» получил отражение культ рек, культ деревьев, культ рода, получили отражение верования во второстепенных, народных богов и т. д.

Сведения о язычестве, содержащиеся в «Слове», решительно подтверждают его подлинность. В «Слове» нет ни одной из тех многочисленных ошибок в толковании языческих верований, которые так типичны для XVIII в.

Но, в конце концов, рассуждая об исторической точности «Слова», не следует забывать, что «Слово» не историческое сочинение, а художественный памятник. В нем могут быть некоторые неточ-

ности, связанные с особыми художественными задачами, перед ним стоящими: в нем могут быть гиперболы, перестановки событий, пропуски имен и пр.

«Паганиззм» «Слова» А. Мазон считает неуклюжей подделкой под «псевдоклассицистические» вкусы XVIII в. Между тем представления конца XVIII в. о древнерусском язычестве хорошо известны и они решительно не соответствуют тому, что мы имеем в «Слове». Прежде всего в XVIII в. считалось, что язычество прекратило свое существование после крещения Руси. «Привыкший рассматривать историю как цепь правительственных актов и веривший в их абсолютную обязательность, писатель (XVIII в. — Д. Л.) считал, что момент официального крещения Руси был последним днем язычества. В дальнейшем малейшее проявление уважения к языческим богам — двойное преступление: грех против церкви и неповиновение правительству»¹.

Сведения по славянской мифологии даны были в «Кратком мифологическом лексиконе» Чулкова 1767 г. и в «Кратком описании древнего славянского язычества баснословия» Попова 1768 г. Достаточно сравнить сведения этих книг с тем, что мы имеем в «Слове», чтобы убедиться, что они не могли быть источниками «Слова». Упоминаемый в «Слове» Хорс определен в них как славянский Эскулап. Ярославна называет в «Слове» своего мужа ладой, а это означает по определению XVIII в. — «богиня киевская, подобная во всем Венере». Богом, управляющим ветрами, является в этих источниках не Стрибог, а Догода — «славянский Зефир» и пр. Не мог быть источником «Слова» и «Словарь русских суеверий» Чулкова, вышедший в 1782 г. (второе издание 1786 г. под названием «Абевега русских суеверий»).

¹ Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала

XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 358.

Если автор «Слова» жил в XII в., то все ясно и просто с вопросом о том, откуда он знал об упоминаемых им событиях, о жизни, о быте, о вооружении, о географии Руси, о язычестве. Почему он так точно мог охарактеризовать каждого из князей? Почему он иногда не совпадал с летописью и знал больше, чем знали летописцы?

Если же автор жил в XVIII в., то мы должны предположить, что он был гениальным ученым, предвосхитившим многие познания, полученные о XII в. учеными конца XIX и XX в., опередившим не только историков, но и археологов, фольклористов, лингвистов, литературоведов своего времени.

Сложность положения особенно отчетлива в том случае, когда скептикам приходится объяснять многочисленные параллели — фразеологические, стилистические, образные и пр., — подысканные исследователями «Слова» в современной ему литературе. Переводя «Слово» в XVIII в. из XII в., скептики вынуждены все близкие параллели считать не параллелями, а источниками и многочисленность их снова объяснять гениальной осведомленностью автора XVIII в., творившего «Слово» как мозаику из разных источников.

Формулировка этого важного положения принадлежит В. П. Адриановой-Перетц. В самом деле, к отдельным местам, словам, выражениям, стилистическим оборотам и образам «Слова», как известно, подыскано множество параллелей в современной ему литературе русской, древнеболгарской, византийской, древнесербской и пр. Эти параллели имеют единственное объяснение в том, что автор «Слова» принадлежал к той же породе литературного развития, следовал традициям и вкусам своего времени, знал

язык, на котором писал не по источникам, а в его живом употреблении. Приведя многие параллели (именно параллели) к «Слову о полку Игореве», Н. К. Гудзий пишет: «Можно было бы привести еще много подобных параллелей из произведений книжной литературы, но сколько бы мы ни приводили их — из Библии, из летописи, из книг повествовательного характера, из произведений Илариона и Кирилла Туровского, — эти параллели говорят только об общности известных стилистических формул в «Слове» и в указанных памятниках. Картина получается приблизительно такая же, как если бы мы, анализируя творчество Пушкина, отмечали в его поэтическом стиле и в его фразеологии ряд образов и ходячих формул, которые и до Пушкина вошли в прочный литературный обиход. Заподозрить на этом основании Пушкина в подражании кому-либо из его предшественников или современников было бы так же несправедливо, как несправедливо заподозрить и автора «Слова о полку Игореве» в каком-либо подражании»¹.

Между тем, утверждает В. П. Адрианова-Перетц, если признавать автора «Слова» жившим в XVIII в., то сразу должно быть изменено отношение к этим параллелям: параллели становятся «источниками», автор должен был их разыскивать, он должен был вести трудную исследовательскую работу по источникам, чтобы создавать свое произведение как мозаику. В самом деле, автору «Слова», жившему в XII в., не надо было быть знакомым с «Хроникой» Манассии, чтобы свое обращение к Бояну составить близко к тому, как написано в этой хронике обращение к Гомеру. Так было принято в его время! Таков был художественный метод, стиль литературы, язык литературы XII в.! Автору «Слова» в

¹ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966, с. 141.

XII в. не надо было быть сверхъестественным эрудитом.

Теперь представим себе, что автор «Слова» писал в XVIII в. Все, что исследователи «Слова» считали параллелями к «Слову», должно считаться источниками «Слова».

Всесветная слава, которую поют Святославу немцы, венецианцы, греки и моравы, находит себе близкие параллели в «Слове Илариона», в «Житии Александра Невского» и «Житии Довмонта Тимофея», в «Похвале роду рязанских князей». По крайней мере один из этих памятников должен был быть известен автору XVIII в.

Источниками «Слова» надо было признать «Задонщину», «Девгениево Деяние», Ипатьевскую летопись, Кенигсбергскую летопись, «Сказание о Мамаевом побоище», Никоновскую летопись, «Повесть об Акире Премудром», Библейские книги, «Историю Иудейской войны», «Моление Даниила Заточника», «Двенадцать снов Шахнаиши», «Слово» Кирилла Туровского, «Слово о законе» Илариона, «Слово о воскресении Лазаря», «Хронику» Георгия Амартола, «Хронику» Малаалы, «Хронику» Манассии, «Слово о гибели русской земли», «Хождение игумена Даниила».

Особенно следует обратить внимание на те слова и выражения в «Слове о полку Игореве», параллели к которым редки — обнаруживаются только в одном или двух памятниках. По счастью, такие редкие параллели в «Слове» многочисленны. Следовательно, чтобы употребить эти редкие слова и выражения в XVIII в., необходимо было знать именно эти памятники. Приведу некоторые редкие параллели, указанные В. П. Адриановой-Перетц¹.

Выражение «тьмою ся поволокоста» находит себе параллель только в «Фи-

зиологе»: «ослепнут ей очи и поволочется и не видети... солнца». Слово «стружие», кроме Ипатьевской летописи, есть только в «Хождении игумена Даниила», и именно из последнего памятника ясно значение этого редкого и возможно областного (черниговского) слова — «копье». Выражение «поскепаны... шело-мы» есть в переводе «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, но употреблено оно в отношении щитов («щиты поскепаны») и в «Житии Стефана Сурожского» (в отношении икон). Выражение «мыслию перелетети» имеет близкую параллель в «Шестодневе» Иоанна Экзарха — «мыслию възлетети». Форма «болого» есть только в «Русской правде». «Наниче» встречается только в Златоусте XII в. Форма «бобрян» (при обычной «бобровый») есть только в «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. Слово «быля» (см. в «Слове»: «съ черниговскими былями») есть только в «Хронике» Георгия Амартола. В «Хронике» же Георгия Амартола есть форма «сморци» (см. в «Слове» «идут сморци мыглами»), при этом только в старшем списке Георгия Амартола — XIII — XIV вв. (обычная форма «смерци»), найденном гораздо позднее открытия «Слова о полку Игореве». Выражение «мыслию поля мерить» имеет близкие параллели только в «Шестодневе»: «луны убо не мозем очима мерити, нъ мыслию», «убогий человек мерит мыслями божию силы». Список этих редких слов, форм и выражений может быть значительно умножен, но и приведенного материала достаточно.

Собственно, ту же проблему, что и книжные параллели, представляют и параллели из области фольклора.

Если автор «Слова» жил в XII в., то фольклор в это время был его естественным окружением. Если же автор жил в

¹ См.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

XVIII в., когда к фольклору в духовной среде и в верхах общества вообще существовало особое отношение (к этому мы еще вернемся), то большая часть параллелей также превращается в «источники». Для автора XII в. фольклор — стихия, в которой он живет; знание же фольклора автором XVIII в. — это его эрудиция.

Важно обратить внимание на то, что в «Слове» встречаются вовсе не обычные элементы фольклора, а редкие, обнаруживаемые иногда только в одном каком-либо произведении. Автор «Слова», живи он в XVIII в., должен представлять собой ученого, значительно опередившего свою эпоху, когда фольклор понимался, как мы это увидим в дальнейшем, своеобразно и вовсе не так, как в «Слове». Фольклорные образы «Слова» разыскиваются поодиночке в собраниях XIX и XX вв. — Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Кириши Данилова, Григорьева, Максимова, Радченко, Тихонова и Миллера, Антоновича и Драгоманова, Шейна, Буслаева и Тихонравова, Мачульского, Соболевского, Потебни.

Многие параллели к «Слову» обнаружены в фольклорных произведениях только сейчас. Так, например, еще недавно считалось, что выражение «Слова» «Днепръ Словутичъ» не имеет близких соответствий в фольклоре (указывались только напоминающие выражения). Однако В. И. Малышев в найденной им повести о Сухане XVII в. нашел совершенно точную параллель — «Непр Слаутич»¹. Очень близкая параллель к соответствующему месту «Слова о полку Игореве» — «Ваю храбрая сердца въ

жестоцемъ харалузѣ скована, а в буети закалена» — разыскана Л. С. Шептаевым в сборнике «Великорус» Шейна:

(У свекра ...) сердце каменно,
в буети заковано,
в булате сварено.

(Шейн. Великорус, 1900, № 544)².

Слово «шестокрилицы» найдено Н. Дылевским в южнославянском фольклоре³. До того считалось, что слово «шестикрылый», «шестокрылатый» и пр. литургического характера (ангел — серафим). А в «Слове» это эпико-героический образ, такой же, как в южнославянском фольклоре. Я не утверждаю, что автор XII в. «Слова о полку Игореве» был непременно необразованным и неначитанным человеком. Напротив, он, конечно, был человеком книжным. Несомненно, он читал «Повесть временных лет», так как многие из его воспоминаний русской истории (о Мстиславе, о юноше-князе Ростиславе, о Всеславе Полоцком и пр. и пр.) близки по формулировкам к этому величайшему произведению Древней Руси. Но круг остальной его начитанности мог быть меньше или больше, это был круг его постоянного обычного чтения, чтения всей его жизни. Он читал те произведения, которые до нас не дошли. Он рос в этой литературной атмосфере. Он рос в атмосфере народной песни. Чтобы услышать былины, которые впоследствии исчезли в Белоруссии и на Украине, стали редкостью во многих частях России, ему не надо было ехать в Архангельскую или Олонецкую губернию. Фольклор обслуживал тогда все слои общества. Не то в XVIII в. Чтобы напи-

¹ Малышев В. И. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, с. 112—113.

² См.: Шептаев Л. С. Заметки к древнерусским литературным памятникам. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 427.

³ «Бележки върху «Слово о полку Игореве». — «Известия на Института за българские лит-ра». Кн. трета. София, 1955, с. 105—110.

сать «Слово» в XVIII в., автор его должен был быть ученым, совершенно исключительным любителем и ценителем фольклора, опередившим все знания своей эпохи, а главное — понимание фольклора XVIII в.

Переводя «Слово» из XII в. в XVIII в., исследователь обязан внимательно рассмотреть все параллели, найденные исследователями в обширной древнерусской оригинальной и переводной литературе, и либо отвергнуть их, либо перевести в разряд «источников». Даже при самом беглом отборе «источников» их окажется так много и при этом в памятниках столь редких и в XVIII в. еще не открытых, что мы вынуждены будем признать:

1) что, живи автор в XVIII в., он должен был бы обладать сверхъестественной начитанностью в древнерусской литературе и наслышанностью в фольклоре;

2) что он знал множество древнерусских произведений, еще не опубликованных или даже не открытых в XVIII в.;

3) что эти неизвестные памятники при таинственных обстоятельствах затем исчезли из рукописных хранилищ.

«Слово о полку Игореве» было открыто в обстановке, когда во множестве собирались и открывались и другие исторические документы, издавались памятники русской истории. Но все эти памятники ценились прежде всего как исторические источники, а не как литературные памятники. С точки зрения вкусов классицизма они не представляли собой эстетической ценности, и предромантические настроения, начавшие овладевать обществом, не смогли еще много здесь изменить. Исторические темы вошли в литературу, но они подносились читателю в антиисторическом духе патетической декламации. Эти декламации на

исторические темы никогда не стилизовались под старинную или народную речь. Хорошую характеристику разработке в литературе конца XVIII в. исторической темы дает В. В. Виноградов: «Обращаясь к историческим темам, русские авторы XVIII в. писали на самом деле авантюрные и философические романы, иногда с явным публицистическим уклоном в сторону современности, в сторону тенденциозности отражения мыслей и настроений текущего политического момента (ср. «Нума», «Кадм и Гармония», «Поллидор» Хераскова). «Привлекательности баснословия» и «вымыслы» торжествовали над историческим правдоподобием. Херасков, П. Зарьин (автор «Приключений Клеандра, храброго царевича Лакедемонского»), Пракудин (автор «Валерии»), Ф. Эмин и др., при всем различии их стилей, были одинаково далеки от стремления с помощью словесно-художественных средств — хотя бы и современной литературной речи — создать исторический, этнографический или местный колорит изображаемых событий. Попытки освещения восточнославянской богатырской старины у М. Чулкова в его «Русских сказках» (1780) и «Славянских сказках» («Пересмешник», 1766), а также у М. Попова в «Славенских древностях» (1770), в «Вечерних часах, или Древних сказках славян древлянских» В. Левшина (1787) и некоторых других сочинениях второй половины XVIII в. были также полны традиционных ситуаций и стилистических форм героических поэм и рыцарских романов эпохи классицизма»¹.

Из произведений древнерусской литературы XVIII в. импонировали только переводные рыцарские романы XVIII в. Издавался «Бова-королевич», «История о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче», «История о храбром рыцаре Франциле Венециане и прекрасной

¹ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 516—517.

королеве Ренцывене», «Постоянная любовь Евдона и Берфы», «История о славном рыцаре Петре Златых Ключей» и др.

Фантастический, точно не определенный в хронологических границах характер имели, например, трагедии Княжнина на древнерусские сюжеты: «Вадим Новгородский» (1789), «Владимир и Ярополк» (1772) — переделка «Андромахи» Расина, «Рослав» (1784).

Трагедии эти претендовали не столько на историчность, с которой они считались очень мало, сколько на «аллюзии», намеки на современную политическую действительность. Все они в фантастических чертах рисовали политический строй Древней Руси. В «Вадиме» Княжнина использованы мотивы трагедий Вольтера «Брут» и «Смерть Цезаря», а также трагедии Корнеля «Цинна». Тот же характер, что и трагедии Княжнина из древнерусской истории, имела и знаменитая трагедия Николева «Сорена и Замир».

В «Сорене и Замире», кстати, использовано одно лицо, упоминаемое и в «Слове о полку Игореве», — на примере его поэтому яснее всего видно различие в отношении к древнерусской истории «Слова» и писателей XVIII в. В «Сорене» «царь российский» Мстислав (см. в «Слове» — «иже зарѣза Редедю») покоряет страну половцев, влюбляется в Сорену, жену половецкого князя Замира. Далее вступают в силу тираноборческие тенденции XVIII в. Мстислав оказывается тираном. Он хочет смерти пленного Замира. Сорена борется с ослепленным любовью Мстиславом. Пытается убить его, но вместо Мстислава случайно убивает своего мужа Замира и закалывается. Половцы идеализированы. В их стране «вольностью и счастьем всяк гордился». Только в начале XIX в. появляются исторические произведения, черпавшие сюжеты из летописей, — сюжеты, но еще не стили!

Не могло быть в конце XVIII в. и подражания народной поэзии. В конце XVIII и в начале XIX в. фольклор воспринимался как нечто принадлежащее к низшему роду искусства. Фольклорные мотивы могли быть введены в сатиру, в комедию, в дружеские и шуточные песни. Народные поговорки и пословицы использовал «Письмовник» Курганова. Фольклорный язык отождествлялся с простонародным. Однако «Слово» по своей теме принадлежало к «высокой» литературе. Оно принадлежало к высоким жанрам в той иерархии литературных жанров, которые зафиксировал Ломоносов. В «Слове» изображены «геройство и высокие мысли». Оно могло восприниматься только как героическая поэма, как «песнь» и именно так было воспринято современниками (см. заглавие, данное «Слову» его первыми издателями: «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя новгород-северского Игоря Святославича»). Народность «Слова», его связь с народной поэзией до Пушкина и Максимовича совершенно не воспринималась и не могла быть поэтому введена в него воображаемым автором XVIII в.

Как понимался фольклор в конце XVIII в., отчетливо видно по обращению к фольклору в произведениях Чулкова, Попова, Левшина. Фольклор воспринимался прежде всего как просторечие, как снижение стиля, т. е. прямо противоположно его функции в «Слове». Фольклор использовался поэтому в сатирических журналах. Прежде всего в литературу входили пословицы, новеллистические сказки, анекдоты, песни. Во всех сборниках фольклорного материала конца XVIII в. фольклор был перемешан с нефольклорного происхождения произведениями. Вот что пишет, например, М. К. Азадовский о сборниках Левшина: «Материал левшинских сборников показывает, что автор их очень хорошо был знаком с устной поэзией; он, несомненно,

знал подлинные народные былины, знал и сказки, но пользовался он этим совершенно своеобразно. Конечно, нет и речи о точной передаче народных памятников; Левшин свободно обращается с ними, соединяет разные сюжеты, соединяет сказку с былинной, подчиняя все в целом стилю западного рыцарского авантюрного романа. В его сказках встречаются и Василий Богуславич, и Добрыня Никитич, и Алеша Попович, и Чурила, и другие богатыри, однако, кроме имен, в них нет ничего от русского эпоса¹. Сюжеты у Левшина не былинные, а заимствованные или переработанные из волшебных сказок. По собственному заявлению, он брал для образцов французские и немецкие романы. Первые из так называемой «Bibliothèque bleue». Национальный «славенский» колорит достигался у Левшина главным образом названиями городов и местностей, именами героев повествования (Силослав, Славурон и пр.). Иными словами, отношение Левшина к фольклору прямо противоположно отношению к фольклору «Слова о полку Игореве», где нет традиционных фольклорных имен, но есть тонкое понимание стиля фольклора как возвышенного, где есть фольклорные образы, эпитеты, метафоры, отрицательный параллелизм, фольклорное отношение к природе — одним словом, все то, что было открыто в фольклоре через несколько десятилетий.

Характерно, что даже Пушкин в своих первых произведениях недалеко ушел от этого левшинского понимания фольклора. Именно к Левшину обратился Пушкин, когда задумал свою первую поэму «Руслан и Людмила». Один из наиболее распространенных сюжетов в «Пересмешнике» Левшина — это как раз сюжет поисков героем своей возлюбленной.

Отрицательное отношение к фольклору было особенно характерно для

просветителей XVIII в., для писателей, находившихся на прогрессивных позициях. М. К. Азадовский пишет: «Произведения народного творчества в их (просветителей. — Д. Л.) представлении неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками, борьба с последними включала поэтому в свою орбиту народное творчество целиком. Борьба за прогресс и культуру кажется несовместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами. Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурья и невежества, а потому вызвали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение. Такое понимание характерно не только для русского просветительства; оно характерно для всего рационалистического просветительства в целом. У нас такие воззрения в той или иной степени разделяли Татищев, Болтин, Державин, Фонвизин, отчасти Ломоносов, Батюшков и многие другие вплоть до позднейших западников и радикалов»².

Вот почему народно-песенные основы «Слова» были совершенно не поняты ни его первыми издателями, ни первыми исследователями. Первыми, кто оценил, увидел и открыл народно-поэтические элементы «Слова», были Пушкин в 30-е годы и Максимович. Но и они обратили внимание далеко не на все народно-поэтические элементы «Слова».

В «Слове» обнаружили то, чего в нем не было, — оссианизм, указав на такие элементы этого оссианизма, которые впоследствии все обнаружилось в открытой в 1852 г. «Задонщине» (элегический тон, слезы одного из героев-князей, вещая птица «див», картины природы и пр.). Это и понятно: открыть можно знакомое, но нельзя открыть то, что еще

¹ Азадовский М. История русской

² Там же, с. 81.

фольклористики, т. I. М., 1958, с. 67.

ником в те времена не замечалось и для обнаружения чего не было достаточно оснований.

Ю. М. Лотман прекрасно показал различие в идеологии, взглядах, литературных традициях, в употреблении политической терминологии между «Словом» и XVIII в. Его статья дала в этом отношении огромный материал, делающий совершенно невозможным перенос «Слова» в XVIII в.¹ Ученый не может не считаться с этим материалом. Просто не замечать его теперь уже нельзя. Скептик обязан на него ответить по всем пунктам. И еще не ясно, кто же в этом случае окажется скептиком: тот ли, кто отрицательно относится к возможности создания «Слова» в XVIII в., или тот, кто бездумно верит, что для XVIII в. было все возможно, что любое произведение любого жанра, любого стиля и любых идей могло быть создано в новое время, независимо от историко-литературных возможностей эпохи — был бы лишь автор его талантлив, прогрессивен и догадлив.

Ю. М. Лотман пишет: «Для того чтобы понять качественное своеобразие явления в такой мере, которая позволит отделить литературные черты подлинного средневековья от подделок и подражаний XVIII — начала XIX в., необходимо не просто указать на наличие подобного интереса, но и определить его природу, определить, как рисовалась в эту эпоху русская жизнь и древняя литература»².

Наконец, вернемся к тому, что мы писали в главе первой о том, как многое не было понято в «Слове о полку Игореве» его первыми издателями, комментаторами и переводчиками. А ведь это были и лучшие ученые, и добросовестнейшие издатели своего времени!

Представим себе на мгновение, что «Слово» было создано в XVIII в. Кто же был этот безвестный автор? Это был гениальный ученый, опередивший своими знаниями весь XIX век. Он знал историю русского языка, формы древнерусского языка, не допустил ни одной ошибки в лексике. Он притворился неумелым переписчиком «Слова» и сделал в тексте ошибки, многие из которых были разгаданы и объяснены учеными XIX и XX вв. Он умел ценить фольклор и прекрасно знал русский и украинский фольклор — лучше во много раз, чем его современники. Он знал древнерусское язычество и не поддался ни на одну из фальсификаций древнерусских богов XVIII в. Он прекрасно знал древнерусскую историю, все родовые отношения князей и не ошибся в генеалогических вопросах. Он знал южнорусскую природу не только как наблюдатель, но и как поэт. Он знал десятки памятников древнерусской литературы, которые в его времена еще не были открыты и опубликованы. Некоторые из этих памятников он знал в единственных списках. Он широко использовал, например, Ипатьевскую летопись, еще не изданную. Но самое главное, он знал «Задонщину» более чем за полвека до ее открытия и опубликования. При этом «Задонщину» он знал в лучшем списке, чем все шесть списков, до нас дошедшие и открытые во второй половине XIX и в XX в. Он был настолько не заинтересован в славе, что не пожелал опубликовать это замечательное произведение о величайшей русской победе и, уничтожив список, вместо этого создал на его основе произведение о поражении русских войск небольшого новгород-северского князя Игоря Святославича. И этим произведением, неизвестно поче-

¹ См.: Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М. — Л., 1962.

² Там же, с. 350.

му созданным, сумел обмануть проницательность тысячи ученых, писавших о нем, открывавших в нем все новые и новые соответствия своей эпохе.

Эта подделка обладала выдающимися литературными достоинствами и отнюдь не напоминала те примитивные и наивные подделки начала XIX в., которыми «баловались» Селукадзиев и Бардин. Он был бесконечно выше их и в этом отношении.

И самое главное: этот гениальный незнакомец имел для XVIII в. очень странные политические убеждения. Он не примыкал ни к одному из политических течений XVIII в., не был монархистом ни одного из толков XVIII в., а примыкал к взглядам XII в., о которых в XVIII в. еще не знали. Он был близок по своим убеждениям автору «Слова о князях», автору «Слова о погибели Русской земли» и многим летописцам. Он призывал к соединенному отпору всех русских князей против натиска степных народов, верил в возмож-

ность добровольного подчинения всех русских князей единому сильному русскому князю.

Подумав и приняв во внимание все сказанное о «Слове» в этой книге, мы придем к полному убеждению в крайнем неправдоподобии отнесения к XVIII в. «Слова». Правдоподобным оно может показаться только неспециалистам, читателям, плохо знакомым с историей русской литературы и культуры, с историей русского языка, а может быть, и с древнерусским языком, как, скажем, некоторым из иностранных ученых.

«Слово» остается всегда, сомнения же уже возникали и проходили, способствуя только более внимательному изучению «Слова». Будем надеяться, что и новейшие скептики, которые и сейчас еще существуют, будут также способствовать изучению «Слова», как способствовала изучению и мировой славе «Слова» скептическая работа А. Мазона о «Слове» — «Le Slovo d'Igor».

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ИЗДАНИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Орлов А. С. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1938; Изд. 2-е. М.—Л., 1946.

Академик А. С. Орлов — выдающийся исследователь древней русской литературы. Выполненный им прозаический перевод «Слова» — один из лучших. В книге даны тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, рассказывающие о походе Игоря Святославича. Второе издание книги дополнено статьями в защиту подлинности «Слова».

«Слово о полку Игореве». Под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947.

«Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.

В книге даны научный текст, текст первого издания, текст Екатерининской копии, а также два перевода Д. С. Лихачева (ритмический и объяснительный), В. А. Жуковского, И. Козлова («Плач Ярославны»), А. Н. Майкова, И. А. Новикова, В. И. Стеллецкого, Н. А. Заболоцкого. Книга снабжена обширными комментариями. Большой интерес представляют статьи В. П. Адриановой-Перетц «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия» и Н. Н. Воронина «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв.».

«Слово о полку Игореве». Сб. исслед. и статей. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

Сборник в основном предназначен для исследователей, но среди его многочисленных статей имеются и такие, которые представляют интерес для широкого читателя, например: Шарлемань Н. В. Природа в «Слове»; Попов П. Н. «Слово» в изобразительном искусстве XIX—XX вв. и др.

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья ред. текста, досл. и объясн. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. Гравюры В. А. Фаворского и М. И. Пикова. М.—Л., 1952 (Сер. «Школьная библиотека»).

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградо-

вой. Подгот. текста и коммент. Л. А. Дмитриева. Л., 1952 («Библиотека поэта. Большая серия»).

Помимо древнерусского текста и научного перевода Л. А. Дмитриева, даются основные переводы и переложения XIX—XX вв. с их характеристикой и оценкой во вступительной статье.

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья ред. текста, прозаический пер. и примеч. Н. К. Гудзия. Поэтический пер. и примеч. к нему В. И. Стеллецкого. М., 1955.

Н. К. Гудзий и В. И. Стеллецкий принадлежат к числу лучших знатоков «Слова». Выполненное давно (в 1955 г.) издание не утратило своего значения и до сих пор благодаря хорошим переводам.

«Слово о полку Игореве». — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. Сост. пер. и примеч. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М. 1957, с. 243—252 и 333—350.

В книге даны основные литературные произведения XI—XIII вв. в переводах И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. В комментариях, однако, дан и древнерусский текст «Слова». Книга представляет интерес для тех читателей, которые хотели бы познакомиться со «Словом» на фоне других памятников древнерусской литературы. Рекомендуем прочесть «Повесть временных лет», «Слово Даниила Заточника», «Слово о князьях», «Слово о гибели Русской земли», «Житие Александра Невского», «Повесть о разорении Рязани Батыем».

«Слово о полку Игореве» в иллюстрациях и документах. Сост. О. А. Пини. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1958.

Даны воспроизведения миниатюр, гравюр и картин на сюжеты «Слова», портреты исследователей и переводчиков, воспроизводятся титульные листы изданий «Слова» — русских, на языках народов СССР и зарубежных. Книга обращена к учителю средней школы.

Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исслед. Л., 1960.

Книга знакомит с детальным исследованием истории списка «Слова» и его издания

1800 г., с характеристикой сохранившихся экземпляров этого издания.

«Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения. Под общ. ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961.

Кроме древнерусского текста, прозаического перевода С. Шамбинаго и В. Ржиги, а также примечаний, даны переложения и переводы В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. И. Алыева, И. И. Козлова, Е. В. Барсова, Ивана Новикова, Н. Заболоцкого, В. Стеллецкого, Л. Тимофеева, Георгия Шторма, С. Шервинского, С. Ботвинника, Сергея Городецкого, В. К. Звягинцева, А. Н. Скрипова, В. Ф. Соболевского, Е. Ф. Кунина, Александра Степанова.

«Слово о полку Игореве» — памятник XII века». М.—Л., 1962.

Статьи сборника направлены в защиту подлинности «Слова» как памятника XII в., но имеют и более широкое значение, раскрывая его связи с древнерусской культурой XII в., с язычеством XII в., характеризую его язык, стиль, идейные представления и пр. Написаны статьи в расчете не только на специалистов, но и на широкого интеллигентного читателя.

«Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и переводы. Вступ. статья ред. текстов, прозаический и поэтический пер., примеч. к древнерусскому тексту и словарь В. И. Стеллецкого. Стихотворное переложение и пояснения к нему Л. И. Тимофеева. М., 1965.

«Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1. М.—Л., 1965; вып. 2. М.—Л., 1967; вып. 3. М.—Л., 1969; вып. 4. М.—Л., 1973.

«Словарь» подробно останавливается на значении каждого слова в «Слове о полку Игореве», приводит параллели из других древнерусских и фольклорных памятников, а также наиболее значительные из толкований, имеющиеся в научной литературе. Издание не закончено, доведено только до буквы «П» включительно.

«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла». К вопросу о времени написания «Слова». Сборник статей. М.—Л., 1966.

Сборник вводит в исследовательскую лабораторию изучения взаимоотношения текста «Слова» с текстом летописных повестей о Куликовской победе 1380 г., «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Вопрос об этом взаимоотношении имеет первостепенное значение для доказательства подлинности «Слова».

«Слово о полку Игореве». Вступ. статья Д. С. Лихачева. Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева.

Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Изд. 2-е. Л., 1967. («Библиотека поэта. Большая серия»).

В книгу включены многочисленные переводы и переложения «Слова» XIX—XX вв., а также поэтические вариации на темы «Слова», в том числе Ф. Глинки, Н. М. Языкова, И. Козлова, М. Загоскина, А. Н. Островского, Ив. Буннина, К. Случевского, Вл. Соловьева, В. Брюсова, М. Волошина, С. Городецкого, А. Прокофьева, П. Антокольского, В. Звягинцевой, В. Саянова, Н. Рыленкова, В. Сосноры и мн. др.

«Слово о полку Игореве» та його поетичні переклади і переспіви». Видання підготував Леонід Махновець. Київ, 1967 (на українському мові).

Приведен текст первого издания 1800 г. «Слова» и переводы, переложение и отклики Маркиана Шашкевича, М. Максимовича, Ст. Руданського, Т. Шевченко, Ю. Федьковича, В. Мова (Лиманського), Ив. Франко, В. Кендзерського, Панаса Мирного, В. Гринченко, М. Чернявского, М. Вербицкого, М. Рильского, Л. Новиченко, Павла Тычины и мн. др.

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.

Автор комментирует лексику и стиль «Слова», приводя многочисленные параллели из различных древнерусских памятников.

«Слово о полку Игореве». Подгот. текста, пер. и примеч. Д. С. Лихачева. — В кн.: Изборник. М., 1969, с. 196—213 (сер. «Библиотека всемирной литературы»).

«Изборник» может быть рекомендован читателям, которые хотели бы представить себе «Слово» в окружении других памятников древнерусской литературы XI—XIII вв. Советуем прочесть «Повесть временных лет», «Пучение» Владимира Мономаха, «Слово Даниила Заточника», «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского», «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

В книге дана детальная и выразительная характеристика всех князей, упоминаемых в «Слове», и их взаимоотношений. Это широкий, развернутый исторический комментарий к «Слову».

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Объект детального изучения — летописцы — современники автора «Слова». Среди них выделяется один — боярин Петр Бориславич, в котором акад. Б. А. Рыбаков предполагает возможного автора «Слова». Книга вводит читателя в культурную и политическую обстановку XII в.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава 1.	Открытие «Слова о полку Игореве», его издание и изучение	5
Глава 2.	Феодальная раздробленность Руси XII в.	12
Глава 3.	Культура Руси XII в., времени создания «Слова о полку Игореве»	18
Глава 4.	Поход Игоря Святославича Новгород-Северского	41
Глава 5.	Содержание и композиция «Слова о полку Игореве». Объяснительный перевод «Слова»	50
Глава 6.	Художественная природа «Слова о полку Игореве»	77
Глава 7.	Политические идеи автора «Слова о полку Игореве»	84
Глава 8.	Образы «Слова о полку Игореве»	89
Глава 9.	Природа в «Слове»	95
Глава 10.	«Слово» и народная поэзия . .	99
Глава 11.	«Слово» и феодальная символика его времени	104
Глава 12.	«Слово» и древнерусское язычество	107
Глава 13.	«Слово» и древнерусское искусство	110
Глава 14.	Ритмичность «Слова»	113
Глава 15.	«Сердечное искусство» «Слова»	115

Вместо заключения.	
О бессмертии «Слова»	118
П р и л о ж е н и е.	
Как читать «Слово о полку Игореве»	119
Когда было написано «Слово о полку Игореве»? (Вопрос о его подлинности)	147
Рекомендательный список изданий и исследований, посвященных «Слову о полку Игореве»	173

Лихачев Дмитрий Сергеевич

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Редактор

Т. П. Казымова

Гравюра на титуле

В. А. Фаворского

Переплет художника

А. Т. Яковлева

Художественный редактор

Е. Юрковский

Технический редактор

Е. В. Бюдинова

Корректор

Н. И. Котельникова

Сдано в набор 29/VII 1975 г. Подписано к печати 17/VIII 1976 г. 70×90^{1/16}. Типогр. № 1. Печ. л. 11+0,25 форз. Усл. печ. л. 12,87+0,3 форз. Уч.-изд. л. 11,45+0,52 форз. Тираж 100 тыс. экз. А05712.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97. Зак. 555.

Цена без переплета 38 коп.,
переплет 35 коп.

НАНЗБНТА. А ДРОУГН ДЫ
ПНША СПОБЕДОЮ ДЕЛНИКО
НИКТО ЖЕ ВЪ СТИ ПРИНЕС

А НАШЕ СОГЛАСИЕ. ГАЖЕ

МАЛА. И ПАЧЕ ВІНА ВОЗРА
ПОЛОВЦИ АПАНАШНІ БІ

А: +

БО БІШЕ ВІНА РАДОСТЬ. АНІ

